

Г. КАРПЕНКО • ТИМОШКИНА МАРСЕЛЬЕЗА •

ТИМОШКИНА МАРСЕЛЬЕЗА

Г. КАРПЕНКО

Издательство
«Детская
литература»

ТИМОШКИНА Г. КАРПЕНКО
МАРСЕЛЬЕЗА

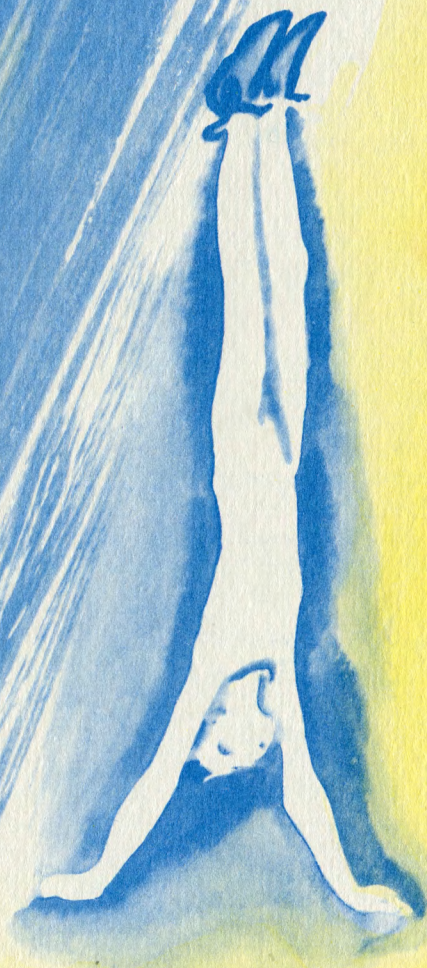
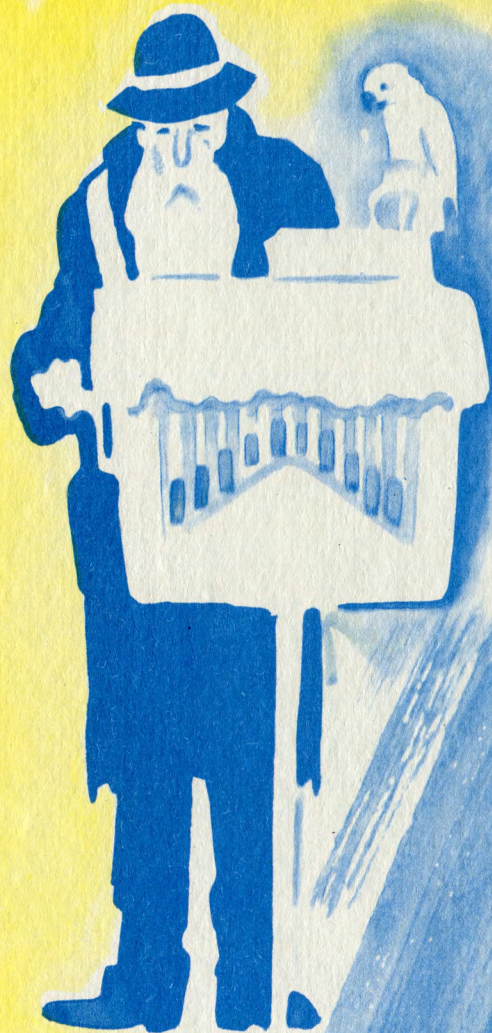

Издательство
«Детская
литература»

Цена 47 коп.

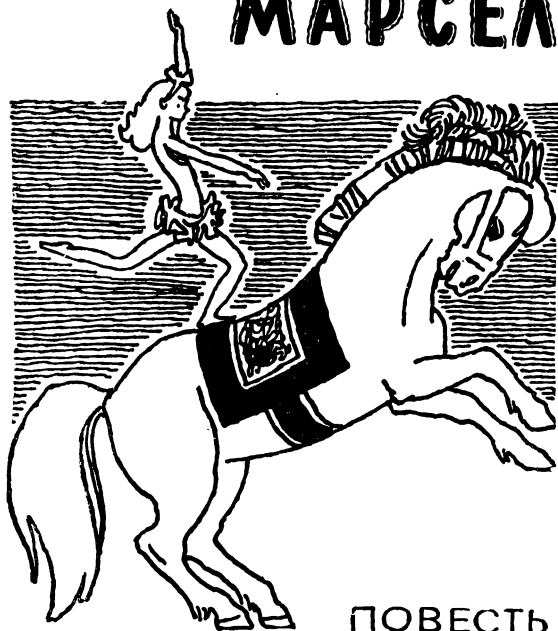

Г. КАРПЕНКО

ТИМОШКИНА МАРСЕЛЬЕЗА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. Цейтлина

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1975

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Открой первую страницу и ты попадёшь в революционный Петроград тысяча девятьсот семнадцатого года. Там ты встретишься с Тимошкой-шарманщиком, матросом Репкиным, клоуном Шурой и со всеми, про кого написана эта повесть.

События повести происходят в тот год, когда родилась Советская власть — власть, которая поможет Тимошке расти, учиться и никому не даст его в обиду.

Карпенко Г. В.

К 26 Тимошкина марсельеза. Повесть. Рис. Н. Цейтлина. М., «Дет. лит.», 1975.

208 с. с ил.

Повесть о Тимошке-шарманщике, матросе Репкине, клоуне Шуре. События в повести происходят в Петрограде в 1917 и 1918 годах.

К $\frac{70802-015}{M101(03)75}$ 188—75

Р2

ШАРМАНЩИКИ

Ветер, холодно. С неба падает не то дождь, не то снег; погода — хуже не придумаешь. А на улице толпа. Кто любопытнее, пробирается поглядеть, «что там за происшествие», а кто, махнув рукой, идёт себе дальше. Теперь в Петрограде на каждом перекрёстке митинг — разве всех переслушаешь?

В толпе кто-то кричит, поминает недобрым словом буржуев, войну, царя, которого почти год как скинули.

— Правильно! Попили нашей кровушки! — поддерживают на все голоса невидимого оратора. — Режь правду! Теперь свобода! Не бойся, давай жарь польку-кадриль!

На улице появился патруль. Шагают четверо. Трое, видно, рабочие, а за начальство у них матрос, так, конопатенький, бушлат застёгнут на все пуговицы, на голове лихая бескозырочка, за поясом маузер.

К патрулю в Питере уже привыкли. Какой ни на есть, всё-таки порядок. А вот насчёт новой власти ещё многие пока сомневаются: какая она, Советская власть? Долго ли продержится?

Поравнявшись с толпой, патрульные замедлили шаг.

Матрос попросил вежливо:

— Разрешите, граждане! Разрешите! Вот так, в стороночку. По какому поводу идёт разговор?

Граждане перед патрульными расступились. И что же? Посреди толпы — шарманщики.

На мостовой на скользком булыжнике — шарманка; на шарманке сидит, нахохлившись, окоченевший попугай.

Рядом со стариком шарманщиком стоит мальчишка. Тоже, видно, артист. Глаза испуганные, в руках бубен. Посинел, продрог на ветру. На плечах у мальчишки не то кофта, не то плисовый пиджак; на ногах полусапожки с ушками.

Увидев патрульных, старик шарманщик стал торопливо взваливать шарманку себе на спину, а попугая мальчишка спрятал за пазуху.

— Зачем скандал? Нам лучше уйти. Мы уйдём, господин матрос,— приговаривал шарманщик, не попадая рукой в кожаную лямку.— Мы лучше уйдём.

— Обожди, папаша! — Матрос оглядел публику, поправил на поясе оружие и спросил уже строго: — Почему шумим, граждане?

— Да вот буржуазия музыку запрещает!!! — Перекрикивая всех, из толпы выпрыгнул солдат на костылях.— Ты глянь, глянь-ка! — указывал он матросу.

Матрос поднял голову и увидел, что на балконе дома, запахнув пальто, стоит седой человек и смотрит на то, что происходит внизу.

— Не нравится музыка? — спросил его матрос. Толпа притихла.

— Помилуйте, какая музыка? — И человек, стоявший на балконе, в свою очередь спросил: — А вы можете это прекратить? Я работаю.

— Слыхал? «Прекратить»!..— снова закричал

солдат, размахивая костылём.— А ты в окопе был? Тебя вошь кусала? Видал? «Прекратить»!.. Он работает... Деньги небось фальшивые шлёпает!

И снова крик — ничего не понять.

Патруль в затруднении: что тут делать, если скандал из-за музыки?

— Тихо, товарищи! — Матрос поднял руку и начал говорить громко, так, чтобы его слышали все: — Собрался народ, ничего себе не позволяет. Кто может запретить народу музыку? Кто может запретить музыку, я спрашиваю?

Седой человек, резко повернувшись, ушёл с балкона, и налетевший ветер стукнул вслед за ним стеклянной дверью.

— Сдался! Сдался! — ликовал солдат. Сорвав с головы папаху, он размахивал ею и на скакивал на шарманщика.— Не бойся, старик, давай крути музыку. Пушай буржуазия не слушает!

— Теперь на площади может играть музыка! Для победившего пролетариата! — подтвердил матрос.

— Правильно! — раздалось в толпе.— Правильно!

Шарманщик, поглядев на опустевший балкон, покорно снял с плеча кожаную лямку, и шарманка, покачнувшись, встала в свою прежнюю позицию.

Озябший мальчишка посадил попугая на ящик со «счастьем» и ударил в бубен.

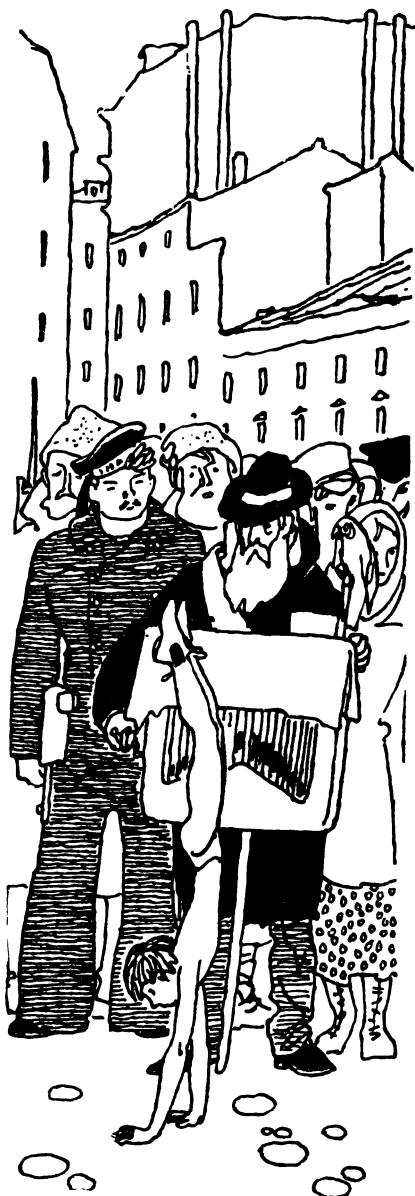
— А что, отец, грянем «Марсельезу»? — предложил матрос.

— «Марсельезы» в ней нет,— тихо ответил шарманщик.

Солдат, которому предложение матроса пришлось по душе, посмотрел на шарманщика с недоверием.

— Как это нет? А что же в ней есть?

— В ней есть полечка, вальс «Не рыдай», «Вот вспыхнуло утро».

— Можно «вспыхнуло», — разрешил матрос и улыбнулся.

— Может быть, сыграем марш? — Шарманщик повернул ручку, и шарманка, тяжело вздохнув, заиграла залихватский марш.

По улицам ходила
Большая крокодила! —

запел мальчишка, а в толпе кто-то подтянул:

Она, она голодная была...

Вслед за маршем шарманка стала играть польку.

Мальчишка сбросил свою плисовую одёжку и, оставшись в лняном трико, на котором мерцали потускневшие блёстки, приплясывая, пошёл по кругу — худенький, лёгкий. Распластав руки, он будто летел.

— Жарь, жарь, не робей! — кричали зрители.

Мальчишка старался. Разбежавшись, он пошёл на руках.

— Господи! Небось все кости поломанные, —

вздохнула тётка. Кутаясь в тёплый платок, она, пригорюнившись, смотрела на представление.

— Жрать захочешь — запляшешь, — изрёк солдат.

Разбрызгивая лужи, мальчишка ещё продолжал кувыркаться, когда один из патрульных сказал:

— Хватит, давай кончай комедию.

Взяв у старика мокрую шляпу, мальчишка протянул её «любителям музыки».

— Обратите внимание, имейте сожаление!.. — выкрикивал он звонким голосом.

Толпа стала редеть.

— Имейте сожаление!.. — Мальчишка протянул шляпу матросу. — Имейте сожаление, обратите внимание...

— Вот чёрт! — выругался матрос, хлопая себя по карманам. — Вышел, браток, у меня капитал...

Мальчишка опустил шляпу, а матрос, вывернув карман, протянул закованному попугаю тёмный комок.

— Что это? — спросил шарманщик.

— Сахар... в кармане-то табак, — ответил матрос. — Может, склюёт?

— Ахилл, тебе предлагают сахар, — позвал шарманщик попугая.

Попугай, взъерошив перья, разинул клюв.

В толпе кто-то захохотал и сразу замолк, когда матрос, обернувшись, спросил зло:

— Кому здесь смешно, граждане? Представление закончилось! Прошу разойтись!..

*

По тихой улице бредут шарманщики. Впереди старик, за ним Тимошка. Так зовут маленького уличного артиста.

Сколько за день они обойдут дворов! Где заработают, а где споют даром.

Старик шарманщик плохо видит — он часто оступается. Шарманка на его спине вздрагивает и гудит своим медным нутром.

— Ах, боже ты мой! — ворчит шарманщик. — Что же это за наказание! Что за погода... Ты здесь? — спрашивает он.

— Здесь, — отвечает Тимошка.

За пазухой у Тимошки попугай. Прижимая его крепче, Тимошка прыгает через снежные лужи. Дырявые полусапожки у него давно промокли. Тимошке с утра хочется есть. «Скорее бы дойти до трактира, — думает он. — Может быть, сегодня дед возьмёт шей...»

— Господи, пусть он возьмёт шей, — молится Тимошка.

Дед идёт, шаркая подошвами, и Тимошке приходится замедлять шаг, чтобы не перегнать старика.

— Возьми шей, возьми шей, — повторяет Тимошка шёпотом, глядя на сутулую дедову спину.

В трактирах теперь почти не кормят. А если что и подают, то дед не берёт.

— Я не Ротшильд, — говорит он. — Принесите нам кипятку.

— Возьми шей, — упорно шепчет Тимошка.

Ледяной ветер старается помешать шарманщикам перейти дорогу. Дед придерживает свою шляпу обеими руками.

— Ты здесь? — спрашивает он, не оглядываясь.

— Здесь, — отвечает Тимошка, не попадая зуб на зуб.

Но вот наконец они спускаются по крутым ступеням.

Дед толкает дверь, и навстречу шарманщикам густым тёплым паром дышит трактир.

СОЛЬ С КИПАТКОМ

В трактирелюдно и шумно. По старой привычке сюда к вечерузабегают мастеровые, студенты, холостые чиновники — съесть чего-нибудь горячего, узнать новости.

Половые таких постоянных посетителей знают в лицо. Не спрашивая: «Чего изволите?» — подают кому шей, кому чаю с крутой заваркой.

Всё, что за день произошло в городе, обсуждается в трактире на все лады.

Только в дальних углах трактира, где потемнее, молча сидят приезжие мешочники. Заказав пару чая, они чаёвничают до рассвета, чтобы с утра пораньше попасть со своими мешками на толкучку, сбыть с рук привезённое.

Позже всех в трактире появляются извозчики.

В Питере самому прокормиться трудно, не то что прокормить лошадь. А извозчики ещё держатся.

— Пуд овса тысяча керенок,— жалуются они друг другу. И, развязав кушаки, пьют чай до седьмого пота.

Прислонив шарманку в уголок, дед сел за стол. К нему подошёл половой. Он принёс на подносе чайник и два стакана на блюдцах.

— Садись,— сказал дед.

Тимошка сел на краешек табурета и обнял свой стакан озябшими руками. Он понял, что шей нынче не будет.

— Грейся! — сказал дед.— Грейся!

Обжигаясь, Тимошка стал пить. Дед брал щепоткой соль и запивал её кипятком. Было похоже, что он пьёт чай с сахаром.

Тимоша тоже взял соли.

За соседним столом сидели мужики. Они пили чай с хлебом. Тимошка поглядывал на чёрные ломти, которые мужики отрезали от краюхи, и, глотая кипяток, думал: «Дали бы ломоть».

Зажмурив глаза, он вдруг ясно увидел мягкий ломоть у себя на ладони. Холодный пот выступил у Тимошки на лбу, его мутило, и он распахнул свою одежду.

Больно клюнув Тимошку в плечо, попугай Ахилл решил выглянуть на свет. Мужики с удивлением смотрели, как по узорчатой клеёнке, осторожно ступая корявыми лапками, расхаживает диковинная птица.

— На-кось,— сказал один из них,— покроши! — и протянул Тимошке большую чёрную корку.

— Возьми,— сказал дед.

Тимоша взял.

— А он будет жрать? — спросил мужик, кивнув на Ахилла.

— Будет, будет,— поспешно ответил Тимоша и стал сыпать перед попугаем чёрные крошки.

— Не жалей,— сказал ему мужик.— Пущай клюёт! Небось заморский?

Дед поглядел на мужика и ответил грустно:

— Он из Вест-Индии.

— А-а-а,— протянул мужик.— Из Вест...

С других столиков тоже увидали попугая. И надежда съесть чёрную корку самому у Тимошки исчезла. Глотая голодную слюну, он подвигал линялому Ахиллу крошку за крошкой, и тот давился, удивляясь Тимошкиной щедрости.

Мужики допили чай, утёрлись шапками и спрятали свою краюху в мешок. Тимоша поднёс к губам мокрую пустую ладонь и слизнул с неё хлебный дух.

Сытый попугай, прислонившись к тёплому чайнику, опустил веки. А Тимошка от усталости и голода

будто закружился на карусели. Перед ним замелькали столы, чайники, столы, чайники...

Шум голосов, чей-то крик слились в густой и вязкий звук: «У! У! У!» Всё, что было рядом, вдруг куда-то отодвинулось и исчезло. «У! У! У! — гудело у Тимошки в ушах. — Ууу...» Когда Тимошка открыл глаза, над ним стояли дед и матрос. Тот самый матрос, который заступился за музыку.

— Что, браток, — спросил он Тимошку, — сомлея?

Преодолевая тяжесть в руках и ногах, Тимошка с его помощью взобрался на табурет.

— Держись, герой! — сказал матрос. — А то опять свалишься. — И, оглядев сидящих в трактире, крикнул: — Именем революционного закона, по постановлению Совета Народных Комиссаров, хлебные излишки изымаются безвозмездно! Понятно?

В трактире наступила тишина. Кто-то, звякнув блюдечком, спросил осторожно:

— Что же, обыск будет?..

— Прошу приготовить документы! — сказал матрос.

В дверях трактира, заслонив штыками выход, стоял вооружённый патруль.

— Где квартируете? — спросил матрос у шарманщика, перелистывая его потрёпанный паспорт.

— За Нарвской, дом три.

— Как же он пеший дойдёт? — Матрос кивнул на Тимошку.

Тимошка, бледный до синевы, держался за стол.

— А что делать, господин матрос? Нам, господин матрос, фаэтона не подадут, — усмехнулся старик.

— Репкин! Репкин моя фамилия! — И, нахмурившись, матрос спросил у Тимошки: — Ну как? Дойдёшь, сынок?

Тимошка молчал. Ему было всё равно, дойдёт он

нынче до заставы или нет. Ноги у него дрожали, а в голове продолжало шуметь.

— Это невежливо, Тимофей. Господин Репкин тебя спрашивает.

Дед смотрел на Тимошку с укоризной, а матрос, тот не обиделся.

— Не робей, Тимофей, не сдавайся!

Махнув рабочему, который стоял в дверях, Репкин распорядился:

— Савельев, выпусти музыкантов!

Шарманщики поднялись по ступеням.

— Проходи, проходи... А вы обождите, — сказал патрульный мужикам с мешками, которые дали корку Ахиллу.

И дед с Тимошкой вышли на улицу.

В ГОРОДЕ ВОЙНА

Тихо, не слышно выстрелов, а в городе война. «Враги революции хотят задушить нас голодом! Спекулянтов хлебом расстреливать!» — гласит расклеенный на стенах домов приказ правительства.

На улицах, на вокзалах — вооружённые патрули. Они останавливают подозрительных.

— Что у вас в узле, гражданин? Следуйте за нами в комендатуру.

На железнодорожных путях отцепили вагон. На вагоне надпись: «Осторожно, снаряды». Открыли — мука. Сопровождающих — в трибунал. Там разберутся.

Уже поздний час. Тяжёлые тучи спустились над городом. В окнах редко где светит огонёк.

Бывшие владельцы богатых квартир проводят тревожные вечера в комнатах, окна которых глядят во двор: так безопаснее. Парадные двери в таких квартирах заперты на все замки, жильцы ходят через чёрный ход.

Когда раздаётся звонок, идут открывать с опаской — вдруг опять с обыском?..

*

Левой! Левой! — шагает патруль по улице.

— Теперь, Репкин, куда?

— Теперь? — Матрос Репкин сдвигает бескозырку. — Теперь зайдём, ребята, ещё по одному адресу.

Преодолевая усталость, патрульные равняют шаг.

Чего только матрос Репкин на своём веку не видал, а не идёт у него из головы мальчишка-шарманщик! Будь она трижды проклята, жизнь с такой детской долей!..

— Ты чего? — спрашивает его товарищ, который шагает рядом.

— Да так, — отвечает Репкин. — Зябко...

Перед Репкиным маячит жалкое Тимошкино лицо, а рядом, на полу трактира, — мешок с хлебом. Мягкий, душистый хлеб, испечённый в жаркой русской печи...

— Ну погоди! Ну погоди! — повторяет Репкин, шагая впереди своего отряда навстречу колючему ветру.

Уж если он задержит мешочника — пощады тому не будет!

*

В штабе, в Смольном, идёт заседание народных комиссаров. Заседание ведёт Ленин.

Положение чрезвычайно тяжёлое: хлеба в городе — на два дня, топлива — на один.

— Необходимо принять самые крайние революционные меры,— говорит Владимир Ильич.

К Смольному подходят всё новые и новые отряды. Они будут вести беспощадную борьбу с голодом.

У входа в Смольный стоит пулемёт. Часовые закончили, притопывают.

— Вы к кому? Предъявите пропуск!

Кого только здесь не увидишь! И всё идут и идут— солдаты, рабочие, печатник из типографии... Вот в чёрной крылатке учёный из Пулкова, из обсерватории.

— Кому мы подчиняемся, в конце концов? — возмущается учёный.— Вы совершаете революцию, а в Галактике свои законы, свои катастрофы! Наука не имеет права терять нить наблюдений ни при каких обстоятельствах! Учёных надо кормить.

— Тогда идите к Луначарскому,— советует часовой учёному.— Он поможет...

*

В ограде перед Смольным горят костры. В отсвете пламени, поблёскивая штыками, греются бойцы чрезвычайных отрядов. «Становись! Становись!» — слышится команда. Одни уходят, другие только что вернулись с задания.

Протянув озябшие руки к огню, матрос Репкин ведёт разговор с раненым солдатом. Шинель на солдате от сырости покособилась, лицо заросло щетиной, бородой, всё имущество — в котомке.

— Скажи ты мне,— говорит солдат,— кто же теперь дела решает?

— Народные комиссары,— отвечает Репкин.

— А Ленин?

— Ленин и есть народный! Не разбираешься?

Оглядывая своего собеседника, солдат говорит с обидой:

— Разбираюсь! Чего бы я здесь мотался? Я бы давно в своей губернии был, если бы не разбирался... Три года провоевал. Можно бы и отдохнуть. Да вот решил помочь революции...

Глядя на освещённые окна, солдат не унимается:

— А где же они заседают, народные?

Репкин показывает солдату, отсчитывая от угла дома шестое окно.

— Гляди, борода, там и заседают!

— Репкин! Репкин! — раздаётся громкий голос.

— Здесь! — отвечает Репкин, и, прервав беседу, матрос Репкин идёт получать боевое задание.

Теперь в отряде у Репкина пятеро, пятый — солдат с котомкой.

Левой! Левой! — шагает патруль по улицам.

В городе война!

ОСОБНЯК ВО ДВОРЕ

Только к ночи добрались шарманщики до своего ночлега. Хозяева уже спали. В темноте дед нащупал щеколду и, стараясь не скрипеть, отворил двери сарая. Не раздеваясь, Тимошка забрался на жёсткую холодную постель, отполз к стене и, положив голову на подушку, будто провалился. Он не слышал, как дед, ворча и кашляя, укрывал его потеплее. Как попугай Ахилл, усаживаясь на свой намест, гортанно выговаривал: «Хорош, Шарлотта, виноград! Хорош, Шарлотта, виноград!»

Чиркая отсыревшими спичками, старый шарман-

щик зажѣг свечу. При свете огарка он оглядел своё жилище.

— Ротшильд распорядился бы затопить камин,— сказал старик.— Но слава богу, что есть хотя бы такая крыша.

Трудно было найти в Питере охотников, кто бы в такое тревожное время пустил к себе квартирантов, да ещё с шарманкой.

— Всѣ-таки на свете есть бог, который видит всё,— сказал дед, когда в одном из домов на заводской окраине хозяева согласились на лето пустить их в сарай.

— Живите,—сказал хозяин.—Не на улице же вам ночевать.

— Я буду аккуратно платить,— пообещал дед.

— Об этом с хозяйкой говорите,— сказал хозяин, открывая дверь сарая. Он только попросил: — Вот здесь в углу кадка, лопаты, пусть так и стоят. Вам они не помешают.

— Конечно, не помешают,— согласился дед.

Из досок в другом углу сарая хозяин с сыном сколотили шарманщикам нары, и дед окрестил сарай «особняком».

Хозяйка первое время присматривала за шарманщиками, но, убедившись, что жильцы не нарушают её порядков, стала с ними приветливой.

— Что делать? Старый человек с мальчонкой. Сердце моё не выдержало,— объясняла она соседкам.— А так зачем нам жильцы? В жизни у меня их не было.

Хозяин редко бывает дома. Он и его сын работают на заводе. Завод — рядом; лязг и грохот слышны на маленьком дворике. А нежная листва на тополе, который растёт перед домом, когда ветер дует с заводской стороны, покрывается копотью.

Весною шарманщики рядились жить в сарае лето. Лето прошло. С тополя стали падать чёрные увядшие листья, но в дорогу, как рассчитывал дед, они с Тимошкой так и не собрались.

— Куда теперь ехать, когда рушится империя, — говорил дед. — Шагают то с ружьями, то с музыкой, и все за революцию, а кто именно за революцию — сразу не разберёшь. Один день тревожнее другого, и чем это всё кончится — пока неизвестно.

В сарае сыро. В углу капает пробивший ветхую крышу дождь.

«Может быть, действительно надо было перебраться в дом?» — подумал дед.

Когда стало холодать, хозяйка предлагала не раз: «Переходите, Абрамович, в дом». Но дед отказывался: «Ещё не мороз. И зачем мы вас будем стеснять? Вы знаете, что такое ночевать с Ахиллом под одной крышей? Ему ночью придёт фантазия поговорить, и он разбудит всех без сожаления».

Хозяйка дала шарманщикам старое лоскутное одеяло, и шарманщики остались в сарае.

«Хорош, Шарлотта, виноград!» — продолжал выкрикивать озябший Ахилл.

Шарманщик, который никогда не останавливал попугая, сказал горько:

— Ахилл, прошу тебя, замолчи...

«...Хорош виноград!» — крикнул, сконфузившись, Ахилл и умолк, засунув голову под крыло. Старик ещё долго лежал, не закрывая глаз, пока его не одолела тяжёлая свинцовая дрема. Он хотел было повернуться на другой бок, но сердце вдруг больно и горячо стукнуло, и он остался лежать навзничь.

На рассвете рядом с ним под тряпичным ворохом громко застонал и заплакал во сне Тимошка.

ТИМОШКА ДЕДУ НЕ ВНУК...

Тимошка деду не внук. Наверное, и у Тимошки был когда-то родной дед, и отец, и мать, только когда — он этого не помнит.

Тимошка помнит шумный город, море, базар и Толика. Толик — это кличка. У всех воров клички, а Толик — вор. Он и Тимошку учил быть жуликом.

Ловкий, маленький Тимошка, он не в окно — в фортку влезал, из чужих карманов выводил кошельки. Всё было...

Тимошке снится базар. Жаркий, пёстрый, залитый солнцем. На базаре бьют Толика.

«Он вор! Негодяй! — кричит растрёпанная женщина, размахивая яркой кофтой в голубых розах. — Будьте свидетелями — это моя кофта!»

Давя рассыпанные баклажаны, городовые волокут Толика под руки и взваливают на телегу. Ломовой, нахлёстывая лошадь, правит к участку, и Тимошке видно через завесу пыли, как бьётся о кованый край телеги окровавленная голова Толика. За телегой бегут, улюлюкают...

«Будьте свидетелями!..» — вопит женщина.

Прячась за прилавками, Тимошка пробирается к лазу в дощатом заборе и мчится по откосу в слободку.

Через колючие заросли терновника он видит, как на галерее дома, в котором они с Толиком проживают, роятся в узлах городовые, а хозяйка дома стоит внизу, в палисаднике, у плиты под черешней, переверачивая на сковороде пригорелые бычки. Она ругает Толика всякими гадкими словами.

«Чтобы он сдох! — кричит она. — Кто знал, что он продаёт ворованное?..»

А уса́тый городской, перегнувшись через перила галереи, смотрит на кусты, под которыми сидит, не дыша, Тимошка, и говорит сиплым басом:

«Мы дознаемся, кто знал!»

Тимошка, холодея от страха, припадает к земле и ползёт прочь, раздирая острыми шипами рубаху... Ему кажется, что городской сейчас его догонит и схватит за шиворот.

Вот что снится Тимошке, и он стонет и плачет всё громче и громче.

*

Всё так оно и было наяву, только городской его не видел. И не думал за ним гнаться. Тимошка тогда просидел в кустах до темноты и, только когда солнце окунулось с макушкой в море, спустился на берег.

В беспамятстве он упал на холодный песок. Там ночью его и нашёл дед.

— Я думал, что ребёнок не жив,— рассказывал шарманщик хозяину, Василию Васильевичу.— И посудите сами, что стало со мной, когда он открыл глаза? Я его взял на руки и принёс в дом. У меня тогда был ещё дом. Только на другой день — вы представляете? — только на другой день ребёнок проглотил глоток воды и сказал, что его зовут Тимофей. Тимофей...— повторил старик нараспев, и веко над глазом у него задрожало.— А моего внука звали Гершеле...— Старик говорил глухо, чуть слышно.— У нас была хорошая большая семья. И в одну ночь я остался на всём свете совсем один... Вот что такое погром.— И, помолчав, он добавил: — Я бы вам не стал рассказывать всего этого, если бы вы не спросили меня, почему я кручу шарманку. Я был тоже уважаемый

человек. Меня приглашали в оркестр Одесского театра.

Бывший музыкант Одесского театра и питерский рабочий сидели на крыльце, а перед крыльцом черноглазый Тимошка и хозяйская дочь Фроська играли в чижики.

— Чур, мне не водить! — кричала Фроська, прыгая на одной ножке.

Отбежав в сторону, Тимошка ловко подхватил летящий чижики и отобрал у Фроськи лапту.

— Вот тебе и чур...

— Он не еврейское дитя, — вздохнул шарманщик, — и всё равно, разве я мог его бросить, больного и одинокого? На всём свете одного... Но сколько у меня с ним было забот, про это не знает даже бог, потому что я ему не жаловался, — горько пошутил Семён Абрамович.

Забот действительно было много. Когда Тимошка поднялся после горячки, старый музыкант решил уехать из проклятого города. Он потихоньку от знакомых купил у грека шарманку и попугая.

«Я очень прошу об этом никому не говорить. Если узнают, меня будут считать сумасшедшим. Пусть думают, что я пропал», — сказал он, расплачиваясь с греком.

Перед отъездом они с Тимошкой пошли на базар. Там по старой привычке Тимошка запустил руку в чужой карман. Когда он отдал деду краденый кошелёк, дед его взял, пересчитал деньги — в кошельке было тридцать девять копеек серебром и медью, — потом спросил:

«Чей кошелёк?»

«Кошелёк-то? Да на базаре одна тётка брала ставридку».

Тимошка уже хотел рассказать, как тётка торговалась, покупая рыбу, но дед его перебил:

«Беги на базар и отдай даме её портмоне... Понял? Или я тебя больше знать не знаю».

Тимошка не хотел, чтобы дед от него отказался, а кошелёк отдать было жалко.

Он долго слонялся по базару. И никак не мог придумать, как же ему поступить. Потом купил на три копейки халвы и пошёл к морю.

Сидя на большом камне, к которому ползли волны, Тимошка грыз халву.

К вечеру он зарыл потёртый кошелёк в гальке, а на камне нацарапал крест и, трижды плюнув, не оборачиваясь, побежал домой.

Деду он сказал, что отдал кошелёк тётке.

«Какая же благодарность была от дамы?» — спросил дед.

Тимошка молчал. Он не ожидал такого вопроса.

«Запомни, это было в последний раз! — сказал дед. — Иди умойся. Сколько ты съел халвы, дурень? Тебя стошнит».

Зарытый кошелёк не давал Тимофею спать. Он даже снился ему. Утром он побежал на берег. Там шабашила артель. Грузчики весело ругались. Тимошка разгрёб на примеченном месте гальку. Кошелек не было. Грузчики пропили тридцать шесть копеек вместе с кошельком... Больше Тимошка не воровал.

«Если это случится ещё раз, я тебя отведу в полицию», — пообещал дед.

С той поры Тимошка, даже невиноватый, обходил стороной городских.

Дед никогда его не ласкал. Молча кормил, молча брал шляпу, в которую Тимошка собирал у публики за представление медяки.

Не ласкал и не бранил. Учил песням. Когда Тимофей, сразу схватив мотив новой песни, не запоминал слов, дед говорил с досадой:

«Песня без слов! Это мог себе разрешить Мендельсон! А ты будь внимательнее. Слушай и повторяй:

Зачем улыбкою коварной
Ты сердце бедное разбил?»

Тимошка повторял с пятого на десятое. Не трогало Тимошку «разбитое сердце».

Но была песня, которую не надо было учить. Она запоминалась сама. Про чайку, которую убил охотник. Он убил её, когда ещё солнце не вставало. Тимошка пел и видел, как над озером поднимается туман, от ветра клонится тростник у берега, а раненая белая птица ещё трепещет на холодной воде.

Вот вспыхнуло утро,
Румянятся воды...—

пел Тимошка, жалея белую чайку.

— Дитя есть дитя,— говорил шарманщик.— Наверное, богу было угодно дать мне ещё одно тяжёлое испытание. Только мне иногда становится не по себе, когда я думаю, что мне не двадцать лет, что уже поздно растить человека.

Наши хозяева — красивые люди,— говорил старый шарманщик.

КРАСИВЫЕ ЛЮДИ

— Какие же красивые? — удивлялся Тимошка.

Хозяин Василий Васильевич — рябой, а хозяйка Пелагея Егоровна, может, и была красивая, но теперь лицо у неё всё в морщинах, руки от стирки красные. Хозяйский сын Гришка хоть и молодой, а красивым

его тоже не назовёшь. Гришка в мать — курносый, а вот Фроська... Фроська весёлая.

Гришка частенько забегает в сарай.

— Я к вам, Семён Абрамович...

Дед встречает Гришку приветливо:

— Пожалуйте, молодой человек. Извините, что у нас ещё не прибрано.

Гриша приходит с балалайкой.

— Вы вчера с Тимофеем романс учили,— говорит он,— мотив мне очень понравился.

Гриша пристраивается на чурбачок и ударяет по струнам.

Я письмо про любовь

Запечатал в конверт...—

напевает он вполголоса, а дед, отсчитывая такт, хлопает себя по колену.

— Хорошо! Хорошо!

Ты жестоко молчишь

И не пишешь ответ...—

продолжает Гриша.

— А вот здесь вы ошибаетесь, молодой человек,— говорит дед и зовёт: — Тимофей!

Тимошка поёт романс «Каприз судьбы» с начала до конца, а тот куплет, в котором ошибается Гриша, повторяет несколько раз.

— Вы слышите? — говорит дед.— Здесь нужно брать на полтона ниже, только на полтона — и не больше.

— Ты молодец,— хвалит Гриша Тимошку,— а мне, видать, медведь на ухо наступил...

— Из него вышел бы толк, если бы случилось чудо и он попал в консерваторию,— говорит дед про Тимошку.

— Теперь искусство трудящимся! — Гриша подмигивает Тимошке.— Попадёт и в консерваторию...

— Не надо шутить, молодой человек,— останавливает его дед.

Но Гриша не унимается:

— Вы что, Семён Абрамович, в революцию не верите?

— Революция! Ещё неизвестно, чем кончится эта революция!

Но вот в дверь сарая бочком протискивается самая младшая в семье Тарасовых — востроглазая Фроська. Она Тимошке ровесница.

— А у нас шарманщики живут! — хвасталась Фроська перед соседскими ребятами.— С попугаем!

За лето Фроська выучила все Тимошкины песни и с завистью поглядывала на Тимошкин бубен, когда шарманщики по утрам уходили из дому.

— Дать тебе волю, плясать с ними пойдёшь,— сердилась мать.

А Фроська слушала и только вздыхала.

Вечером, когда шарманщики возвращались из города, она бежала к калитке, поднимала щеколду:

— Здравствуйте!

— Благодарствую, барышня,— говорил ей дед, приподнимая шляпу и раскланиваясь.

В редкие счастливые дни он протягивал ей карамельку.

Фроська от карамельки не отказывалась. А теперь — какие же теперь карамельки?

— Я думала — никого, а вы все здесь? — удивляется Фроська, прищулив глаза.

— Тебя только не хватало! Здравствуйте, мамзель. Кто вас звал? — говорит Гриша.

Фроська надувает губы.

— Мамадя велела тебе за водой идти. Самовар надо ставить, а ты прохлаждаешься.

Приказ Пелагеи Егоровны в доме Тарасовых — закон. Взяв вёдра, Гриша идёт за водой. А Фроська занимает его место.

— Про какую это вы любовь пели? — спрашивает она, переплетая свою косичку.

— Мы пели романс,— говорит дед.

И, взглянув в приоткрытую дверь на серое небо, из которого сыплет дождь, предлагает:

— Может быть, барышня желает сыграть в карты?

Фроська, не кокетничая, соглашается. Начинается игра. Тимошка нарочно проигрывает и лезет под стол, чтобы Фроська радовалась.

Вот Фроська красивая! Тимошка глядит на неё из-под стола.

— Ты там не уснул? — спрашивает его дед. — Мы уже сдали карты.

Но игра прерывается.

— Папаня! — вскрикивает Фрося и, смешав колоду, мчит к калитке.

Фроська у Василия Васильевича — любимица. Он в ней души не чает.

Даже Пелагея Егоровна ему за это выговаривает:

— Избалуеть ты её, отец, на свою голову.

— Ну, какое же это баловство? — оправдывается Тарасов. — Раньше с полочки купишь пряников, а теперь вот... — Он достаёт из кармана кулёчек.

— Леденчики! — ахает Фроська.

— На толкучке на зажигалку выменял, — признаётся Тарасов.

Леденчики пахнут нафталином.

Пелагея Егоровна и сама бы всей душой хотела порадовать дочку, да чем порадуешь?

С утра до ночи Пелагея Егоровна на ногах. И всё по очередям. Бывает, что простоит целый день и придёт ни с чем.

— Я, Вася, нынче хлеба не выстояла, — говорит она, подавая на стол пустой кулеш.

А Василий Васильевич ещё шутит:

— Ничего, мать, похлебаем вприглядку, зато потом с ситным будем.

— Когда? — Пелагея Егоровна не укоряет, а спрашивает: — Когда с ситным?

Отложив ложку, Василий Васильевич молчит.

— Вот Евстигнеевы, — говорит Пелагея Егоровна, — всей семьёй в деревню уехали. Детей своих пожалели.

Она подливает Фросе и Гришке кулешу погуще.

— Сам Евстигнеев там на мельнице устроился. А мы?

— Я, Поля, с завода не уйду. Тёплого места искать не буду, — отвечает Василий Васильевич. — Ты меня знаешь.

Пелагея Егоровна глядит на мужа.

— Постарел, похудел. Не серчай на меня, Вася, — говорит она. — Это я так про Евстигнеевых.

Пелагея Егоровна на людях за Василия Василье-

вича горой. Это дома, с голодухи да от усталости, сорвалось про Евстигнеевых.

— Ты у меня умница,— говорит жене Василий Васильевич.— Какой из меня мельник?

*

Уже поздно, все спят. Загородив лампу, Пелагея Егоровна чинит Василию Васильевичу рубаху. Вылиняла рубаха, а была когда-то лазоревая в полоску. «Вася её по праздникам надевал,— вспоминает Пелагея Егоровна.— Что ж, что теперь седые,— вздыхает она,— любви моей не убавилось. Как был он для меня лучше да красивее всех, так и остался».

БАШМАКИ С ПОДМЁТКАМИ

Тимошка Василия Васильевича побаивался.

— Как, артист, живём? — спрашивал его Василий Васильевич.

— Хорошо,— отвечал голодный Тимошка.

«Жаловаться неприлично»,— учил его дед.

— Чего хорошего... Пелагея Егоровна нынче щи с воблой варила. Иди поешь.

Отводя глаза, Тимошка отказывался:

— Мы поели, спасибо.

Как-то вечером Василий Васильевич сидел на крыльце — чинил Фроськины башмаки. Фрося подавала отцу то дратву, то шило. Тимошка смотрел, как, ловко продёргивая дратву, хозяин ставит заплатки.

— Держи, дочка,— сказал Василий Васильевич, окончив работу.

Фроська обулась и козырем прошлась по двору.

Цок! Цок! — постукивали подбитые подковками каблучки.

— Теперь, артист, давай твою обутку,— сказал хозяин.

Тимошка не понял:

— Чего давай?

— Давай, давай! — повторил Василий Васильевич.— Заодно почию.

Когда растерянный Тимошка протянул ему свои полусапожки, Василий Васильевич оглядел их и присвистнул.

— Как же ты, артист, топаешь? Поля! — позвал он жену.

На крыльцо вышла Пелагея Егоровна.

— Там Гришкины сапоги в чулане — вынеси,— попросил её Василий Васильевич.

Пелагея Егоровна вернулась с сапогами. Гришкины сапоги были ещё крепкие, с широкими голенищами.

— Ну-ка, примерь,— сказал Василий Васильевич.

— Не надо.— Тимошка оглянулся на сарай, где, намаявшись за день, отдыхал дед.

— Мы с Семёном Абрамовичем сочтёмся,— сказал Василий Васильевич.— А ты обувайся!

И Тимофей, замирая от счастья, сунул ноги в сухие тёплые сапоги...

— Велики небось? — спросила Пелагея Егоровна.

— Ничего не велики,— заступилась за Тимошку Фрося.

А Тимошка, присев на приступку, стащил с ног сапоги.

— Не надо мне,— сказал он.— В своих прохожу.

— Скажи, какой фон барон! — рассердился Василий Васильевич.

Тимошка посмотрел на подарок с сожалением.

— В них плясать тяжело. Ничего не заработаешь,— сказал он со вздохом.— А я — не фон!..

Василий Васильевич задумался:

— Вот что, артист: ты походи в них дня два, а я твои постараюсь залатать.— И Василий Васильевич унёс Тимошкины полусапожки в дом.

Через два дня, как и обещал, он возвратил их Тимошке.

— Пляши,— сказал он.— Работай.

— Надо благодарить,— напомнил Тимошке дед.

— Спасибо,— спохватился Тимошка и, переобувшись, побежал похвастаться перед Фроськой.

— У меня теперь тоже башмаки! С подмётками!

— Я, Семён Абрамович, его ремеслу бы учил,— сказал Василий Васильевич, поглядев вслед Тимошке.

— Ремеслу? — Шарманщик усмехнулся.— Я не знаю, какой из него получился бы токарь или слесарь, но музыкант... Вы слышали, как он поёт? Он не берёт ни одной фальшивой ноты.

Василий Васильевич спорить не стал.

— Пусть будет по-вашему,— сказал он.— Только моё убеждение, что нужно и ремесло знать. Рабочий человек — он всему основа. У меня смолоду тоже гармонь была. А сейчас не до неё. Какие теперь песни?

— Как это какие песни? — рассердился Семён Абрамович.— Вот вы... вы даже на митингах поёте...

— Так это же «Интернационал»! — возразил Василий Васильевич.

Шарманщик посмотрел на Василия Васильевича строго.

— Я сейчас нищий, вы это знаете, но я — музыкант. А «Интернационал» — песня.

На следующий день Тимошка шагал по лужам без опаски: на нём были башмаки с подмётками.

СТРАШНОЕ УТРО

Ветер всю ночь стучал дверью, а под утро затих.

Когда Тимоша проснулся, в сарае было совсем светло. Дед ещё спал, укрывшись с головой. Тимоша поглядел в щёлочку — на дворе лежал чистый, белый снег, и было слышно, как на крыльце дома кто-то колол лучину.

«Хозяева будут ставить самовар», — подумал Тимоша.

Тихо, чтобы не потревожить деда, он слез с постели и вышел из сарая. На крыльце колола лучину Фроська.

— Проснулись? — спросила она.

— Гляди, зима!

Тимошка бросил в Фроську снежком. Она засмеялась, сбежала по ступенькам, держа в руках тяжёлый косарь.

— Я вот тебе! — Из-под тёплого платка на Тимошку глядели голубые Фроськины глаза.

У Тимошки глаза чёрные-чёрные. И волосы тоже чёрные, жёсткие, тугими колечками. А у Фроськи коса. Сегодня воскресенье: в косу вплетена зелёная ленточка.

— Дочка! — позвал из дома голос Пелагеи Егоровны. — Дочка!

И Фрося, собрав лучину, убежала в дом.

Оставляя следы на пушистом снегу, Тимошка вернулся в сарай. Дед всё ещё спал, лёжа на спине, а попугай Ахилл качался в кольце, распуская остатки когда-то роскошного хвоста. Увидев Тимошку, он приподнял хохолок, но в разговор с ним не вступил: Ахилл предпочитал разговаривать с дедом. В дверь

заглядывало морозное солнце. Тёмные стены, позумент на шарманке были тронуты его позолотой. И на постели тоже прыгал солнечный зайчик.

— Хозяева самовар ставят,— сказал Тимошка.

Дед не приподнял головы.

— Самовар кипит! — закричала со двора Фрося.

«Может, чай не пустой?» — подумал Тимошка и сказал громче:

— Хозяева зовут. Я пойду.

Дед не отвечал.

Утерев лицо горсткой снега, потом рубахой, Тимошка побежал в дом.

Хозяева уже сидели за столом. На подносе фырчал самовар, а на тарелке лежали лепёшки. У Тимофея захватило дух.

— С пирогами нынче,— сказала Пелагея Егоровна.— Садись.

— А что ж один? — спросил Василий Васильевич.

— Дед ещё спит,— ответил Тимоша.— Я будил он не просыпается.

Тимоша разломил лепёшку. Внутри она была сырая, похожая на горячий, крутой кисель.

— Ешь, чего глядишь! — И Фрося похвастала: — Из чего лепёшка-то, не угадаешь, а я знаю...

— Цыц! — пригрозил Фроське отец.— В кого ты у нас такая мельница?

Фроська, надув губы, замолчала.

— Из картошки мороженой да из солоду — чего тут гадать? — сказала Пелагея Егоровна.— Ешь!

Лепёшка! Таких бы лепёшек сто! Тимошка ел и наслаждался.

— Налей-ка, мать, погорячее.— Василий Васильевич протянул Пелагее Егоровне стакан и спросил у Тимоши: — Может, захворал дед?

— Нет,— ответил Тимошка.— Он даже не кашляет сегодня. Всю ночь не кашлял.

— Не кашляет? — переспросил Василий Васильевич и поднялся из-за стола.

Широко распахнута дверь сарая. Во дворе чужой народ. В сарай заглядывают все, кто хочет.

— Помер шарманщик, царство ему небесное! — говорит соседка и крестится.

Василий Васильевич привёл плотника, и тот начал сколачивать деду гроб.

Плотник шаркал рубанком. На белый, только что выпавший снег падали крутые стружки. Тимошка молча глядел на его работу.

— Поди шапку надень,— сказал плотник.

Но Тимошка продолжал стоять с непокрытой головой.

— Захвораешь,— сердито повторял плотник, забивая гвозди в отсыревшие доски.

«С добрым утром! С добрым утром!» — кричал в сарае голодный Ахилл.

Тимошка всё стоял и смотрел, как плотник прилаживает доску к доске, и не мог ещё понять, что уже никогда не пойдёт с дедом по дворам петь и плясать.

Собрав свой инструмент в мешок, плотник спросил:

— Ну, кто там со мною расплатится?

Из дому вышла Пелагея Егоровна. Проводив плотника, она кликнула соседку, и они пошли с нею обмы-
вать деда.

„КАПРИЗ СУДЬБЫ“

На другой день после дедовых похорон Тимошка вернулся поздно. Все уже спали.

— Где ты был? — спросила его Пелагея Егоровна.

— Работал. Ахилла-то надо кормить, — ответил Тимошка.

Ночевал Тимофей в доме. Пелагея Егоровна постелила ему на полу. Ахилла она посадила за печь и накрыла лукошком.

— Пускай сидит не шебаршится.

Тимошка долго ворочался — не мог уснуть.

— Чего ты? — спросила, нагнувшись над ним, Пелагея Егоровна и сунула ему холодную картошку.

Тимошка не открывал глаз.

— Никак, плачешь?

— На кой мне плакать? — Тимошка натянул на голову одеяло.

— А ты поплачь, поплачь. — И Пелагея Егоровна погладила Тимошку по голове.

Глотая слёзы, Тимошка повернулся к стене. Он слышал, как Пелагея Егоровна, погасив коптилку, вздыхая, ушла за перегородку и там шептала Василию Васильевичу:

— Как теперь, Вася, с мальчишкой-то быть?

— Где четверо, там и пятый, — отвечал Василий Васильевич. — Только гляди, чтобы не шлялся, а там что-нибудь придумаем.

— Плачет. Не спит, — продолжала шептать Пелагея Егоровна.

— Поплачет — уснёт, — отвечал сквозь сон Василий Васильевич.

Тимошка не мог уснуть. Он вспоминал, как дед, укладываясь спать, разговаривал с Ахиллом:

«Ещё один день прошёл, так пройдёт и вся жизнь».

«Прошёл, прошёл», — повторял попугай, качаясь в кольце.

Ахилла дед уважал, а шарманку, которую таскал на спине, не любил.

«Разве это музыка? — говорил он. — Разве это инструмент? Это «каприз судьбы». Только и всего».

Тимошка знал, что у деда была «музыка», которую он берёг. Он только иногда вынимал её из длинной коробки, сдувал с неё невидимую пыль и, снова уложив на бархатное ложе, завёртывал коробку в мягкий платок.

«Сыграл бы на дудке», — попросил Тимошка.

«Ша! — сказал дед и, будто боясь кого-то разбудить, добавил совсем тихо: — Флейта — не дудка. Это большая разница».

Порывшись в кармане, Семён Абрамович послал Тимошку в лавочку купить спичек. Спички ему были не нужны — ему хотелось остаться одному.

*

— Одно тряпье, — сказала Пелагея Егоровна, разбирая в сарае дедову постель. — Куда его?

— Обожди! — И Тимошка, вспомнив, достал из-под жёсткой подушки дедову флейту.

— Гляди не трогай, — пригрозил он Фроське и отнёс флейту в дом, поставил потёртый футляр на подоконник.

Хозяева в сарае прибрались. Накрыли шарманку рогожей. Пусть себе стоит. Куда её?

Первые дни Тимошка в сарай не заходил. Но как-то, когда дома никого не было — Фроська с Пелагеей Егоровной ушли в баню,— он взял с подоконника футляр и пошёл в своё прежнее с дедом жильё. В сарай сквозь щели светило зимнее солнце. И Ахиллово кольцо, которое забыли снять со стропил, качалось под перекладиной на бечёвке, совсем как золотое.

Тимошка постоял на пороге. Потом сел на чурбачок и поднёс флейту к губам. Осторожно нажимал на клапан, дул, но флейта молчала.

— Не поёт? — спросил Гриша.

Тимошка не слышал, как Гриша появился в сарае. Он взял из Тимошкиных рук флейту, осмотрел её и покачал головой.

— Сломан инструмент, клапанчика не хватает.

— Чего не хватает? — переспросил Тимошка.

— Клапанчика. А ты чего на ней хотел сыграть?

У Тимошки было сокровенное желание. Однажды дед стал учить его песне с чужими, непонятными словами. Тимошка сразу понял мотив, но со словами не ладил.

«Пой, пой просто так,— разрешил дед.— Эту песню поют ангелы»,— и долго слушал его с закрытыми глазами...

— Ты что, ангелов не видал? — удивилась Фроська, когда Тимошка спросил, какие они, ангелы. Она показала ему открытку, на которой по синему небу летела румяная девица, и за спиной у неё были крылья, похожие на гусиные.

— Нешто они такие? — усомнился Тимошка.

— Гляди: крылышки, головка кудрявая,— любовалась Фроська и великодушно предложила: — Хочешь, подарю?

— На кой она мне? — Тимошка не мог бы доверить удивительную песню такому ангелу.

— Такой-то картиночки ни у кого нет... — с обидой сказала Фроська.

— «Аве Мария»! — вспомнил Тимошка первые слова песни и обрадовался, будто нашёл что-то очень дорогое.

— Ты чего, ты чего? — Фроська дёрнула Тимошку за рукав.

— Погоди, — сказал Тимошка, не раскрывая глаз. Но Фроська продолжала его тормошить.

И Тимошка нехотя согласился играть с Фроськой в фантики. В той же коробочке, в которой лежал ангел, Фроська хранила бумажки от конфет. Разделив поровну яркие фантики, Фроська пошла первой на кон.

— «Крем-брюле», — прочитала она и ударила ладошкой по краю стола.

Фантик перевернулся и упал на стол рядом с пустой солонкой...

Песню, которую пели ангелы, под шарманку не споёшь, и в бубен под неё не ударишь... Тимошка хотел сыграть её на флейте.

— Может, не совсем сломана? — спросил Тимошка, с надеждой глядя на Гришу.

— Нет, не годится, — ответил Гриша. — Наверное, Семён Абрамович просто так её берёт, на память. — Гриша продолжал рассматривать флейту. — Не стесняйся, подбирай на моей балалайке, что тебе надо.

Берёт на память...

Когда Гриша ушёл из сарая, Тимошка стянул с шарманки пыльную рогожу, приоткрыл её крышку и опустил туда дедово сокровище.

Он ещё долго стоял перед «капризом судьбы».

Уже никогда не будет так, как было. Никогда больше он не протянет деду шляпу с вырубкой, а тот, пересчитав медяки, горько не пошутит:

«Куда же нам истратить миллион, Тимофей?..»

Тимошка вспоминал, как дед кашлял, сердился, улыбался и спорил. И как, проснувшись ночью, он слышал его дыхание.

— По деду-то горюешь? — спросила его во дворе соседка, развешивая бельё.

Тимошка не ответил.

— Конечно, кабы родной помер — другое дело, — продолжала она, расправляя мокрую простыню.

Тимошке захотелось швырнуть в неё чем ни попадя, но он смолчал и ушёл в дом.

$$3 \times 3 = 9$$

$$2 \times 4 = 8$$

$$3 : 3 = 1$$

$$8 : 2 = 4$$

Василий Васильевич возвращался домой с каждым днём всё позже и позже. Пелагея Егоровна сердилась:

— С Гришки, с того спрашивать нечего: молодой, глупый — то на митинг, то на собрание. А ты на старости чего придумываешь?.. Когда вас нынче-то ждать? — спросила она, собирая утром на стол.

— Не знаю, мать. Когда придём, — ответил Василий Васильевич.

— Самовар подними! — приказала Грише Пелагея Егоровна и в сердцах поставила на стол чашку так, что та треснула.

— Что же ты, мать, посуду не жалеешь? — сказал тихо Василий Васильевич.

Пелагея Егоровна, простоявшая попусту всю ночь в очереди, не выдержала:

— Я с пустой кошёлкой пришла, а ты — завод да завод! Что дома делается — об этом заботы не стало...

— Поля! Ты это зря. Дом на тебе — это верно, и мы это понимаем.

ПЕРВЫЕ УРОКИ

— Кто понимает?..

— Все понимают,— ответил Василий Васильевич.— Все понимают,— повторил он.— К нам на завод Ленин приезжал. «Я, говорит, понимаю, товарищи, как сейчас тяжело вам и вашим семьям, но обращаюсь с просьбой: необходимо ускорить постройку бронепоезда». Придётся работать ночами. Вот, Поля, какое дело.

— Пусть большевики строят — они всему зачинщики, а вам-то, рабочим, что до этого?

— Маманя! — Гриша усмехнулся.— Я же в большевиках третий месяц хожу.

Фроська, которая до сих пор молчала, выглянула из-за самовара:

— В большевиках?

— А ты? — Пелагея Егоровна смотрела со слезами на Василия Васильевича.

— Я не записывался,— ответил Василий Васильевич,— но я на заводе двадцать лет. Мне и без записей всё понятно. Теперь не на Путилова работаем.

— Кто же будет на заводе хозяин? — спросила Пелагея Егоровна.

— Мы,— отвечал Василий Васильевич.

— А получку кто будет вам платить?

— Правительство.

— А правительство кто?

— Мы — рабочие, крестьяне.

— И в лавке не будет хозяина?

— И в лавке не будет.

— В лавке — это правильно,— согласилась Пелагея Егоровна.— Наживаются они на нас, ироды. Чтобы им ни дна ни крыши!

— Вот и ты на нашей стороне, а то — большевики да большевики! — улыбнулся Василий Васильевич и сказал, уходя на завод: — Нынче нас не ждите, до утра не вернёмся.

Становилось всё голоднее и холоднее. Тимошка обёртывал ноги газетой, чтобы они не так мёрзли. К удивлению Пелагеи Егоровны, у Фроськи из полусапожек тоже стали торчать обрывки газет.

— Ой, Фроська, мартышка ты у нас! — смеялся Гриша над сестрой и подзадоривал Тимошку: — Ты её кувыркать научи. Она сможет!

Фроська не обижалась. У них с Тимошкой были свои секреты. Уже почти месяц была закрыта школа, в которой Фроська училась грамоте. Никто не задавал уроков, и тетради с книжками спокойно лежали на комод. Как-то Тимошка увидел, что Фроська листает задачник по арифметике. Неужто она понимает? Его охватила жгучая зависть.

— Про что тут? — спросил он.

— Тут всё просто, — сказала Фрося. — Минус — чёрточка: отнимаем. Крестик — прибавляем. Понял? Тимошка слушал как заворожённый.

— Две точки — делим, — объясняла Фроська и, начертив крестик косо, терпеливо растолковывала ему про умножение.

— Зачем же это? — не соглашался Тимошка. — Зачем умножение, когда есть прибавление? Прибавь пять раз, всё равно получится двадцать пять.

Но Фроська, изображая учительницу, настаивала на своём:

— Это четвёртое правило.

Они забирались с задачником за печь — там было иногда тепло. Надев на переносицу старые отцовские очки, Фроська, становилась неумолимой.

— Множь! Множь! — повторяла она.

И Тимошка, начертив крест крестом, творил с цифрами чудеса.

— Сто на десять — тысяча! Вот бы набрать ты-

сячу! — мечтал Тимошка. — Мы бы на эту тысячу купили билеты на поезд и на пароход. И айда! На море теперь тепло, там яблок, арбузов сколько хочешь...

Фроська не верила:

— Арбузов? Теперь хлеба нет. Война.

Да, теперь война. Это знал и Тимошка. Теперь даже Василий Васильевич ходит на завод с винтовкой. «Мало ли какое дело, — говорит он. — Может, прямо с завода придётся на фронт идти».

РАБОЧИЙ ПОЛК

Рано утром, собираясь на работу, Василий Васильевич сказал жене:

— Не хотел я тебя, Поля, вчера на ночь тревожить, а ты нас с Гришей собери.

— Куда?..

— На фронт, — ответил Василий Васильевич.

— Гришу-то зачем? — побледнела Пелагея Егоровна.

Василий Васильевич, обняв её, промолчал, а она его больше не стала расспрашивать. Когда Гриша с отцом ушли на завод, она долго сидела у остывшего самовара и в который раз перемывала и перетира́ла чашки. Потом достала чистое бельё и стала пришивать к рубашам пуговицы, больно исколов пальцы.

— Куда я напёрсток подевала? — спрашивала она себя, утирая слёзы.

Фроська тоже притихла: сходила за водой, подмела в доме и убежала на улицу. Только когда увидела отца и брата, прибежала обратно.

— Гришка и папая идут! — крикнула она с порога.

Пелагея Егоровна поднялась и, оглядев всех троих, спросила:

— Обедать будем?

Стуча ложками, Фрося накрыла на стол.

— Ты, Поля, подавайся в деревню к старикам. Там прокормишься, а станет полегче, вернёшься домой,— советовал Василий Васильевич жене.

— С мальчишкой-то что делать? — спросила Пелагея Егоровна.— С двумя-то как доберусь?

— Мальчишку, конечно, надо бы к делу приставить, всю-то жизнь не прокувыркается! Да когда теперь? Вот вернусь...

Тимошки дома не было, он прибежал уже тогда, когда отец и сын стояли перед Пелагеей Егоровной совсем собранные.

— Провожать не ходи,— приказывал Василий Васильевич жене.— Не совладаешь с собой, заплачешь...

Василий Васильевич то надевал, то снимал шапку.

— Присядем,— сказала Пелагея Егоровна.

Все сели.

— А ты чего? И ты садись,— сказал Гриша Тимошке.

Первой поднялась Пелагея Егоровна.

— Не на гулянку собрались,— сказала она.— Ты, Вася, не сердчай, я вас благословлю,— Пелагея Егоровна перекрестила сына и, не сдерживая слёз, крепко обняла мужа.

— Ну что ты, что ты,— повторял Василий Васильевич.— Не все... и живые ворочаются!..

Василий Васильевич поцеловал жену и дочь и сказал Тимошке:

— Ты тут, артист, не озоруй. Слушайся Пелагею Егоровну.

Тимошка вместе с другими мальчишками провожал рабочий полк, который построился перед забором.

Василий Васильевич стоял в строю рядом с сыном. Он стоял задумавшись, опустив винтовку к ноге, и слушал речь, которую говорил командир в офицерской шинели, без погон. Потом по команде «смирно» все вскинули ружья на плечо — и пошли.

Тимошке с забора было хорошо видно, как ряд за рядом шли молодые и бородатые, кто в шинели, а кто в пальто, которые раньше надевали только по праздникам, и в куртках, в каких ходили на работу. В сапогах и штиблетах — кто в чём. А в одном ряду Тимошка заметил женщину. Она тоже шла с винтовкой, а на голове у неё была красная косынка. Когда миновал последний ряд, мальчишки спрыгнули с забора и побежали за рабочими. Уже на повороте улицы мальчишеский строй шагал в ногу с полком:

— Раз-два, раз-два!

— По домам, сыны пролетариев! — крикнул командир.

Но мальчишки продолжали шагать.

— Я кому говорю? По домам!

Мальчишки не дрогнули.

— Теперь не отстанут, — сказал кто-то в заднем ряду и затянул песню:

Отречёмся от старого мира!
Отряхнём его прах с наших ног!
Нам не надо золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог!..

Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Вставай на борьбу, люд голодный...

Тимошке песня была незнакома, но он сразу понял мотив и подтягивал всё увереннее:

Вперёд! Вперёд! Вперёд!

Командир, оглянувшись, только махнул рукой. Ну, что с ним поделаешь, вот с таким черноглазым!

А Тимошка, размахивая руками, пел звонче всех.

Когда песня кончилась, командир его похвалил:

— Молодец! Знаешь «Марсельезу».

— Чего? — не понял Тимофей.

— «Марсельезу» хорошо поёшь!

Вместе с рабочим полком Тимошка дошагал до вокзальной площади. Увидев его, Василий Васильевич удивился:

— Ты зачем здесь?

— Может, воевать поедешь? — спросил Гришка и стал уговаривать: — Беги, Тимофей, домой, быстрее беги, а то мать ночевать не пустит!

— Пустит, — заступил-

ся за Тимошку Василий Васильевич.— Не пугай! За чем пугать?

Василий Васильевич положил руку Тимошке на плечо. Скупая ласка, а Тимошке хорошо. И он доверчиво поглядел на хозяина.

— Ничего,— сказал Василий Васильевич.— Ты теперь в доме за мужика остаёшься. Подсобляй Пелагее Егоровне. А я вернусь — со мной на завод пойдёшь. Пойдёшь?

— Пойду,— ответил Тимофей.

Тяжёлая рука ещё лежала на его плече. И Тимошка прижался к Василию Васильевичу.

Рабочие долго стояли перед вокзалом. Мёрзли, курили. Вдруг Василий Васильевич спохватился:

— Как это я забыл? Вот, Тимофей, передай! — Он достал из кармана конверт.— Получку забыл отдать. Бумаги много, купить нечего, но всё равно им пригодится. Гляди не потеряй.

— Не потеряю!..— Тимошка расстегнул свой жар-жакет и спрятал конверт за пазуху.

Гордый таким важным поручением, Тимошка уже не отходил от Василия Васильевича ни на шаг, пока не подали воинский эшелон.

Перед тем как подняться по доскам в теплушку, Гриша снова пошутил:

— Ты, Тимофей, скажи своему попугаю Ахиллу, чтобы он не забижал Фроськиного Барсика, а то из-за сибирского кота ваша с Фроськой любовь будет нарушена. Понял?

На шутку Тимошка не обиделся.

— Возвращайся скорее! — кричал он Грише, но тот уже его не слышал.

Поезд, лязгнув буферами, тронулся. И только тогда, когда затих в далёкой темноте его шум, Тимошка побежал обратно.

Пелагея Егоровна не спала.

Они ещё долго сидели с Тимошкой за пустым столом. Тимошке очень хотелось спать, а Пелагея Егоровна в который раз всё спрашивала:

— Ну, расскажи, как же они поехали?..

„КТО ЖЕЛАЕТ ВЫТАЩИТЬ СЧАСТЬЕ?!“

Весточки от Василия Васильевича и Гришки не было.

Пелагея Егоровна, встречая заводских, спрашивала:

— Может, есть какой слух?

— Если по газетам судить, — объясняли ей, — то хорошего мало. Только ты, Пелагея Егоровна, крепись.

Как ни крепилась Пелагея Егоровна, но и у неё опускались руки, когда делила она между Фросей и Тимошкой последний кусок хлеба.

Тимошка понимал, что он стал в тягость, и Пелагея Егоровна не останавливала его, когда он уходил из дому.

Тимошка сначала ходил просто так по улицам, слушал митинги.

Однажды Тимошка зашёл погреться в трактир. Спустившись по ступеням, он сел за стол, за который всегда садился дед. Тимошка стал ждать, когда знакомый половой принесёт ему чайник. Но половой с подносом всё пробегал мимо. Потом подошёл и, замахнувшись полотенцем, закричал:

— Ишь, басурман, расселся... Пошёл вон!

Возвратиться домой Тимошка норовил к вечеру, когда Пелагея Егоровна с Фроськой уже поужинают, но случалось, что в непогоду приходил и раньше.

— Может, есть хочешь? — спрашивала его Пелагея Егоровна, разогревая пустые щи.

— Я сегодня в трактире кашу ел...

— Ну, слава богу, сытый пришёл, — радовалась Пелагея Егоровна, а Тимошка каши и в глаза не видал.

— Какая была каша? — спрашивала Фроська.

— Из белой крупы, — врал Тимошка.

— Неужто рисовая? — удивлялась Пелагея Егоровна.

Тимошке было досадно, что она старается ему верить. Он отводил глаза, когда Пелагея Егоровна торопливо снимала с огня чугунок со щами.

Фроська, та иногда сомневалась:

— Что ты какой счастливый: всё кашу ешь? А у нас ни хлеба, ни картошки — ничего не было.

Однажды, подойдя к калитке, Тимошка услышал разговор.

— В такое-то время — лишний рот, — жаловалась соседке Пелагея Егоровна. — Была бы я здоровьем крепкая, а то мочи никакой не стало: ноги пухнут, сердце другой раз зайдётся — не вздохну.

— Я бы на твоём месте, Егоровна, — отвечала соседка, — ни в жизнь бы на себя такого хомута не надела. Был бы крещёный!

С того дня Тимошка снова стал ходить по дворам. Ходил, пел песни, предлагал вытащить оставшиеся билетки со счастьем:

— Кто желает вытащить счастье?!

*

— Вот что, парень! — сказала Пелагея Егоровна. — Мне перед людьми стыдно, что ты по дворам ходишь, и Василий Васильевич наказывал, чтобы этого не было, а что делать — не придумаю.

— Я же вашего не ем,— тихо сказал Тимошка.

Пелагея Егоровна заплакала. Весь вечер она перебирала добро в сундуке, что-то откладывала, смотрела на свет, штопала. Фроська, выпросив у матери лоскутков, мастерила себе куклу.

— Я назову её Юлия! Она будет барыня,— приговаривала Фроська, вдевая нитку в игольное ушко.— Юбка у неё шёлковая, а на шляпе будут... Дай пёрышко,— попросила она у Тимошки.

И тот великодушно отдал ей два пера, которые ещё хранили попугайчью красоту. Кот Барсик, мурлыкая, смотрел на Фроськино рукоделие и, шуря зелёные глаза, выпускал из мягких лап острые коготки.

«Пусть Ахилл не забирает Барсика!» — вспомнил Тимошка Гришины слова.— Его заведишь! Ишь какой сытый!»

Попугай Ахилл не ловил мышей. Он, как и его теперешний хозяин, голодал, но не терял своего достоинства. Он даже не моргнул, когда на его глазах Фроська пришила на шляпку барыне Юлии перья из его хвоста.

Нарядившись, барыня Юлия пошла гулять. Она шествовала по столу, шурша шёлковой юбкой, а Тимошка, которому было смешно на это глядеть, не выдержав, скорчил рожу и запел:

— Дура, барыня тряпичная! Эту барыню долой!!!

→ Не дразнись! — вспылила Фроська.

— Тряпичная! Тряпичная! — продолжал дразниться Тимошка и щелчком сбил с головы барыни Юлии её роскошную шляпку.

— Не смей! Не твоя барыня! — Защищая Юлию, Фроська вцепилась Тимошке в волосы.

Пелагея Егоровна разняла драку. Родной дочери она надавала подзатыльников, а Тимошке пригрозила:

— Хватит! Сил моих больше нет! Вот соберусь,

уюду с Фроськой в деревню, а тебя сведу в приют. Там тебя научат уму-разуму.

Вместо того чтобы попросить у измученной Пелагеи Егоровны прощения, Тимошка не смолчал:

— Не думайте, без вас проживу!..

Накинул свой жакет и, хлопнув дверь, выбежал на крыльцо.

— «В приют сведу»! Да я лучше помру! — повторял Тимофей, шагая по тёмной улице неизвестно куда.

*

— Поди-ка глянь,— приказала Фросе Пелагея Егоровна,— небось озяб на крыльце.

Надув губы, Фроська пошла к двери. На крыльце Тимошки не было.

До поздней ночи Пелагея Егоровна и виноватая Фроська не спали. Всё ждали: вот он вернётся, постучит. Но Тимошка не вернулся.

Утром Пелагея Егоровна обошла соседей: может, у кого ночевал? Но никто не видал мальчишку.

— Я в деревню собралась. А теперь как быть?

— Вернётся! Куда он денется?

Но Тимошка не приходил.

Пелагея Егоровна расспрашивала в очередях. Может, кто видал шарманщика — такой щуплый, маленький, кувыркается, поёт, одет плохо.

А Фроська, оставшись дома одна, всё слушала: вдруг стукнет дверь? Кутаясь в материнский платок, она выбегала на крыльцо и подолгу стояла на морозе. Вдруг откроется калитка? Но за воротами было тихо. Во дворе ни к сараю, ни к крыльцу не было на снегу знакомых следов. Фрося возвращалась в дом и с опаской кормила сидевшего за печкой Ахилла.

Ахилл торопливо глотал всё, что она ему давала, и вдруг ни с того ни с сего спрашивал:

«Который час?»

— Я почём знаю,— отвечала Фрося и отходила по-дальше.

Важная барыня Юлия валялась где-то забытая. А её шляпкой играл кот Барсик.

Фрося дула на замёрзшее окно и глядела в проталинку. За окном шёл снег. На подоконнике стоял Тимошкин ящик «со счастьем».

Фрося закрывала глаза и, протягивая руку, вытаскивала из ящика билетик.

— «Вам будет червонная дама со своим интересом и большие деньги!» — читала она по складам.

МАТРОС РЕПКИН

Да это, никак, Тимофей?! — Матрос Репкин крепко держал Тимошку. — Куда это, браток, бежишь?

Подняв за подбородок Тимошкино лицо, Репкин увидал в его глазах злую тоску.

— Пусти, матрос...

— Не пущу — ночь на дворе, а ты — гулять?

— Я не гулять!

Тимошка хотел повернуть обратно.

— Обожди. Как живёшь?

Репкин положил Тимошке на плечо тяжёлую тёплую руку.

— Шарманка твоя где?

И Тимошка, сам того не ожидая, слово за слово рассказал Репкину про свою жизнь.

— Пойдём, браток, со мной,— сказал Репкин.

— А куда с тобой? — спросил Тимофей.

— В царский дворец пойдём.

Тимошка усмехнулся:

— Зачем брешешь? — И вдруг крикнул: — «Ночка тёмна, я боюсь!..»

— Я не брешу, — сказал Репкин.

Если бы Репкин пытался удержать Тимошку силой, начал бы его уговаривать, Тимошка перебежал бы на другую сторону, а там через проходной двор — и ищи его, свищи...

Но Репкин не уговаривал и не страшал. Закурив на ветру, он продолжал себе шагать, и Тимофей пошёл за ним следом.

— Ты думаешь, мне правда ночевать негде? — спросил Тимошка.

Репкин погасил чинарик о мокрую тумбу и, бросив его на землю, растоптал ногой.

— Я, парень, не маленький, — сказал он, — и мне врать не следует. Идём, а то время позднее, а я с утра мотаюсь.

Меся талый снег, Репкин и Тимошка шли молча. Тимошка заговорил первый:

- А чего ты там, во дворце, делаешь?
— Работаю,— ответил Репкин.
— А если царь воротится? — не унимался Тимошка, успевая за ним вприпрыжку.
— Не воротится! Что теперь ему здесь, при Советах, делать? Теперь царю амба!

*

Матрос Репкин действительно работал в царском дворце. Как-то ночью, вернувшись в Смольный с дежурства по городу, он присел отдохнуть. В комендантской топилась печка, и в тепле Репкина разморило. Уснуть бы на трое суток! Но когда комендант Смольного, тоже из флотских, спросил: «Как, Репкин, дела?» — Репкин ответил кратко: «Порядок!»

— Тогда вот явись в Зимний,— сказал комендант и протянул Репкину записку.— К народному комиссару Луначарскому.

Репкин стряхнул дрему, затянул потуже ремень.

— По какой линии Луначарский? Чем занимается?

— Чем? — переспросил комендант.— Говорят, музыкой, театрами — там увидишь.

Долго расспрашивать не полагается. Музыкой так музыкой. Выйдя за чугунную ограду, Репкин вскочил в проезжавший мимо грузовик и, приладив к его борту винтовку, помчался в город на Дворцовую набережную.

Во дворце Репкин остановился перед дверью, на которой висело объявление, написанное чернилами: «Комиссия по делам просвещения и искусств».

Репкин постучал. За дверью был слышен громкий голос. Очевидно, говорили по телефону. Репкин постучал ещё и отворил дверь.

За столом сидел уже не молодой, лысоватый чело-

век. Протирая пенсне, он смотрел на Репкина близорукими глазами.

— Вы ко мне? — спросил он.

Репкин протянул записку, которую ему дал комендант. Человек надел пенсне и, прочитав записку, сказал радостно:

— Чудесно, чудесно! Прошу! Садитесь, товарищ Репкин!

Репкин осторожно сел на хрупкий стул с золочёными ножками.

— Так вот, а я и есть Луначарский! — Человек в пенсне подул на озябшие руки и добавил: — Анатолий Васильевич...

— Здравия желаю! — Репкин встал и отрапортовал, как полагается: — Прибыл в ваше распоряжение, товарищ народный комиссар!

— Чудесно! Да вы садитесь, пожалуйста. Я — штатский. — Луначарский ещё раз заглянул в записку и сказал просто: — Ну что же, теперь можно безотлагательно перейти к делу.

Репкин снял бескозырку и пригладил волосы.

— Возможно, вам покажется неожиданной ваша новая роль, товарищ Репкин, — продолжал Луначарский. — Ваша сфера — океан!

— Так точно! — Репкин всё ждал, когда Луначарский даст ему срочное поручение. Не зря же комендант Смольного помешал ему после дежурства выспаться.

Анатолий Васильевич, рассматривая матроса, которого ему прислали в помощь, думал, как бы поделкатнее объяснить этому рыцарю революции, что он должен — какими путями, это ему самому неизвестно — достать уголь, чтобы протопить консерваторию. Там в актовом зале стынет дыхание... А концерт должен состояться! Непременно!

Луначарский снова снял и протёр пенсне.

— Представляете, товарищ Репкин, какое значение имеет каждый концерт? — Луначарский постучал по массивной чернильнице, на дне которой лежал фиолетовый лёд. — Концерт Бородина опрокинет вымыслы буржуазной прессы! Вы знаете, что они про нас пишут?.. Они пишут, что мы с вами варвары!

Луначарский взглянул на Репкина. Тот мял свою бескозырку, стараясь что-то припомнить.

— Они дошли до абсурда! — продолжал Луначарский. — Вы представляете, они смеют утверждать, что нам не понять Бородина!

— Да не знаю я его, Анатолий Васильевич!

— Простите — кого?

— Бородина! — ответил Репкин.

— Не знаете Бородина?

Луначарский замолчал. Потом, подойдя к Репкину, сказал строго:

— Вам, русскому человеку, нельзя не знать Бородина! Я непременно вам о нём расскажу. И вы поймёте, слушая его музыку, что это могучий талант! Но сейчас... — Анатолий Васильевич вынул из жилетного кармана часы. — Сейчас мы должны с вами решить, как выйти из крайне затруднительного положения.

Слушая наркома, Репкин уже прикидывал, куда ему лучше податься, чтобы достать уголь: к дружку на электростанцию или в порт?

«Петька, пожалуй, угля не даст, — рассуждал Репкин. — С ним лучше не связываться. Надо идти в порт».

— Что будем предпринимать? — Луначарский смотрел на Репкина с надеждой.

— Пойду в порт, — сказал Репкин и, козырнув наркому, направился к двери.

— Я вас жду с нетерпением! От вас зависит концерт! — крикнул ему вдогонку комиссар просвещения.

Шагая в порт, Репкин повторял про себя доводы Луначарского.

Зная судовые порядки и характер флотских кочегаров, Репкин в порту долго с каждым из них разговаривал, убеждал, и наконец на крейсере «Смелый» состоялся непредвиденный митинг.

— Мировая буржуазия перевернётся! — кричал с мостика кочегар, сагитированный Репкиным. — Понимать надо! Буржуазия заверяет, что мы с голодудохнем, а у нас концерт! Большевики за Бородина! Это тебе не дуля с маком!

Кочегара поддерживало явное большинство.

И даже знакомый Репкину помощник капитана попросил слова.

— Господа, я полагаю, — сказал он, — что мы с вами можем оказать Петербургской консерватории наше содействие!

Ему громко, дружно хлопали.

— Правильно, ваше благородие!

На митинге вынесли резолюцию, и Репкин выехал из порта на машине, груженной углем. А уголь и в порту был на вес золота.

К вечеру в консерватории начались репетиции оркестра. Виолончель запела вступление к «Богатырской симфонии». Служители, неслышно ступая по коридорам, закрывали отдушники, не веря, что оттуда идёт тепло.

Неужели это большевики привезли уголь?

Выполнив распоряжение народного комиссара, Репкин решил, что на этом его миссия окончена.

— Разрешите отбыть?

Но Луначарский и слушать ничего не захотел:

— Вы мне необходимы, товарищ Репкин!

Уже через короткое время в Петрограде знали коренастого настойчивого матроса, который воевал за спектакли, концерты, представления в цирке.

Репкин успевал достать хлеб для артистов, обеспечить охрану музея, срочно напечатать в типографии плакаты для фронтовых поездов. Всё это было необычайно трудно, но Репкин справлялся.

— Я родился под счастливым созвездием, — говорил Луначарский. Он был доволен своим помощником.

В ЦАРСКОМ ДВОРЦЕ

Тимошка долго оглядывал комнату в царском дворце, в которой помещалась комиссия по делам просвещения и искусств.

С восхищением дотрагивался до золочёных стульев. И вдруг увидал себя в зеркале. Сначала он отступил, а потом, подойдя совсем близко, дотронулся рукой до холодного стекла. Бледный, усталый мальчишка в плисовой кофте тоже приложил ладонь к его ладони. Тимошка наклонил голову и, тот, другой, тоже. Шея у мальчишки в зеркале тонкая, голова кудлатая, нечёсаная.

— Вот какой я?.. — удивился Тимошка, продолжая смотреть на своё отражение.

— В это зеркало царь гляделся, любовался на свою персону! — сказал Репкин и, подмигнув Тимошке, встал рядом с ним. — А теперь мы!

Репкин поправил свой рыжеватый чуб и, обняв Тимошку за плечи, усмехнулся.

— Ничего!

— Что — ничего? — не понял Тимошка.

— Мы с тобой ребята что надо!

В это время зазвонил звонок. Тимошка вздрогнул.

— Кто это?

— Это телефон, телефон!..— Репкин подошёл к столу и сказал в трубку: — Я слушаю.

Тимошка никогда такого не слышал.

— Смеёшься? — сказал он.— Пугаешь?

— Кого пугаю? — И Репкин засмеялся.— Чудак ты, нá, послушай!

С опаской прижав трубку к уху, Тимошка услышал, как кто-то спрашивал:

— А плакат, товарищ Репкин?

— Отпечатали. Привезли.

Окончив разговор по телефону, Репкин расстелил на столе плакат.

— Так, поглядим,— сказал он Тимошке.

На плакате белая трёхголовая гидра, взвившись на упругом хвосте, разинув пасти, из которых торчали острые жала, нападала на солдата, держащего в одной руке винтовку, а в другой — красный флаг.

— Флаги-то у нас есть,— сердито сказал Репкин,— а вот оружия — на семерых одно, и то без патронов... Я бы отрубил этой гидре одну голову. Плакат для армии, в нём должна быть надежда на победу, а без надежды — зачем его рисовать?

— Ты руби все три,— посоветовал Тимошка.— Она, гадюка, наверное, живучая?

— Ишь ты какой! Аника-воин!—удивился Репкин.

— Я и грамоте умею! — похвастал Тимошка.

— Кто же тебя учил?

— Дед маленько, а больше сам по вывескам.

— Как же это? — поинтересовался Репкин.

— Как? Иду, читаю: «Чичкин — молоко, сметана, сыр», «Портной Михайлов, поставщик двора его величества. Шьём визитки, сюртуки, фраки».

Выпятив живот, осмелевший Тимошка важно расхаживал по комнате.

— Ишь ты! — смеялся Репкин.

А Тимошка продолжал:

— «Булочная Филиппова — пироги, калачи, ба-ранки, сайки с изюмом!», «Павел Буре — часы нашей фирмы».

Подойдя к Репкину и заглянув ему в лицо, Тимошка доверительно предложил:

— Хочешь, я тебе часы украду золотые?

Репкин нахмурился:

— Ты что же, и читать и воровать умеешь?

Тимошка понял, что перехватил.

— Ты не думай, я не ворую. Вот те крест. Это когда я с Толиком был... Я и при деде не воровал.

Он испугался. Ну-ка матрос скажет: «Знаешь что, иди ты куда хочешь, а я тебя и знать не желаю, если ты ворюга?»

Репкин молчал. Он смотрел на маленькие обветренные Тимошкины руки.

— Я не ворую,— повторил Тимошка.— Я работаю. Я один по дворам хожу. Не веришь?

Тимошка вздохнул, прикрыл глаза и вдруг запел. Сначала тихо, потом всё громче. Он пел не за пятак, не за кусок хлеба, а чтобы ему поверили.

Репкин слушал и удивлялся.

Тимошка пел песню без слов, которую «поют ангелы».

— Теперь могу романс,— сказал он, открыв глаза.

— Мать-то помнишь? — спросил Репкин.

— Нет,— ответил Тимошка.

Он не мог признаться Репкину, что в его памяти

вдруг возникало, как видение: зной, жужжит муха, жарко и трудно дышать. Кто-то берёт его на руки, умывает, уносит в прохладу и баюкает. Может, это и была мать?

— У меня мамаша померла,— сказал Репкин.— Ждала меня, да не дождалась.

Тимошке тоже стало жалко Репкина...

А Репкин вспоминал мамашу, рассказывал, как она ходила по соседям, просила, чтобы ему писали письма на флот.

— Старенькая померла, а я был у неё один. Вот, брат, какие дела!

Тимошка, слушая Репкина, не знал, что ему сказать. И не мог себе представить, что Репкин был тоже маленьким.

*

Спали Репкин с Тимошкой на плакатах. Плакаты ещё пахли типографской краской. Но спать на них было не жёстко. Репкин укрыл Тимошку поверх его одежды ещё газетами. Согревшись, Тимошка заснул безмятежно, даже похрапывал.

Когда наступило утро, Репкин разбудил Тимофея и сказал:

— Пригладь вихры, и вот тебе талончики.

— А на кой они? — спросил Тимошка.

— Пойдём поедим,— ответил Репкин.

Тимошка гордо шёл за Репкиным по дворцовым переходам и, скользя по кафельному полу царской кухни, встал впереди Репкина в очередь. Они отдали свои талончики солдату в фартуке и колпаке, и им дали по полной миске чёрной горячей чечевицы.

— Заправился? — спросил Репкин у Тимошки, когда тот выскреб и вылизал свою миску.

Тимошка в ответ улыбнулся во весь рот.

— А теперь, браток,— сказал Репкин, когда они

вернулись обратно в комнату комиссии,— у меня работа. Придётся тебе до вечера меня обождать.

— Я обожду,— ответил Тимошка.

И уселся на стул в стороночке.

Дверь в комнату не затворялась; в неё то входили, то выходили разные люди, и все спрашивали у Репкина про какого-то Луначарского. Один очень худой человек, закутанный башлыком, положил перед Репкиным на стол парусиновую папку.

— Я — художник,— сказал он и стал вынимать из папки листы.— Смотрите, смотрите, товарищ, это «Крушение мира»! — И художник, отступив, поднял лист с рисунком над головой.— Смотрите!

— Верю! — соглашался Репкин.— Но ничем помочь не могу.

— Талон на обед можете? — спросил художник.

— Это, пожалуйста, но только один,— предупредил Репкин.

Получив талон, художник поспешно собрал со стола «Крушение мира» и удалился, не поблагодарив.

И снова входили люди и спрашивали:

— Когда будет Луначарский?

— Мы к комиссару просвещения!

Репкин отвечал вежливо:

— Запомню, доложу.

Только с одним, который пришёл в роскошной шубе и старался взять криком, Репкин поспорил:

— Вы потише,— сказал он.— Я слышу — кричать нечего.

— Мне петь в казарме?! С ума сошли, товарищи! — возмущался владелец роскошной шубы.

Не повышая голоса, Репкин стал ему разъяснять, что петь в казарме — большая честь. А когда певец, хлопнув дверью, ушёл, Репкин покачал головой:

— Знаменитый певец, а революционного сознания не имеет.

— Ты бы сразу на него пистолет наставил,— посоветовал Тимошка.— Не видишь, что ли? Буржуй!

— Ничего, образумится,— сказал Репкин.— Запоёт!..

В царском дворце было не топлено. Ноги у Тимошки окоченели, и он, сидя на своём стуле, постукивал нога об ногу, стараясь согреться.

— Озяб? — спросил его Репкин.

— Маленько. А ты что же всё не работаешь? — Тимошка ждал, когда Репкин начнёт работать и когда ему перестанут мешать.

— Как — не работаю? — удивился Репкин.— Ну и Тимофей! Подожди, вечером на квартиру пойдём. Там, брат, отогреешься!

— А можно, я за Ахиллом сбегая? — спросил Тимошка.

— Это можно,— разрешил Репкин.— Беги! Дорогу-то обратно найдёшь?

Тимошка даже засмеялся:

— Да меня куда хошь заведи — я найду.

— На суше — не на воде: не потонешь! — пошутил Репкин. И строго наказал: — Чтобы без баловства, понял?

ЗА АХИЛЛОМ

Чем ближе подходил Тимошка к заставе, тем всё больше ему хотелось, чтобы поскорее показалась знакомая крыша. Если бы Тимошка не встретил Репкина, может, он и не пошёл бы к Тарасовым. Но теперь жалеть его не надо и кормить тоже... Спросят:

«Где будешь жить?»

«Во дворце!..»

Фроська так рот и разинет. А он заберёт Ахилла и скажет:

«Прощайте! Если я вам совсем не нужный».

«Оставайся!» — будет просить его Пелагея Егоровна.

Он уже представлял себе, как, распахнув двери, Фроська выбежит ему навстречу:

«Вернулся! Пришёл!»

Пелагея Егоровна приветливо скажет:

«Оботри ноги. Входи».

И он шагнёт через порог.

*

Войдя во двор дома, где жили хозяева, Тимошка даже не стал стучать в дверь. Он понял, что в доме уже никого нет. Его увидела соседка.

— Они тебя ждали...— вздохнула она.— Только вчера уехали. За хлебом поехали в тёплый край.

Тимошка глядел на замёрзшие окна, на крыльцо, на котором Фроська колола лучину, и решился спросить:

— Ахилла они с собой взяли, не знаете, тётенька?

— Попугая? Вот этого не скажу.— Она подняла ведра и, поглядев на Тимошку, который стоял молча, сказала в сердцах: — На кой он им, попугай? Только корми! А сварить — в нём ни жиру, ни мяса. Одни перья! — Гремя ведрами, соседка хлопнула калиткой.

А Тимошка, не заходя в сарай, где, может быть, ещё стояла старая дедова шарманка, ушёл со двора.

УЖЕ ВЕЧЕР

Уже вечер. У народного комиссара Луначарского давно кончилось шумное заседание. Народ разошелся.

Репкин всё поглядывал на дверь, ждал, что вот-вот появится Тимошка. «Где его черти носят? Темно уже».

— Опять остаётесь здесь ночевать, товарищ Репкин? — спросил Луначарский.

— Нет, Анатолий Васильевич, сегодня на квартире ночую. Не один, — добавил Репкин.

И Репкин стал рассказывать комиссару про Тимошку.

— Удивительный! Поёт, пляшет, от горшка два вершка и на всём земном шаре ни одного родственника.

— Это трагедия — одинокие дети! — Луначарский грустно посмотрел на Репкина. — Вы Дзержинского знаете? Обратитесь к нему.

— Нет. — Репкин покачал головой. — Нет, Анатолий Васильевич: из приюта этот артист сбежит. Его к музыке надо пристроить.

— Ну что ж, поглядим вашего вундеркинда, — улыбнулся Луначарский.

— Завтра вымою — приведу, — пообещал Репкин. — Сегодня с ним на квартиру пойдём.

— А помните, как вы капризничали? — спросил Луначарский. — Вот и вам пригодился дом. У каждого человека должен быть дом, товарищ Репкин. — И Анатолий Васильевич, вынув из кармана часы, покачал головой. — Мне сегодня непременно попадёт. Никогда не нужно обещать, что придёшь пораньше!

Попрощавшись, Луначарский ушёл. А Репкин, оставшись один, задумался. «Каждому человеку нужен дом...»

*

Как же не помнить!

— Вот вам ордер,— сказал Луначарский спустя несколько дней после того, как они познакомились.

— Зачем это? Мне не надо. Я не просил.

— Видите ли, я заинтересован, чтобы мои сотрудники высыпались,— ответил Луначарский, но Репкин продолжал отказываться. Тогда Анатолий Васильевич даже вспылил: — В конце концов, я требую, чтобы вы жили по-человечески...

Репкину ничего не оставалось, как взять ордер и поблагодарить комиссара просвещения. В тот же день он отправился по адресу, который был указан в ордере. Уже поднимаясь по ступеням подъезда, Репкин вспомнил: «Ну конечно, в этом доме был скандал. А вон на том балконе стоял старик, который ни с кем не был согласен. Как бы к нему не попасть...— подумал Репкин.— Вот будет кадриль!..» Нажав на звонок, Репкин ждал, когда ему откроют дверь.

«Профессор Гнедин Алексей Лаврентьевич»,— прочитал он на медной дощечке.

Дверь открыли, и отступить было поздно.

— Что вам угодно? — спросила Репкина молодая, красиво причёсанная женщина.— Что вам угодно? — повторила она.

Репкин протянул ей ордер:

— Выходит, я к вам!

Не отвечая, женщина ушла в комнаты, а Репкин остался один в полутёмной передней.

«Зачем мне это нужно? — злился Репкин и мял в руках бескозырку.— Жил без квартиры и ещё проживу».

— А где у вас ружьё? — спросил кто-то рядом. В кресле, в углу, сидела девочка и с любопытством его разглядывала.

— Ружьё? Нету у меня ружья.

— Нету? — Девочка поправила бант. — А почему?

— Ну к чему оно мне! А вас как зовут, барышня? — спросил Репкин.

— Меня зовут Лена, — нараспев ответила девочка.

Показав на дверь, она стала говорить громким шёпотом:

— Вы знаете, я здесь буду сидеть целый час. Меня наказала мама. — И предложила: — Давайте играть. У меня есть бирюльки. Хотите?

— Некогда, барышня, — сказал Репкин.

Девочка положила бирюльки в карман фартучка и сообщила Репкину:

— Вы знаете, за мою Зиночку сегодня целое ведро картошки дали. Целое ведро... — повторила она и даже всплеснула руками.

— Кто же это — Зиночка?

— Закрывает глаза, открывает глаза. — Похлопав ресницами, девочка объяснила: — Кукла Зиночка!

— Елена! — позвал строгий голос.

Девочка замолчала.

— Елена, иди сюда, — позвал тот же голос.

Девочка не спеша сползла с кресла и, оглядываясь на Репкина, ушла из передней.

Дверь из комнаты распахнулась.

Перед Репкиным стоял владелец квартиры. Конечно, это был он. Тот самый седой человек, который просил не играть «Крокодилий марш» под его окнами. А Репкин разъяснял ему тогда про революцию. Профессор Гнедин, наверное, не узнал Репкина. Мало ли матросов в Петрограде?

— Что ж, сударь, вселяйтесь, — сказал профес-

сор.— Вам уже, кажется, освободили комнату. Ду-
ня! — позвал он.— Дуня!

И профессор Гнедин, поклонившись, ушёл, а за-
плаканная кухарка Дуня проводила Репкина в комна-
ту за кухней.

— Живи,— сказала она, утираясь фартуком.—
Сундук мой здесь остался. Куда его тащить в гости-
ную?

Нехитрые манёвры, происшедшие в доме Гнеди-
ных, были ясны Репкину. Взяв у Дуни ключ от чёр-
ного хода, не простившись с хозяевами, Репкин ушёл.

На профессорской квартире он бывал редко. Да и
времени, чтобы выспаться, всё не выпадало. А сего-
дня... «Где его носит! — досадовал Репкин на Тимош-
ку.— Явиться на квартиру к профессору ночью, да с
попугаем — неудобно получится!»

ВОЛШЕБСТВО

Тимошка шёл, шлёпая по талым лужам. Ветер
насквозь продувал его одежду и сыпал за шиворот
мокрым снегом.

«Один проживу! — повторял про себя Тимошка.—
Не пропаду! «За хлебом поехали!» Да родная мать
меня ни в жисть бы не бросила!..»

Горькая обида на Пелагею Егоровну и на Фрось-
ку заслонила царский дворец. Тимошке вдруг стало
всё равно: ждёт его матрос Репкин или нет.

Не чувствуя ни ледяного ветра, ни мокрого снега,
который падал сплошной завесой, Тимошка шёл, не

разбирая дороги, и вдруг прямо перед ним сквозь метель блеснули огни. Яркая цирковая афиша преградила Тимошке путь. На афише по малиновому полю, высоко вздымая ноги, скакала белая лошадь, а на лошади плясала девочка. Тимошка замер на месте, ноги у него будто приросли.

Ветер раскачивал над афишей фонарь, и девочка улыбалась. Вот так же улыбалась Фроська.

*

Тимошка никогда не был в цирке, а Фроська была.

— Меня на святках Гриша водил! — хвастала она, рассказывая про чудеса, которые видела.

Тимошка ей не поверил:

— Что же, и лошадь плясала?

— Лошадь — это ещё что!

Фроська вышла на середину комнаты и, приподняв руки, встала на носки.

— Гляди, лошадь пляшет, а на ней — девочка, и ни за что не держится.

Фроська, танцуя, прошла по половице.

— На девочке платьице. — Фроська поглядела на своё, серенькое, в цветочках. — На ней платьице было в серебре, — вздохнула она.

Вот она, девочка в серебряном платье. Ветер раскачивает фонарь, и сквозь летящий снег Тимошке кажется, что девочка ему кланяется. А рядом, распластав руки, летит гимнаст.

— «Польди — король арены!» — прочитал кто-то громко за Тимошкиной спиной.

Тимошка, оглянувшись, увидел матросика и девушку в пуховом капоре.

— «Король»! — повторил матросик. — Не могут без контрреволюции! — И с шиком предложил своей спутнице: — Желаете поглядеть?

Матросик в лихих клёшах и девушка скрылись в метели, а Тимошка остался перед афишей один. Он дотронулся до неё заковченными пальцами.

Вот бы глянуть!

*

Мимо Тимошки идут, торопятся, но никто не берёт с собой мальчишку. А мальчишка, притопывая на снегу, просит:

— Проведите, дяденька!.. Проведите, тётенька!..

Тимошка давно тут вертится. Его уже приметил важный швейцар в галунах:

— Без билета, шантрапа, желаешь проникнуть?..

Теперь мимо него не проскочишь — возьмёт за шиворот и спустит с лестницы.

— Проведите, дяденька!.. — просит Тимошка.

И вдруг повезло. У подъезда цирка остановился строй солдат. И, скрытый шинелями, Тимошка прошмыгнул в цирк.

Песчаным кругом желтел перед ним манеж. Играла весёлая музыка. А народ шумел и хлопал в ладоши.

Но вот на манеже появился барин в чёрном фраке и белой манишке. Он что-то очень громко сказал, и Тимошка, прижавшись к солдату, ахнул: по песчаному кругу одна за другой пробежали нарядные лошади.

— Видал? — сказал солдат, который сидел рядом. — Чего придумали! А в деревне пахать не на чем.

Тимошка не переводил дыхания — куда он попал?! Одно чудо сменялось другим. Под музыку плясали собаки, потом очень смешной человек в колпаке и в широких штанах падал, смеялся и всё норовил стукнуть барина во фраке по голове, но промахивался. Потом вышел другой смешной человек. Он стал

кидать и ловко ловить бутылки, шары. Солдаты хотали до слёз, а Тимошка улыбался молча. Но когда на арене появился акробат Польди, Тимошка перестал улыбаться.

Вот он какой, король! Заиграла музыка. Подняв руку, Польди торжественно обошёл арену. Потом, сбросив блестящий плащ и разбежавшись, ухватился за трапецию. Алле! И, как по волшебству, взлетел вверх, под купол.

Барабаны в оркестре стали бить тревожную дробь, а Польди, раскачавшись, выпустил из рук перекладину и, перевернувшись в воздухе, без промаха поймал другую.

Стиснув потные руки, Тимошка следил за его полётами.

Давая себе передышку, Польди улыбался, даже раскланивался: мне, мол, здесь совсем не страшно. Но Тимошка всё равно за него боялся. «Держись! Держись крепче!» — шептал он, когда Польди начал крутить мельницу. «Раз, два, три... восемь...» — считал Тимошка и скоро сбился со счёта, а Польди всё крутил. И вдруг из-под самого купола стремительно скользнул вниз.

Барабаны смолкли.

Тимошка закрыл глаза.

— Ты чего? Не робей! — подтолкнул Тимошку солдат.

Снова заиграла весёлая музыка. И Тимошка увидел, что Польди, живой и невредимый, прижимая руку к губам, кланяется во все стороны.

— Даёшь! Даёшь! — закричал Тимошка, вместе со всеми хлопая в ладоши. Ему страсть как хотелось, чтобы Польди ещё побыл на арене, но акробат убежал и больше не вернулся.

На арену вывезли ящик из железных прутьев. В ящике сидел зверь. Тимошке было непонятно, за-

чем укротитель, нарядный, в красной куртке, стал пугать и дразнить зверя.

Зверь рычал, отмахивался от него лапами, а укротитель всё насккивал и хлопал бичом.

Наконец зверь прижал уши и прыгнул в обруч. Он прыгал в обруч несколько раз, даже тогда, когда подожжённый обруч запылал огнём.

Потом укротитель заставлял зверя встать на задние лапы и стал загонять его обратно за железные прутья.

Тимошке было видно, как зверь смотрит, скосив глаза, на укротителя, и ему стало боязно.

— Видал? — сказал солдат. — Если такой корябнет, вся шкура напрочь!

И Тимошке стало ещё страшней.

*

На арене померк свет. С неё, торопясь, уносили тумбы, обгорелый обруч и пыльные ковры.

Толкаясь в дверях, зрители спешили выйти на

улицу, чтобы успеть добраться на ночном трамвае до дому. Тимошке тоже давно пора быть во дворце, где его ждёт Репкин. Но он не может оторваться от афиши, по которой летит Польша.

«Вот бы мне так!» — И Тимошка гладит афишу, осторожно сметает ладонью липкие снежные кляксы.

— Ты это смотрел? — спросил кто-то за его спиной.

— Смотрел, — ответил Тимошка и отступил, чтобы не заслонять знаменитого Польша. — У него вся сила в руках! — вздохнул Тимошка.

— В руках? — И тот, кто стоял сзади, схватил вдруг Тимошку выше локтя.

— Ты что? Пусти... — Тимошка вырвался. — Пусти!

— Ты есть глупый! Я смотрел твой мускул, — весело сказал высокий незнакомец.

— Свои гляди! — крикнул Тимошка и отбежал в сторону.

— Подойди сюда, я хочу тебя что-то спрашивать, — сказал незнакомец. — Я знаю, ты ходил с шарманка. Где твой фатер, где отец?

— А у меня его сроду не было. Тебе зачем? — Тимошка отбежал ещё дальше.

— Мне с ним нужно говорить. Ты есть глупый, — засмеялся незнакомец.

— Чего ржёшь? — обиделся Тимошка. — Я теперь сам по себе, — и, не обернувшись, пошёл прочь.

— Подожди, я хочу иметь твой адрес! — Незнакомец нагнал Тимошку и, встав у него на дороге, спросил: — Как это сам по себе?.. У тебя нет адрес?

— Ничего у меня нет, — огрызнулся Тимошка. — Помер дед, понял? Пусти!

Но незнакомец дороги не уступил.

— Глупый, — повторил он. — Ты есть глупый. Я не хочу делать тебе плохо. Ты хочешь на арену?

Тимошка не понимал.

— На арену. Алле! Алле! Работать! — Незнакомец поднял руку, как бы начиная опасный номер.

Тимошка в растерянности молчал.

— Я — Польди, — сказал незнакомец.

ПРИНЦ ГОЛЛАНДСКИЙ

Ну и повезло тебе, принц голландский! — Важный швейцар распахнул перед Тимошкой тяжёлую дверь. — Иди ночуй!

Пустить Тимошку ночевать в цирк велел Польди. Тимошка сам видел, как Польди дал ему за это на чай. И сказал:

— Пустите, Петрович, его ночевать.

— А он завтра не прогонит меня, дяденька? — спросил Тимошка швейцара.

Швейцар поглядел на Тимошку сверху вниз.

— Господин Польди — акробат первого класса, всемирно известный, — сказал он, — а ты — тля. Он из тебя либо сделает человека, либо выгонит непременно. Вшей на тебе много? — спросил вдруг швейцар и, не дождавшись ответа, махнул рукой: — Ночуй, шантрапа.

Тимошка лежал в темноте, укрытый чем-то тяжёлым и тёплым. Пахло лошадьми, и Тимошка слышал, как где-то рядом они переступали, топоча копытами. Уснуть Тимошка не мог. Он закрыл глаза, и перед ним возникла, блистая разноцветными огнями, цирковая арена. Держась за лёгкую трапецию, над нею летел король арены Польди.

Вот это да! Вот это алле!!!

В темноте зарычал зверь, и Тимошке стало не по себе. Он укрылся с головой, зверь не умолкал.

«Чего он ревёт? — думал Тимошка. — Может, обжётся?»

Тревожная ночь была у Тимошки. Он засыпал, просыпался, прислушиваясь к непонятным звукам, боясь пошевелиться.

«Как же я теперь покажусь Репкину? — думал Тимошка и стал себя оправдывать: — На кой я ему, матросу? Он, может, обрадуется. «Ишь, скажет, куда тебя занесло! Я-то думал, как тебя определить? А ты сам пристроился!»

И Тимошка представил себе, что не Польди, а он летит над ареной, а внизу на скамейке сидит Репкин. Репкин хлопает в ладоши и громко кричит:

«Молодец, Тимофей! Молодец!»

*

Утром Тимошка проснулся от того, что ему очень хотелось есть. Он часто просыпался голодный, но так ещё никогда не было. Рот у Тимошки пересох и ныло под ложечкой.

«Где это я? — не понял Тимошка. В темноте вокруг него слышались вздохи, кто-то стонал. — На вокзале? Не похоже».

Потянувшись, Тимошка открыл глаза. Над ним стояло в темноте что-то живое. А вокруг раздавался рык, писк и кто-то кричал не по-звериному и не по-человечески: «Иа! Иа! Иа!»

«В цирке — вот где я сплю», — вспомнил Тимошка и, взглядевшись, понял, что над ним стоит лошадь.

Он лежал не шевелясь, а лошадь обнюхивала его и фыркала.

Где-то высоко посветлели узкие окна, и Тимошка стал ждать, когда кто-нибудь за ним придёт.

„АЛЛЕ! АЛЛЕ!“

твом цирк был совсем другим.

— Поднимайся! — сказал швейцар, который вчера пустил Тимошку ночевать. — Хватит, выспался.

Тимошку обдало резким холодом.

— Вот, умойся. — Швейцар показал Тимошке на обколотую раковину. — Да отряхнись, опилки вон пристали.

Тимошка отряхнулся.

— И марш из конюшни! А то придёт комендант, он мужик озорной!

Остерегаясь озорного коменданта, Тимошка, перебрался из конюшни к швейцару под лестницу. В тесной швейцарской было тепло, на столе горела керосинка, а на керосинке из кофейника шёл пар.

— Садись, — сказал швейцар и налил Тимошке кружку чёрного горького чаю. — Пей, сирота.

Тимошка пил наслаждаясь. Рядом с кружкой швейцар положил сухарь. Сухарь был ещё чернее чая...

— Разгрызёшь? — спросил швейцар. И сам ответил: — Ему что хошь дай — всё разгрызёт.

«Иа! Иа!» — кричал кто-то, не переставая.

Швейцар пил с блюдечка, отдуваясь. Широкая лысина на его голове покрылась потом.

— Дяденька, а кто там кричит?

— Осёл орёт. Тоже есть просит. Всякая тварь богом создана, а теперь, при большевиках, всем от голода издыхать.

Швейцар погасил керосинку и, прибрав со стола посуду, облачился в шинель, обшитую галуном.

— Ну, пойдём. Господа артисты скоро приедут... Вот здесь обожди,— сказал он Тимошке.

Тимошка сел у дверей, из которых дуло, и стал ждать. Перед ним висела вчерашняя пёстрая афиша. Разглядывая её, Тимошка увидел, кроме акробата и наездницы, собачку в колпаке с бубенчиками и смешного человека в широких штанах.

— Здравствуйте! Здравствуйте!

Тимошка очнулся. Перед ним стоял низенький старичок в шубе и глубоких ботиках. Из-за полы его шубы на Тимошку глядела мохнатая собачка.

— Гляди, Фома, кто к нам пришёл! — говорил ласково старичок, поглаживая собачку.

— Это господин Польши с улицы вчера привёл,— объяснил швейцар.— Только какой толк может быть из шантрапы? — И, махнув на Тимошку рукой, швейцар заговорил с собакой: — На работу, Фома. На работу. Косточку бы тебе, да нет у меня косточки.

Старичок в ботиках, продолжая глядеть на Тимошку, спросил:

— А когда же придёт Польши? Может, он пока посидит у меня? Здесь сквозняк, Петрович!

— Зря беспокоитесь, Александр Иванович! — ответил швейцар.— Что ему на сквозняке сделается?

Тимошка с охотой пошёл бы за стариком с собакой. Но дверь растворилась, и появился Польши.

И Польши тоже был не такой, как вчера.

Приподняв шляпу, он поклонился ласковому старичку и, взяв у швейцара ключ, сказал Тимошке:

— Идём!

В комнате, куда они пришли, было почти пусто. На стенах висели обручи и что-то ещё пёстрое. С потолка спускались на верёвках кольца, а посередине стоял топчан, обитый кожей.

— Встань сюда! — сказал Польши, сбрасывая с себя шубу.— Подними руки! Вот так!

Оглядев Тимошку со всех сторон, Польди распахнул дверь и крикнул:

— Петрович!

В комнату вошёл швейцар.

— Петрович, я буду вам платить,— сказал Польди.— Эту рвань надо всё долой.— Он показал на Тимошкин пиджак.— А его,— он ткнул Тимошку в грудь,— а его надо хорошо мыть. Понятно? Мыть с мылом.

Через несколько дней, вымытый, переодетый и накормленный, Тимошка уже работал на манеже.

*

— Алле! Алле!

Тимошка с разбегу ухватывается за перекладину трапеции и выпускает её из рук.

— Смело! Смело! — кричит Польди.— Что ты как тюфяк из солома! Алле!

Польди недоволен. Он ещё и ещё раз заставляет Тимошку хвататься за трапецию. Тимошка старается изо всех сил — ему хочется угодить Польди.

— Алле! Алле!

— Польди, он будет хорошо работать,— говорит низенький человек с белой собачкой на руках.

Это Александр Иванович, клоун Шура, который первым в цирке поздоровался с Тимошкой.

Польди не достаивает клоуна ответом.

— Я прошу вас немного музыка,— просит Польди.

И клоун Шура, растягивая крошечную гармонику, подбадривает Тимошку улыбкой. Польди не улыбается.

— Алле! Алле! — повторяет Польди до тех пор, пока у Тимошки не начинается голова.

„ЖЕЛАЕТЕ С ПУЛЕМЁТОМ?“

— Где же ваш подопечный? — спросил Анатолий Васильевич, когда хмурый Репкин появился утром в дверях его кабинета.

Репкин нахмурился ещё сильнее:

— Обманул он меня, Анатолий Васильевич!

— Как обманул?

— Очень просто. Сказал, что вернётся, и вот нету.

— Может быть, вы чем-нибудь испугнули ребёнка? Меня, знаете, сейчас самого пугает манера некоторых разговаривать. — Луначарский строго посмотрел на своего помощника.

— Ничем я его не страдал. Сам не понимаю, почему удрал, — досадовал Репкин. — Пропасть может — вот что нехорошо.

— Подождите, ещё явится, — успокаивал Луначарский.

Репкин в надежде, что, может, так оно и будет, отправился по распоряжению наркома в театр. Уходя, он попросил часового:

— Тут мальчишка будет меня спрашивать. Так ты растолкуй, пусть идёт на квартиру. Там его пустят. Вот адрес написан. Тут недалеко.

Часовой пообещал, что растолкует, и надел записку на штык.

*

В театре Репкина уже ждали. Директор, очень вежливый господин, усадив Репкина в кресло, ласково объявил:

— Спектакля нынче не будет.

— Как не будет?

— Не будет,— повторил с улыбкой директор и задымил душистой папиросой.

До спектакля оставался час, в театр должны прийти рабочие. А он сидит в крахмальной манишке и куржится...

— Мы не можем играть бесплатно...

Репкин вскипел. И вдруг вспомнил Тимошку: «Ты бы на него сразу пистолет».

— Спектакль будет! — сказал Репкин и встал с мягкого кресла. Глядя в упор на директора, он повторил: — Спектакль будет, а для порядка в театре будет присутствовать вооружённый патруль! Желаете с пулемётом?

Через час в театре зазвенел третий звонок, и в наступившей полутьме раздвинулся занавес.

Зрители сидели не раздеваясь, в валенках, в шубах. Актёры, представляющие на сцене древнегреческую жизнь, играли в лёгких хитонах, дрожа от холода.

Патрульные вместе со зрителями смеялись, аплодировали, а златокудрая богиня, косясь на пулемёт, пела на «бис».

Спектакль состоялся!

*

— Это вы слишком,— выговаривал Луначарский Репкину.— Зачем же пулемёт? Наша сила в убеждении, а не в оружии.

СИЛА УБЕЖДЕНИЯ

— Сегодня у меня лекция,— сказал Анатолий Васильевич.— Как бы мне опять не попасть впросак.

— Да что вы? — удивился Репкин.— Недавно на вашу лекцию ребята с крейсера пробились, очень довольны остались. А народу, говорят, было! Не протолкнуться.

— В том-то и дело,— подтвердил Луначарский.— Я сам насилиу пробрался. Комично, но лекции могло и не быть. Стиснули меня вот так... Прошу: «Товарищи, пропустите, пожалуйста», а мне в ответ: «Подумаешь, барин!» Я молю: «Пора начинать лекцию». А мне: «Без тебя начнётся». Представляете моё положение? В результате лекцию начали с опозданием. А я себе никогда не разрешаю опаздывать. Поэтому сегодня надо отправиться пораньше...

Луначарский поглядел на часы и сказал с досадой:

— Не могу терять время даром. Не в моих правилах.

— Разрешите, я с вами нынче пойду,— предложил Репкин.— Со мною, будьте покойны, пройдем без затруднений!

— Прекрасно! — обрадовался Анатолий Васильевич.— Я на вас надеюсь.— И сел за работу.

Хотя Луначарский надеялся на Репкина, но за час до лекции прервал свои занятия и стал торопить:

— Товарищ Репкин, идёмте! Уже пора, дорогой!

— Да тут дойти-то десять минут,— успокаивал его Репкин.

Но Луначарский настоял на своём:

— Пошли, пошли, опоздаем!

Перед цирком «Модерн», где в Петрограде проходили митинги, стояла огромная толпа.

— Вот видите? — заволновался Анатолий Васильевич. — Как мы теперь пройдем?

— Ничего, следуйте за мной. — И Репкин так стал работать локтями, что Луначарский, чуть не потеряв шляпу, достиг благополучно сцены.

Зал «Модерн» был полон до отказа: на стульях сидели по двое, по трое, стояли плечом к плечу в проходах, ухитрились пристроиться даже на перилах лестницы.

Люди на лекцию пришли разные. Кого только тут не было: матросы, солдаты, большинство было в шинелях, и штатских немало — рабочие, студенты, бабышники. Пришли и такие, которые хотели сбить оратора.

— Знаем ваши большевистские лозунги!!! — кричали с галёрки. — Народу хлеб нужен, а не разговорчики!

В перекрещённой на груди пулемётной ленте, с гранатой на поясе какой-то матрос, видно из анархистов, орал во всю глотку:

— Всем свобода, всем без исключения!

Не дожидаясь, когда утихнет зал, Луначарский начал читать лекцию о коммунизме.

Лекция называлась: «Коммуна грядущих дней».

— Прошлый раз, — спокойно сказал Анатолий Васильевич, — я вам рассказывал о самом раннем коммунизме на земле: о первобытном обществе. — Он задержал свой взгляд на горластом матросе, который ещё что-то кричал и бил себя в грудь маузером. — Потом я рассказывал вам про средневековые, — продолжал Луначарский. — А сегодня мы вспомним Парижскую коммуну!

Шум стал стихать.

— Чего он там говорит?

— Не мешай оратору! Давай продолжай лекцию! В зале захлопали. Кто-то крикнул: «Ура!»

— Я продолжаю,— сказал Луначарский.— «Шапки долой!» — так начинается одна из книг, которая рассказывает о подвиге коммунаров.

Стояла уже полная тишина. И горластый матрос, сдёрнув бескозырку, прислонился к стене и слушал со вниманием.

— Мы сделаем Россию грамотной. Мы построим сотни, тысячи школ,— говорил Луначарский.— Это будет прекрасно. Мы построим коммуны, которая переживёт века.

Луначарский переждал аплодисменты.

— Слыхал? — Матрос с маузером подтолкнул взъерошенного студента. Но тот даже не оглянулся.

— Bravo! Bravo! — кричал студент.

— Построим! — поддерживали его.

— Парижская коммуна для нас жестокий, но мудрый урок. Мы теперь не отдадим то, что нами завоевано.— Анатолий Васильевич вынул из жилетного кармана маленький листок и прочёл его по-французски.— Это «Карманьола», товарищи! Её пели коммунары. Я перевёл эту песню на русский язык.— Анатолий Васильевич поднёс листок к близоруким глазам.— Слушайте!

— Просим, просим! Читай! — опять зашумели в зале.

Дело пойдёт, пойдёт, пойдёт.

Всех буржуев — на фонари!

Станцуем «Карманьолу»,

Пусть гремит гром борьбы! —

читал Луначарский.

Пусть гремит гром борьбы! —

повторяли за ним слова песни.

Зал уже пел.

Улыбаясь, Анатолий Васильевич дирижировал многоголосым хором:

Пусть гремит гром борьбы!

Гром борьбы...

— За победу!!! Ура!

Народного комиссара после лекции хотели качать, но Репкин не дал:

— Анатолий Васильевич устал, и совсем это, товарищи, ни к чему.

— Спасибо,— благодарил его потом Анатолий Васильевич.— Один раз меня качали. Я потом лежал целый день — так было плохо с сердцем.

Репкин провожал Анатолия Васильевича до его дома. Всю дорогу они разговаривали. Репкин спрашивал Луначарского про Францию, и тот с увлечением рассказывал про Париж.

— Мы, когда в кругосветке были, заходили в Марсель. Тоже красивый город,— сказал Репкин.

— А вы знаете, что в честь этого города получила своё название «Марсельеза»?

Сдвинув на затылок шляпу, Анатолий Васильевич вполголоса напел знакомый мотив.

— Её написал Руже де Лиль, и, извольте знать, ещё в тысяча семьсот девяносто втором году!

— Сто двадцать пять лет тому назад? — удивился Репкин.— А я-то думал, что её у нас сложили. Песня революции.

— А вот это совершенно верно! — подтвердил Луначарский.— Песня революции!..

КОТ В САПОГАХ

— **М**альчишка не приходил? Меня не спрашивал? — допытывался Репкин у Дуняши, которая ему открыла дверь. — С попугаем мальчишка?..

— Свят, свят... — перекрестилась тётя Дуня. — Ещё чего выдумал: с попугаем... У нас у самих беда... А твоего мальчишки не было...

Поглядев на замёрзшего и усталого Репкина, тётя Дуня усадила его за стол. На столе рядом с цветастой чашкой стояло блюдечко с сухой малиной.

— Видишь, чай пью. Выпей и ты.

Репкин не отказался. За чаем они разговорились. Оказалось, что Репкин и тётя Дуня земляки, оба орловские, только он из Выселок, а она из Покрова.

— Меня к вам в Выселки-то сватали, а батюшка меня не отдал. Только этому делу годов уж пятьдесят будет...

Тётя Дуня, Евдокия Фроловна, дула на блюдечко с чаем и угощала Репкина. Земляк ей был по душе, и она ему рассказала про беду в доме профессора.

— Наша барыня-то, Ольга Лексеевна, в Париж уехала. Видишь, до чего дожили! Отца кинула, дочку бросила. А чемоданы взяла. А по мне хошь царь, хошь не царь — моей совести не убавится. — И тётя Дуня, перевернув чашку вверх дном, продолжала: — В Париж её понесло, а ежели революция на Париж перекинется?

— Очень может быть, — согласился с нею Репкин.

Тётя Дуня посмотрела на него с большим сомнением.

— Ну да! Говорят, и вас-то, большевиков, сковырнут! А царя опять посадят. Я только так рассуждаю — какой дурак теперь вместо царя сядет? Ты как думаешь?

Репкин дремал.

— Пойдём, я тебе постелю,— сказала Евдокия Фроловна.— Я теперь опять на старом месте живу. Как барыня уехала, я и перебралась. А ты, как тебе положено, пожалуй в гостиную. Вот я и вещички твои туда перенесла.

Захватив подушку, тётя Дуня пошла впереди. На пороге гостиной она остановилась и сказала с сердцем:

— Сколько времени здесь маялась! Куда ни повернусь, вот она я! Лоб перед зеркалом перекрестить было совестно...

Взглянув на Репкина, тётя Дуня вдруг спросила:

— А ты не горишь? Глаза у тебя какие-то чумовые!

У Репкина был жар. В ушах стоял звон, а диван, на который он прилёг, поплыл, как шлюпка в непогоду.

Посреди ночи пришла тётя Дуня.

— Может, воды тебе дать? — спросила она.

Репкин не слышит, стонет.

— Вот горе, захворал земляк!..

Утром она доложила Алексею Лаврентьевичу:

— Матрос-то наш заболел.

И Алексей Лаврентьевич распорядился:

— Пригласите доктора.

*

Через несколько дней Репкин открыл глаза. У его постели сидела девочка. Это была та самая девочка, которая предлагала Репкину сыграть с нею в бирюльки, когда он пришёл с орденом.

— Вы меня помните?—
спросила девочка.— Меня
зовут Лена, я вас сторожу.

— Простите, барышня.
Отвернитесь маленько, я
поднимусь...

Репкин попытался спу-
стить с дивана ноги. В гла-
зах у него всё пошло
кругом.

— Я вас сторожу! —
закричала Леночка.— Вы
что, не понимаете? Вам
нельзя ещё вставать...

Репкин действительно
ничего не понимал.

А Леночка, вооружив-
шись ложкой, начала
командовать.

— Откройте рот. Вам
нужно пить клюквенный
морс. Он с сахарином. Вот
так.

— Барышня, сколько я
дней валяюсь? — спросил
Репкин и не узнал своего
голоса: такой он был сла-
бый, будто со слезой.

Леночка стала считать
по пальцам. Зажав кула-
чок, она сказала с сомне-
нием:

— Наверное, пять.

Снова пересчитав паль-
цы, сказала уже увереннее:

— Семь.

Она поправила Репкину подушку и чинно уселась на свой стул.

— Сначала меня к вам не пускали. Думали, что у вас тиф и я заражусь,— рассказывала Леночка.— А потом дедушка привёз доктора, и он сказал, что я не заражусь. Вот я и сижу. Хотите, я вам расскажу сказку? Когда я болела, мне мама рассказывала сказки...— Девочка замолчала и потом сказала доверчиво: — Вы знаете, что моя мама уехала в Париж? Но она непременно вернётся.

— Может быть,— ответил Репкин.

— Почему «может быть»? Она непременно вернётся. Вот кончится Советская власть, и она приедет.

Репкин промолчал. Ему стало жаль эту девочку в синем бумазейном платье, которая так старательно за ним ухаживает. А Леночка сидела задумавшись.

— Кончится Советская власть, будет ёлка, и мама приедет,— повторила Леночка.— А сейчас я расскажу вам сказку про Кота в сапогах. Хорошо?

В это время зазвонил телефон.

— Я сейчас! — крикнула Леночка и убежала.— Дедушки нет,— говорила она.— Да, да, хорошо.

«Телефон работает?» — удивился Репкин.

В комнату вернулась Леночка:

— Он спрашивает, как ваше здоровье.

— Кто?

— Сейчас спрошу.— И Леночка, легко подпрыгивая, снова исчезла. Не выпуская из рук телефонной трубки, она закричала из соседней комнаты; — Это спрашивает про вас Анатолий Васильевич!

— Барышня, барышня! — заволновался Репкин.

Но Леночка его не слушала. Она совершенно самостоятельно сообщала Луначарскому о состоянии здоровья и поведении его помощника.

— Ну вот,— сказала она, опять возвращаясь.— Он велел подчиняться мне. И Дуняше вы тоже должны подчиняться.

— А далече Дуняша? — спросил Репкин.

— Дуняша скоро придёт. Вы только ничего не говорите дедушке: Дуняша ушла на рынок менять вещи. Дедушка очень сердится, когда она меняет вещи.

Вернулась с рынка Евдокия Фроловна, и Репкин узнал всё подробно. Оказывается, он уже болеет целую неделю. И уже три раза был доктор.

— Барин своего доктора к тебе звал. Лёгкие ты застудил.

Разобрав кошёлку, Дуняша стала жаловаться:

— Ты подумай, на какую вещь, на скатерть, что выменяла?

Повертев во все стороны вяленую рыбину, Дуняша пошла на кухню варить из неё суп, а Леночка стала рассказывать обещанную сказку:

— Умер мельник. Старшему сыну досталась мельница, среднему — дом, а младшему — кот.

— Несправедливо,— сказал Репкин,— младшему одного кота дали.

Леночка засмеялась.

— Вы ещё ничего не знаете! Это был не простой кот. Слушайте дальше...

М

узыка!..

ГНЕДИН

Музыка затихла, послышались шаги. На пороге комнаты стоял Гнедин.

Был уже поздний вечер, в квартире погас свет.

И в темноте Репкин задремал. Очнулся он, услышав музыку. За стеной играл Гнедин. Перед Репкиным возникла околица их деревни, изба, где он жил с матерью, ветла, на которую он лазил, когда был мальчишкой. С ветлы была видна речка, за речкой бор, куда они с ребятами ходили по ягоды.

Репкин слушал, и музыка вела его по лесной дорожке. Вот в чаще перекликаются птицы, потом зазвучала песня. И Репкин вспомнил Тимошку-шарманщика. Маленький, в нелепой кофте, взъерошенный, как воробей... Где он теперь?

— Как здоровье? — спросил Гнедин.

— Наделал я вам хлопот, Алексей Лаврентьевич...

— Не беспокойтесь. Вы никого в доме ничем не обременяете.

— Ну как же... — протестовал Репкин. — Доктора звали?

— Позвольте, а кого же я должен был пригласить? Когда человек болен, то зовут лекаря!.. Я вам не помешал?

— Что вы, Алексей Лаврентьевич! Садитесь, пожалуйста.

Гнедин поставил свечу на стол, а сам стал ходить по комнате большими шагами.

— Сегодня... — Гнедин остановился и произнёс строго и торжественно: — Сегодня был концерт. Мы играли Бетховена! (Гнединская тень на стене взмахнула руками.) Зал был полон, не было ни одного свободного места...

— Вот видите! — обрадовался Репкин.

— Но сидели в пальто и в шапках. — Гнедин устало опустил руки. — В шапках и в пальто, — повторил он.

— Что же делать, если не топят? — вздохнул Репкин.

— Скажите, — спросил Гнедин, — говорят, Ленин

любит музыку? Мне говорил об этом человек, который знает его.

— А почему вы сомневаетесь?

Репкин сам видел и слушал Ленина не раз. И для него было ясно, что такой человек, как Владимир Ильич, не может не любить музыки. Но как это объяснить Гнедину?

И Репкин вспомнил:

— Алексей Лаврентьевич, я в Смольном был ночью на дежурстве. Гляжу, Владимир Ильич. Холодно — пальто на нём внакидку, в руках — шкатулочка. Спрашивает меня: «Можете открыть? Ключ потерял». Я говорю: «Пожалуйста» — и за штык. А Владимир Ильич поглядел на штык и говорит: «Это нужно сделать осторожно. Здесь письма моей матери».

— Письма матери... — повторил Гнедин.

— Материнские письма сберёг. Как же ему не понять музыки? Музыка — она для души, — сказал Репкин.

„Я ЕГО ЗНАЮ“

Утром, спустя несколько дней, Репкин первый раз после болезни стал собираться на работу.

Когда он брился, пришла Леночка. Усевшись на табурет, она молча смотрела, как Репкин намыливает щёки и старательно скоблил их бритвой.

— Вам не больно? — спросила Леночка.

— Что вы, барышня!

Побрившись, Репкин разутюжил брюки и стал начищать пуговицы форменного кителя.

— Они золотые? — Леночка дотронулась до пуговицы.

Репкин увидел в её глазах слезинки.

— Дуняша говорит, что теперь вы пропадёте, не будете приходить домой...

Ещё вчера вечером Леночка рассказывала ему сказку про Снежную королеву, а сегодня?..

Репкин пытался её утешить:

— Я, барышня, премного вам благодарен и все сказки, какие вы мне рассказали, помню.

— А какая вам больше всего понравилась? — Леночка уже улыбалась.

— Какая? Про Кота в сапогах.

— А почему?

— Если бы не кот, пропал бы младший сын, как Тимошка, ни за что ни про что, — ответил Репкин.

— А кто это Тимошка?

И Репкин рассказал Леночке про Тимошку-шарманщика, который плясал и пел по дворам, а когда из него захотели сделать человека, он вдруг исчез без вести.

— А я... — Леночка лукаво поглядела на Репкина. — Я его знаю, вашего Тимошку. Я даже его пёсню знаю. Мне мама не разрешила, а я... — И Леночка, надув щёки, запела басом: — «По улице ходила большая крокодила...»

— Он, барышня, он! — обрадовался Репкин.

— У него был попугай какаду!

— Правильно, — подтвердил Репкин.

— Только он уже давно не приходит, этот Тимошка. — Леночка даже вздохнула. — Давно-давно...

— В том-то и дело, — сказал Репкин. — Знал бы я, где этот песельник теперь находится, дал бы ему взбучку по первое число.

ДЕБЮТ

— 0 твечаем на комплимент! Отвечаем на комплимент!

Тимошка поднимает правую руку, откидывает назад голову и улыбается.

— Где твой правый рука? — И Польди ещё и ещё раз заставляет Тимошку улыбаться, посылать воздушные поцелуи невидимым зрителям.

— Отвечаем на комплимент!

Уже второй месяц гимнаст Польди работает с Тимошкой. А сегодня дебют! Сегодня на манеже артист Тимми! Так теперь зовут в цирке Тимошку-шарманщика.

— Ещё очаровательный улыбка!

Тимми устало улыбается.

— Теперь немного ходить! — говорит Польди. — Ровно ходить, глубоко дышать!

Тимошка, упруго ступая, идёт спокойным шагом. Кроме Польди и Тимоши, в комнате клоун Шура. Он сидит на высоком табурете. Рядом с ним его пёсик. Стены комнаты сверкают инеем.

— Чертовски холодно!.. Можно немного музыки? — говорит Польди.

Клоун Шура растягивает гармонику, и Тимоша шагает под весёлую песенку.

— Теперь надо есть, — говорит Польди.

Он расстилает на столе салфетку, аккуратно наливает из термоса в чашку кофе.

— Садись есть! — говорит он Тимоше. — Теперь не надо музыка.

Клоун Шура прекращает играть.

— Он должен хорошо есть! — говорит Польди.

Тимоша садится за стол, а Польди стоит рядом. Он смотрит, чтобы мальчишка съел всё и не утаил от него ни одного куска.

— Я видел, что он даёт хлеб ваш Фома! — говорит Польди клоуну.

— Что вы! Не может быть! — Клоун берёт на колени собачку и спрашивает у неё ласково: — Фома! Ты слышишь, что про тебя говорят? Ай-я-яй, Фома! Неужели это правда?

— Не устраивайте шуток, — сердится Польди. — Это плохой шутка! Вы знаете, сколько я платил за хлеб?

— Что делать, Польди... Сейчас на свете много плохих шуток, — отвечает клоун.

Мохнатый Фома повизгивает, а Тимоша опускает глаза в тарелку.

— Надо хорошо есть, — повторяет Польди.

— У вас с мальчиком чудный номер, Польди! — говорит клоун, поглаживая собаку. — Публика будет в восторге.

— Публик? Какой публик?

Но клоун невозмутим; он улыбается нарисованным ртом.

— Сегодня в цирке будет полно публики!

— «Публик»!.. — ворчит Польди. — Публик сидит в сапогах, в шинель, плюёт семечка на манеж! Где вы видал публик?

— Теперь почти все в шинелях, во фраках неудобно воевать, — отвечает клоун.

О этот русский клоун! Что у него под этим дурацким колпаком? Лицо Польди заливают багровый румянец.

— Во фраках неудобно воевать... Я работал номер не для этот публик. — Польди смотрит на клоуна, не скрывая своего раздражения. — Вы знаете: я не

есть большевик! И меня не интересуется паёк сухой вобла! Что ты разинул рот? — кричит он на Тимошу. — Вы имеете на мой номер чёрный зависть? — спрашивает Польди клоуна.

— Что вы! Как это может прийти вам в голову, Польди?

Тимоша встаёт из-за стола, и Польди стряхивает салфетку, щёлкает замком саквояжа.

— Вы не так меня понимал, Шура, — говорит он клоуну. И громко, неестественно смеётся.

— Возможно...

Клоуну Шуре не хочется продолжать этот неприятный разговор. Артист должен быть спокоен, когда он выходит на манеж. Он оглядывает сильную, мускулистую фигуру гимнаста и, встретившись с ним взглядом, растягивает свою гармонику.

«Ля-ля! Ля-ля!» — звучит весёлая песенка.

А Польди садится к зеркалу.

— Иди сюда! — говорит он Тимоше. — Надо мазать немного румян.

Тимоша поднимает лицо.

— Ещё румян! Ещё румян!

Польди недоволен. Он всё-таки скверно выглядит, этот мальчишка. И Польди с досадой мажет румяна на впалые Тимошкины щёки.

— Вы помните, что работаете с нами пауза, Шура?

— Конечно, помню! Будьте покойны, — отвечает клоун.

Накинув халат, Польди уходит на манеж проверить снаряды. Он никогда не доверяет униформе и всегда всё проверяет сам.

— Ещё немного ходить, — говорит он Тимоше.

И Тимоша, уже одетый в чёрное с ярким кушаком трико, шагает, раскинув руки, приподнявшись на носки.

— У тебя сегодня дебют, мальчик! — говорит ему клоун Шура.

— Чего? — не понимает Тимофей.

— Дебют! — Клоун подходит к Тимоше. — Послушай, Тимми! Прошу тебя, не надо давать Фоме хлеб.

Клоун Шура роется в своих бездонных карманах и достаёт три шарика.

— Дебют, мальчик, — это как день рождения, как праздник, — говорит он. — Я всё думал: что тебе подарить?

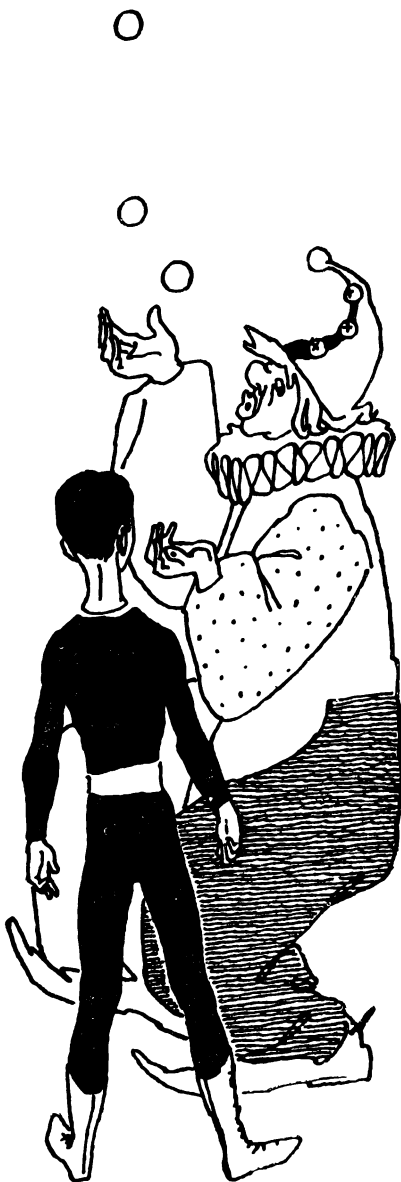
Клоун подбрасывает шарики: они взлетают, кружатся, перегоняют друг друга, опускаются клоуну на плечи, на бутафорский нос. И снова взлетают вверх, переливаясь радугой. Тимошка в восхищении:

— Расшиби тебя... Здорово!

— Бери! — говорит клоун и протягивает ему блестящие шарики. — Бери, бери — на счастье!

Тимошка отступает.

— Да что ты! Ты же с ними работаешь, Шура!

— Бери, бери — я прошу, — повторяет клоун.

Смешной клоун Шура! Одна штанина зелёная, рукав жёлтый, на колпаке бубенчики. Тимоша прижимает к груди подарок.

— А у тебя-то был когда дебют? — спрашивает он, подкидывая шарик.

— Был, только это было очень давно. Очень давно... — повторяет клоун Шура. — Я тоже был когда-то маленьким. Таким, как ты. Да, да... Я выводил на манеж ослика. Тогда в цирке работал изумительный клоун — итальянец Мильчи. У Мильчи была реприза. Он лечил осла от упрямства, а я всего-навсего выводил ему ослика на манеж. Я очень это хорошо помню. И ослика помню — такой милый, белобрюхий ослик. Это был мой дебют.

Тимошка вскидывает руку и раскланивается.

— Шура, а что, если Репкин придёт? — говорит он.

— Кто это — Репкин? — спрашивает Шура.

— Так, матрос знакомый. Придёт, глянет, а я ему на комплимент...

И Тимошка, очаровательно улыбаясь, посылает воздушный поцелуй.

С манежа доносится шум. Слышно, как настраивают оркестр, рассаживается на свои места публика. В гримёрную возвращается Польша. Он оглядывает Тимошку, который при его появлении начинает приседать и подпрыгивать то на одной, то на другой ноге.

— Гут, гут! — говорит Польша.

Подойдя к зеркалу, он проводит пуховкой по лицу и, взяв чёрный карандаш, рисует себе брови.

— Польша, на выход! — слышится голос за дверью.

Польша оглядывает Тимми.

— Да, мальчишка должен иметь успех!

И, крепко взяв своего маленького партнёра за руку, он бежит с ним на манеж.

— Ап! — Тимошку подкидывают сильные руки.

— Ап! — Он уже держится сам за перекладину.

Клоун Шура стоит в проходе, прижимая озябшего Фому, и смотрит, как гимнасты работают номер.

— Раз-два! Раз-два! Так, Тимми, так. Раз-два!

Публика горячо аплодирует маленькому дебютанту.

— Ну, Фомушка, сейчас наша пауза,— говорит Шура, раскланиваясь с униформистами, и выбегает на манеж.

— Рыжий! Рыжий! — раздаётся многоголосый крик.— Рыжий!.. Ура!.. Даёшь, Рыжий!.. Даёшь!..

*

Горько окончился Тимошкин дебют.

Не помня себя от радости бежал он с манежа.

— Браво, Тимми! Браво, браво! — неслось ему вслед. И вдруг Польди схватил его за шиворот:

— Кто так отвечает на комплимент? Где твой правый рука?..

И лицо обожгла пощёчина. Мало одной — ещё!

Глотая слёзы, Тимошка побежал обратно на манеж кланяться.

— Очаровательный улыбка! — сквозь зубы повторял Польди.

Тимошка кланялся и улыбался. Но радости уже не было.

*

— Ну что ты, мальчик, не надо плакать,— утешал Тимошку Шура. Он вытирал ему слёзы и, нажимая пальцем на Тимошкин нос, спрашивал: — Барин дома?

Он пел ему смешную песенку про воробья и заставлял Фому ходить на задних лапах. Но разве это могло утешить?

— «Алле, алле»! А сам в морду...

Теперь Польди уже не кажется Тимошке, как тогда на афише, весёлым волшебником. Работает хорошо, а мужик злой, и рука у него тяжёлая. Он и Шуру обидел, когда узнал, что тот подарил Тимошке на счастье шарики.

— Оставьте свой сантимент... Вы умрёте на арене,— сказал он.

А Шура ответил со смехом:

— Я бы рад, но может не получится. Это, к сожалению, редкий номер — умереть на арене.

Польди по-своему понял шутку. И сказал, как всегда, зло:

— Вы есть очень хитрый, Шура. Сколько я вам должен?

— За что? — удивился Шура.

— За пауза. Я прошу больше не работать с нами пауза. Это мешает мой номер. Сколько?

Шура промолчал. Но паузу с ними он больше не работает. А была она очень смешная, и Тимошка во время паузы отдыхал.

МУЗЫКА

Нет, отдохнуть Тимошке приходится редко. Есть у него в цирке одна отрада. С нетерпением ждёт Тимошка дня, когда по утрам у оркестра репетиция. И больше всего боится, чтобы в это утро Польди не занимал манежа.

— Господи! — молится Тимошка. — Пусть он уедет по делу!

Последнее время Польди действительно часто уезжал по делам.

— Я хлопотаю свой отъезд, — говорил он коменданту цирка Захарову. — У меня завтра репетиция будет позже.

Тимошка даже ночью просыпался: ну-ка Польди передумает — не поедет по делам.

Утром, когда Польди одевается, Тимошка старается ему угодить. Чистит башмаки, наводя суконкой такой глянец, что даже Польди говорит: «Очень карашо!»

*

Музыкантов ещё никого нет. Тимошка один пробирается в полутьме между пустыми стульями и усаживается в уголке. Польди ругает, а Шура хвалит его за музыку. И дирижёр в оркестре не ругается. Тимошка не мешает — сидит слушает. Закрыв глаза, слушает, как запевают скрипки, как глухо бьёт барабан, а потом вдруг трубы поведут мотив. «Вот, — думает Тимошка, — встать бы заместо дирижёра да взмахнуть палочкой! Я бы «Парад-антре» по-другому сыграл. Надо с самого начала — будто гром и гром, а потом, когда выйдет солнце, начинать веселье». И Тимошка вспоминает, как говорил дед, глядя на шарманку:

«Это не музыка. В ней нет души».

Тимошка, заглядывая внутрь шарманки, видел там медный вал да шипы.

«А оркестр! Оркестр! — говорил дед. — Он может играть всё!»

Тимошка, забывшись, не слышит, как приходит первая скрипка и, потирая озябшие руки, начинает своим дыханием согревать струны. Но вот весь оркестр в сборе.

До репетиции у оркестрантов идут разговоры: бранят кто большевиков, а кто бывших министров, которые довели Россию до такого хаоса. Рассказывают, что у кого-то ночью был обыск и что по карточкам будут давать вместо хлеба овёс. И, наконец, запоздавший контрабас сообщает новость:

— Говорят, кто-то из великих князей дал согласие взойти на престол!

— А он не опоздал — великий князь? — спрашивает первая скрипка.

— Попрошу, попрошу, — стучит палочкой дирижёр. — Начнём, господа!

На пюпитрах раскрываются ноты, и музыканты в шапках (а контрабас даже не снял шубы) рассаживаются по местам.

— Попрошу! — повторяет дирижёр.

И оркестр начинает играть весёлую полечку.

— Контрабас! Контрабас! — сердится дирижёр. Но контрабас врёт и во второй раз.

— Что с вами? Попрошу быть внимательным! — Дирижёрская палочка застывает в воздухе. — До-ми-фа! Фа-до!

И вдруг в наступившей тишине Тимошка поёт звонко всю музыкальную фразу.

— Прекрасно! — говорит дирижёр. — Но я попрошу тебя нам не мешать.

Бум! Бум! Бум! — гудит барабан; за контрабасом и скрипки берут верх, а Тимошка сидит молча, даже рот прикрыл ладонью, как бы опять не запеть.

Во время репетиции на манеже появляется комендант. Заломив папаху, он стоит под куполом в длинной кавалерийской шинели и слушает, как озябший оркестр исполняет весёлый галоп.

— Привезли дрова, товарищи!.. — говорит комендант, когда наступает пауза.

— Ну и что же? — спрашивает контрабас.

— Надо разгружать!

— Простите, что вы сказали? — Контрабас, перегнувшись через барьер, смотрит на коменданта с ухмылкой.

— Разгружать надо! — Комендант едва сдерживает ярость. — Суп сожрали, а дрова разгружать некому? Маркс сказал: «Кто не работает, тот не ест!»

Первая скрипка щёлкает замком футляра, вслед за ней встаёт барабан; поглядывая на остальных, поднимается флейта.

Дрова разгружают быстро. Даже контрабас принимает в разгрузке участие.

— Это скоро прекратится, — говорит он. — Большевики теперь больше недели не продержатся!

— Почему? — спрашивает его клоун Шура.

— Почему? — Контрабас удивлён. — Вы разве не слышали, Александр Иванович? Великий князь...

— Я так много слышу, что не успеваю понять того, что говорят, — прерывает его клоун Шура и, нагнувшись, берётся за обледенелый кругляш, который никак не ухватишь.

— Обождите, Александр Иванович! — останавливает его комендант. — Тут помоложе вас имеются — не надорвутся. — И заботливо советует: — Вы идите, а то застудитесь.

Комендант поднимает кругляш и бросает его с размаху к поленнице.

— Сторонись! Зашибу! — кричит он. И уже про себя: — Князей ждут, дьяволы...

КЛОУН ШУРА

Вот уже тридцать лет, как клоун Шура спешит по утрам в цирк. А сегодня он вышел из дому совсем рано.

Шура идёт в цирк пешком. Трамваи нынче не ходят, идти далеко, а у Шуры на руках Фома.

— Ты, брат, тяжёлый,— говорит ему хозяин.

Фома закутан, чуть виднеется только его чёрный нос. Ему что — сидит себе, посиживает. А клоун Шура, добравшись до цирка, стал похож на снеговика. Совсем из сил выбился.

— Разрешите, я вас обмахну,— говорит швейцар Петрович, открывший ему дверь.— Ишь как вас облепило!..

Петрович помогает клоуну Шуре раздеться.

— Как добрались, Александр Иванович?

— На своих на двоих,— отвечает клоун Шура.

Он разворачивает одеяло, в которое укутан Фома.

Фома ворчит, ему не хочется вылезать из тепла.

— Не нежничай, видишь, мне тоже холодно,— говорит Шура.

Швейцар ставит перед клоуном Шурой на стол котелок.

— Вот, покушайте, пока горячий,— говорит он.

— Что это?

— Суп с пшеном,— отвечает торжественно Петрович.— Господам артистам теперь полагается.— И Петрович подаёт ложку.

— Чудесно! Конечно, поедим.

Клоун Шура без колпака и без грима совсем дру-

гой. Совсем не смешной. Он ест суп, подливает в блюдо Фоме.

Суп с пшеном. Одно название... И то хорошо. Хуже было, когда совсем ничего не было. Теперь в цирке новый комендант — товарищ Захаров. Его предшественник не выдержал: промучился неделю и ушёл на фронт. На прощание признался: «Боялся — рехнусь! Люди, звери... Ноев ковчег! И все голодные!..»

А Захаров — этот хозяйничает. Суп с пшеном — его завоевание.

— Кушайте, кушайте.— Швейцар смотрит на Фому и говорит подобострастно: — Великого ума животное. Дважды два — четыре. Три да два — пять! Великого ума!.. А косточка у него, Александр Иванович, уже старенькая.

— Ничего, мы ещё с ним поработаем.— Клоун Шура треплет Фому между ушей.— Поработаем, Фомушка?

А Фома виляет хвостом. Может, ещё дадут горячего супу?

— Тимми ещё не приходил? — спрашивает Александр Иванович.

— Здесь,— отвечает Петрович. И добавляет с явной неприязнью: — Охота вам, Александр Иванович, на всякую шантрапу тратить своё здоровье?

Александр Иванович отодвигает пустой котелок.

— Благодарю,— говорит он. И ещё раз повторяет: — Благодарю.

— Да вы не обижайтесь! Я так, к слову сказал,— говорит Петрович.— Вот господин Польди, тот...

— Прошу запомнить,— говорит тихо Александр Иванович,— господин Польди мне не указ. И я с господином Польди...— Александр Иванович, не договорив, берёт на руки Фому и идёт к двери своей гримёрной, рядом с которой слышится осторожный шорох.

— Чего осерчал? — недоумевает Петрович.—

И было бы за что, а то из-за мальчишки, который лба перекрестить не умеет! Зря приваживает...— ворчит он, собирая со стола грязную посуду.

*

— Входи, Тимми, входи,— говорит Александр Иванович.— Где же ты вчера был?

— Мы с Карл Карлычем в бане были,— отвечает Тимоша.— Мы каждую пятницу в баню ходим.

Тимоша живёт с Польди в гостинице. Спит на пружинном диване. Тимошка на этом диване лишний раз повернуться боится, чтобы не разбудить Польди.

— А мы с Фомой давно не мылись. Фома! — зовёт Александр Иванович.— Хочешь в баню?

Тимошка смеётся.

Клоун Шура доволен. Редко смеётся этот мальчик.

Фома стоит на задних лапах и смотрит на Тимошу круглыми, как пуговики, глазами.

— Ап! — Тимоша ставит перед Фомой руки полукругом, и Фома, взмахнув хвостом, прыгает.— Ап! — Фома прыгает ещё раз и лает от удовольствия.

— Брависсимо! — говорит Александр Иванович.— Великолепно! Ай да артист!

— Можно? — спрашивает Тимошка.

— Можно,— отвечает Александр Иванович.— Открой шкафчик, она там.

Тимоша достаёт маленькую блестящую гармонику. Клоун Шура разрешает Тимошке на ней играть. Он даже посоветовал Польди учить Тимошу музыке.

— У мальчика удивительный слух. Музыка может украсить ваш номер, Польди,— сказал он.

— Можете думать, Шура, про свой номер,— ответил Польди,— и можете учить свой собака высшая математика, но я ваш совет совсем не нуждаюсь.

— Получается,— радуется Тимошка, играя на гармонике цирковую полечку.— Я оркестр слушал.

— Безусловно, получается,— говорит Шура.— Для тебя, Тимми, в этом нет никакой премудрости. Попробуй-ка повторить вот это! — И клоун Шура наигрывает незнакомый Тимошке мотив:—Ля-ля-ля-ля! Хорошо!.. Так, так,— одобряет он, когда счастливый Тимоша берёт заключительную ноту.

В дверь стучат. Опять появляется швейцар Петрович.

— Прошу прощения,— говорит он, не глядя на Тимошку.— Господин Польди приехали, слезают с извозчика.

Петрович помогает Польди раздеться.

— Ключ куда-то я ваш подевал,— говорит он, роясь в карманах.— Вот, пожалуйста,— и вручает Польди ключ только тогда, когда замечает Тимошкину фигурку уже наверху, где находится комната гимнастов. На Тимошку ему наплевать, не было бы от этого немца неприятности Александру Ивановичу.

ЁЛКА

— Сторонись! Сторонись! — Комендант Захаров вкатывает в вестибюль бочку. От неё несёт зловонием.— Сельдь, насилу выпросил,— говорит он Петровичу.

Утирая пот, комендант садится передохнуть.

Вид у грозного коменданта усталый и хмурый. Все люди как люди, а он пропадает в цирке.

— Я тут скоро сам в бубенчики играть начну! — Захаров грозно смотрит на Петровича, а тот, подойдя к бочке поближе, качает головой.

— Лев есть будет? — спрашивает комендант.

Петрович молчит.

— Я лошадей невероятно люблю, — признаётся Захаров. — Если бы не лошади — никакая сила бы меня здесь не удержала. Хоть какой бы ни был приказ!

Пнув бочку, Захаров катит её дальше.

— Подождите, подождите! — Захарова догоняет клоун Шура. — Товарищ Захаров!

Клоун Шура в ярком костюме. Рот до ушей. На голове колпак.

— Какое сегодня число? Можем не успеть, товарищ Захаров. Уже пора думать о ёлке.

— Не дело вы задумали, Александр Иванович! — отвечает комендант, придерживая бочку ногой.

— Вы же обещали? Я прошу не для себя, а для детей, для маленьких детей!

— Может, ещё обсудим? — говорит комендант. — Я у комиссара просвещения спрошу.

— О чём же спрашивать? — недоумевает клоун Шура. — Ёлка — это... Я уже вам объяснял. Ёлка, товарищ Захаров, — это праздник. Весёлый праздник! Детям нужна радость, они маленькие. Мы пригласим на ёлку детей бедноты.

— Пролетариев, — поправляет Захаров.

— Вот именно — пролетариев, — подхватывает клоун Шура.

И комендант, что-то соображая, вдруг соглашается:

— Пусть будет по-вашему!

Клоун Шура готов расцеловать угрюмого, обросшего щетиной Захарова. В цирке будет ёлка!

И вот наступил день, когда на манеж вносят ёлку.
— За комель, за комель держи! — командует Захаров.

Ёлка лежит на манеже, распластав тяжёлые колючие лапы. Она пахнет морозным лесом.

— Приволокли, — говорит Захаров. — Теперь чего дальше будем делать?

Клоун Шура глядит на ёлку с восхищением:

— Какая красавица! Вы просто Дед-Мороз, товарищ Захаров!

А на манеже вокруг ёлки суета. Появляется директор цирка, усталый, во фраке и в варежках. Помахивая рукой, он кому-то вверх даёт распоряжения.

Ёлка поднимается и встаёт на середину арены.

— Немного правее! — просит клоун Шура.

Шурша ветвями, ёлка охорашивается, стряхивает снежную пыль.

— Прекрасная ёлка, товарищ Захаров! — радуется клоун Шура и вместе с униформистами раскрывает короб старых игрушек. На ветвях появляются стеклянные шары.

— Ангелов вешать? — спрашивает кто-то.

Захаров, сомневаясь, всё же разрешает и ангелов:

— Кто их там разберёт: блестят, и ладно! Давай вешай!

Захаров с удивлением рассматривает ёлочные игрушки: сам он видит их первый раз в жизни.

— Экая потеха! — показывает он клоуну Шуре золотую рыбку с зонтиком.

— Прелестная игрушка! — Клоун смотрит на Захарова, который держит в тяжёлых ладонях хрупкую игрушку, и говорит: — Вот видите, и вы радуетесь. Вы чудесный Дед-Мороз, товарищ Захаров.

Мороз так Мороз — Захаров за Деда-Мороза не

серчает. На Александра Ивановича невозможно сердчать. Вот Польша, тот ему надоел до смерти. То не так, это не так. А клоун ничего для себя не требует. Со всеми обходителен. На представлении недавно были матросы с крейсера. Очень довольны остались.

— Клоун у вас молодец. Про меньшевиков и про Керенского ловко рассказывал! Умно рассказывал! И смешно!

«Конечно, и Александру Ивановичу тоже нелегко, наверное», — вздыхает Захаров и даёт команду:

— Давай включай свет!

Свет включают, но ёлка не зажигается.

— Я же на электростанции глотку сорвал, полный свет требовал! — чертыхается Захаров. — Придётся опять бежать!

— Вы им объясните, на электростанции, — напутствует его клоун Шура. — Нельзя сегодня без света!

— А вы, раздевшись, на сквозняк не рвитесь! Мне и без того тошно!

Захаров идёт на электростанцию. Там он даёт волю своему революционному характеру. Там уж он доказывает... И главный инженер электростанции с облегчением вздыхает, когда наконец за комендантом цирка закрывается дверь.

*

Свет горит, и на всех ярусах волнуется публика. Уже прозвенели два звонка. Оркестр играет весёлое попури.

А в гримёрной Польша сердито выговаривает Захарову:

— Какой вы есть комендант? Опять на арене мороз. Можно работать такой температур?

— Народу много, надышат, — отвечает ему Захаров.

Вытянув руки по швам, он стоит перед зеркалом, а ему на грудь прикалывают красный бант.

Комендант цирка — он не только о провианте заботится, он и речи говорить должен.

Звенит третий звонок. И Захаров торжественно идёт через строй униформы. Сотни глаз смотрят на Захарова. Сегодня в цирке ребятишки с рабочих застав: помладше, постарше. С мороза утирают носы.

— Гляди-ка, солдат! А говорили, акробаты будут!

И вдруг, сверкая разноцветными огнями, вспыхивает ёлка. Цирк затихает.

— Товарищи дети! — громко говорит Захаров. — Хотя в цирке у нас не топлено, для вас артисты будут играть весёлое представление! — Захаров оглядывает ряды сверху донизу и, вздохнув, продолжает: — Говорят — я точно знать не могу, — на ёлке прежде давали подарки. Но нам, товарищи дети, дарить вам нечего. Потому как в Питере нету хлеба. — Захаров снимает папаху и продолжает: — Потерпите, будет время: обуем вас, оденем и всё такое... А сейчас... — Захаров взмахивает папашой и кричит что есть мочи: — Да здравствует мировая революция!

Оркестр играет туш.

На манеж, освещённый ёлочными огнями, выбегает клоун. На руках у него слон. Таких слонов никогда ещё не было на свете. А за спиной у клоуна игрушечное ружьё.

— О, сколько детей! И какие всё славные дети! — смеётся клоун. Он здоровается, размахивая колпаком, а слон бежит за ним вприпрыжку.

И сразу всем становится весело.

— Ай да Рыжий!

— Вы к нам приехали на ёлку? — спрашивает клоуна директор цирка. Директор снял варежки, но под фраком у него тёплый шарф.

— Да, я приехал к вам на ёлку! Я приехал из Африки! Ха-ха! — смеётся клоун.

— Из Африки? — удивляется директор, переступая озябшими ногами.

— Да, из Африки. Я охотился на слонов! Вот я поймал слона.

Крохотный слон становится на задние ноги и размахивает хоботом. Клоун затевает весёлую игру, и в конце концов слон, когда с него снимают попонку, оказывается лохматой собачкой.

Восторгу зрителей нет предела.

— Рыжий!!! Рыжий!

— Я хочу такую собачку! — шепчет Леночка. Она тоже сегодня в цирке. Накануне Репкин принёс два билета.

«Может, только тесно будет, Алексей Лаврентьевич. Бесплатное представление, — предупредил он. — По решению Петроградского Совета! Вы уж барышню не обижайте — не отказывайтесь. Ей очень хотелось пойти в цирк на ёлку. И я обещал».

И вот теперь Леночка на представлении. Перед нею стоит клоун с собачкой.

— Вы хотите её погладить? — спрашивает клоун.

Леночка робко протягивает руку:

— Она не кусается?

— Погладьте, она очень рада с вами познакомиться, — уверяет клоун.

И Леночка гладит смешного пёсика.

Пёстрый клоун идёт дальше по рядам.

— Сюда, Рыжий, сюда! — кричат ребята.

И хотя счастливых, которым удаётся погладить удивительную собачку, умеющую плясать, считать, изображать слона, не так уж много, но всем, кто сидит в цирке, кажется, что именно он провёл своей ладонью по собачьей шёрстке.

Какой добрый Рыжий!

— Что тебе больше всего понравилось? — спрашивает Леночка у дедушки, когда они возвращаются домой.

— Мне? — Алексей Лаврентьевич вспоминает велосипедистов, жонглёра, гимнастов. — Пожалуй, клоун, — говорит он наугад.

— И мне, — соглашается Леночка. — А ещё мне очень понравились акробаты: большой и маленький. Я знаю этого мальчика!

— Откуда? — удивляется Гнедин.

— Знаю, знаю...

Прикрыв лицо пушистой муфточкой, Леночка катится по ледяной дорожке, и Алексей Лаврентьевич едва успевает за внучкой.

— Догоняй! — кричит Леночка. — Догоняй меня!

ЦАРЕВНА ФРОСЬКА

В цирке кончилось дневное представление. Вечером будет другая программа, для взрослых. Артисты до вечера должны отдохнуть. Почти все разошлись по домам.

На арене стоит погашенная ёлка. С пустых ярусов веет холодом. Тимошка, встав на цыпочки, наклоняет колючую ветку. Звенят хрупкие бусы, сыплются блёстки стеклянного инея. Тимошка осторожно дотрагивается до разноцветного фонарика. Как бы не расшн-бить! А это что? Яблоко крашеное.

Среди тёмной хвои улыбается Фроська. На голове у Фроськи корона.

Похожа, ей-богу! Прищурилась, в косе ленточка. Тимоша покачивает ветку.

«Раскачивай! Раскачивай! — бывало, кричала Фроська, сидя на доске самодельных качелей. — Я люблю шибко качаться!»

И Тимошка толкал доску так, что она взлетала выше забора.

Фроська не визжала, как другие девчонки. Она крепко держалась руками за верёвки. И когда качели летели вниз, только зажимуривалась.

К ёлке подходит клоун Шура.

— Тебе нравится? — спрашивает он Тимошу.

Тимошка молчит. И вдруг дёргает за косу царевну в золотой короне, и та, цепляясь за колючие ветки, падает в снег.

Снег под ёлкой ватный, посыпан бертолетовой солью, чтобы блестел, как настоящий.

Потеряв корону, в ватном снегу лежит царевна. Тимоше уже не кажется, что она похожа на Фросю. Глаза у царевны нарисованные — глупые, круглые.

— Ты чудак, Тимми! — говорит клоун Шура. Он поднимает игрушку. — Зачем же так? Дёрнул за косу, сорвал с ветки? Ей больно.

— Отчего ей больно, если она бумажная? — усмеётся Тимоша.

Сконфуженный клоун вешает игрушку обратно на ёлку.

*

Вечером в цирке снова звенит звонок.

— Опять разевал рот? Шнель! Шнель! — ворчит Польди.

Не попадая в рукава, Тимошка спешит натянуть трико.

— Шнель! — Польди даёт Тимошке затрещину.— Это что за гримас?

Польди румянит ему щёки. И на арену бежит нарядный, весёлый мальчик.

Он посылает публике воздушный поцелуй. Может быть, там, наверху, на одной из скамеек, сидит девочка в вязаном платке, в валенках, похожая на царевну?

— Алле! — И мальчик ловит летящую перекладину.

— Алле! — Польди держит его крепко.— Теперь сальто!

Номер окончен. Акробаты кланяются.

— Браво, браво! — кричит публика.

— Улыбка! Очаровательный улыбка! — шепчет Польди и кривит рот.

— Браво, Тимми!!!

*

Ночью Тимошке снится ёлка: она кружится, блистая огнями, и растёт всё выше, выше, проламывая макушкой крышу.

Тимошка с Фросей лезут вверх по её колючим ветвям.

«Обожди! — кричит Тимошка. — Упадёшь!»

Фроська нарочно разжимает руки и...

Тимошка просыпается. Ему ещё страшно. Повернувшись на другой бок, он прислоняется щекой к шершавой спинке дивана. Диван пахнет пылью, мышами, гостиницей. За перегородкой громко храпит Польди.

Тимошка натягивает одеяло на голову, но страх не проходит. «Расшиблась бы в два счёта», — ужасается Тимошка, ещё не освободившись ото сна.

Уже светает, а Тимошка не спит. Он перебирает в памяти всё, что было. Вспоминает, как они с Фроськой играли в «придумки».

...Керосину нет. Лампу Пелагея Егоровна не зажигает. Они с Фроськой сидят за холодной печкой, где дремлет Ахилл.

— Если бы меня пустили в магазин и сказали бы: бери что хочешь, — говорит Фроська, — я бы знаешь что выбрала?

— Ситного с изюмом!

А Фроська смеётся:

— «Ситного»! Я бы ничего не взяла, кроме одной вещи. Я бы взяла... — Фроська говорит шёпотом, — я бы взяла перстенёк с волшебным камешком.

— На кой он тебе? — удивляется Тимошка.

— Надела бы его на палец, повернула камешек налево — дворец бы вырос, повернула направо — платья какие хочешь.

— Ну и дура! Нет такого перстенёка!

— Есть, — обижается Фроська. — Есть!..

Она водила Тимошку смотреть на этот перстенёк. За углом была лавочка, в окне разложен товар: пуговицы, кружева, гребёнки. А в уголке, в паутине, — перстенёк с синим камешком. Завалился за катушки и лежит.

— Видишь?

Тимошка обомлел.

— Ну, чего надо? — крикнул на них лавочник. — Кончена торговля! — и закрыл окно ставней.

А через несколько дней в окне лавочки стало совсем пусто, только на куске картона было написано: «Соль отпускается по карточкам»...

«Может, всё-таки Фрося придёт в цирк, — думает Тимошка, — не навек же она уехала за хлебом...»

ПОЕЗД ДАЛЬШЕ НЕ ИДЁТ

Разве знала Пелагея Егоровна, собираясь с дочкой в дорогу, что их ждёт?

В Питере на вокзале с трудом втиснулись они в теплушку, и Пелагея Егоровна была рада, что нашлось для них местечко в уголке.

Они ехали уже несколько дней, когда ночью с разбегу поезд вдруг стал как вкопанный.

— Не пойдёт дальше, не пойдёт дальше!.. — выкрикивал бледный кондуктор, размахивая потухшим фонарём.

— А где стоим?

— Не видите где? В степи...

Кондуктор заглядывал в вагоны.

— Мне же до Лозовой, — плакала в темноте женщина.

— Вылезай, не пойдёт дальше...

Выгрузив вещи и детей, пассажиры спустились под откос. А пустой поезд, распахнув двери теплушек, попятился назад. Кто-то на ходу прыгнул на подножку.

— Обратно, в Питер!..

— А нам куда? — спросила испуганная Фрося у матери.

— Нам до Широкого — к дедушке, к бабушке...

Пелагея Егоровна повязала Фроську шалью, приладила ей на спину котомку и, взяв свою меньшую за руку, пошла вместе со всеми по степной дороге.

В степи было тихо. Сбоку от дороги чернела железнодорожная насыпь. И уже далеко был слышен гудок умчавшегося назад поезда.

— Куда идём?

— На станцию.

«Доберёмся до станции,— думала Пелагея Егоровна,— а там на другом поезде — дальше. Не пропадём».

— А до станции далеко?

— До какой?

— Нам до Широкого...

Впереди идущих тарахтела телега.

— До станции недалеко,— сказал возница.

— Слава богу,— вздохнула Пелагея Егоровна.

И Фрося зашагала за телегой бодрее.

А возница рассказывал:

— Кто их разберёт: чи большевики, чи бандиты побрали скотину, поубивали людей. Правда, у нас ещё их пока не было.

— Так откуда вы знаете? — спросил кто-то в темноте.

— А вы мне не верите? — обиделся рассказчик и простодушно посоветовал: — Не слушайте — я не прошу.

Ещё рано было подниматься солнцу, а над степью запылало далёкое зарево.

— Смотрите, пожар...

— Это у нас! — крикнул возница и, взмахнув кнутом, погнал что есть духу.— У нас горит...

Телега, подпрыгивая, уносила по дороге всё дальше, и слышно было, как причитал возница:

— Это мы горим, родные мои... Мы горим...

Фроська заплакала.

— Ну, чего ты, чего? — стала утешать её Пелагея Егоровна. — Не маленькая! — А самой было жутко.

Люди продолжали идти навстречу пожарищу.

Стало светать, и они могли разглядеть друг друга. Рядом с Пелагеей Егоровной шла уже немолодая женщина. Она тащила тяжёлый чемодан. Женщина шла, спотыкаясь на высоких каблуках, и всё, что было на ней надето — и плюшевое пальто, и шляпа с вишнями, — всё не годилось для похода по запорошённой снегом степи.

— У меня билет до Одессы, — повторяла она, сдвигая густые брови, и вдруг принималась кого-то ругать: — Он хотел моей смерти, байстрюк!

Пелагея Егоровна и Фрося, когда эта женщина отстала, подождали её.

— Вы свяжите узел с узлом — так легче, — советовала ей Пелагея Егоровна.

Но попутчица упрямо тащила свой чемодан и узлы, проклиная свою жизнь, и поезд, который умчался, и тот час, когда она купила билет до Одессы.

Пелагея Егоровна, Фрося и все, кто шёл с ней рядом, уже знали, что эту женщину зовут мадам Роза, что у неё в Одессе свой дом и она отпускает дешёвые обеды, и что она ездила в Петербург к сыну Монежке, а сын не желает возвращаться домой, не желает торговать, а желает заниматься политикой.

— Вы видали, нужна мне политика? — спрашивала своих попутчиков мадам Роза.

Никто не шёл навстречу пассажирам. Никто их не догонял...

Кто-то сказал:

— Может, теперь остановимся, передохнём...

И вдруг увидели: с пригорка, на который поднималась дорога, ухватившись за лошадиную гриву, скакал мальчишка.

— Тикайте!..— кричал он.— Тикайте!..— и бил в бока лошади голыми пятками.

Высокий старик, который шёл впереди, взял лошадь под уздцы.

— Расходиться надо,— сказал кто-то.

Старик, держа лошадь за оборванную уздечку, допрашивал мальчика:

— Погоны на них есть? На тех, кто вас запалил?

Но мальчишка только размазывал грязные слёзы и ничего, кроме: «Тикайте, дяденька!..» — не отвечал.

— Видать, не большевики, а их благородия распрягаются,— сказал старик.— Надо идти в другую сторону, граждане!— Он снял мальчишку с лошади, и лошадь стала щипать сухой чернобыльник.— Пойдём оврагом, чтобы нас не было видно. Мы же не войско, чтобы шагать на виду.

Старик взял за руку мальчишку, уже обутого в чьи-то валенки, и первым сошёл с дороги.

Все пошли за ним.

Только мадам Роза поставила свой чемодан на землю и сказала:

— Я больше не марширую! Я покажу им билет! Я заплатила за билет деньги!

— А мы с дочкой пойдём,— сказала Пелагея Егоровна.

Мадам Роза молча смотрела им вслед. По обочине мимо неё, догоняя испуганных людей, всхрапывая, протрусила лошадь. Мадам Роза продолжала стоять, сжимая в озябшей руке картонный билет.

Но когда путники стали спускаться в глубокий овраг, то услышали крик. Обернувшись, Пелагея Егоровна увидела, как, спотыкаясь о мёрзлые кочки, их догоняет мадам Роза.

Уже совсем рассвело. Узкая тропинка, которая петляла по дну оврага, стала подниматься в гору. На горе в солнце зимнего утра стояли в ряд белые ма-занки.

Было тихо, и путники вошли в село.

У КРИНОЧЕК

По селу мадам Роза шла впереди.

«Что такое?» — удивлялась Пелагея Егоровна, когда их отказались впустить в одной, в другой хате.

— Идите до Криночек, — сказала старуха, глядя исподлобья на мадам Розу. — Идите, у них хата просторнее, — и повернулась к ним спиной.

— Где она, эта Криночка? — возмущалась мадам Роза. — Что такое Криночка?

Наконец они остановились у хаты с раскрашенными, нарядными наличниками. Мадам Роза заглянула в окно.

— Кто есть дома? Кто есть дома? — громко повторяла она.

Оробевшие Пелагея Егоровна с Фросей стояли молча.

На крыльцо вышла хозяйка. Румяная, в вышитой рубаше, в атласном фартуке.

— Нам порекомендовали вас, — сказала мадам Роза и поставила на ступеньку свой чемодан.

Скосив на чемодан глаза, хозяйка отвечала невинно:

— Вы же с дороги, а я полы вымыла.

— Ну и что же? Можно подумать, что у вас паркет, — сказала грозно мадам Роза.

Слово «паркет» прозвучало как пароль, и растерянная хозяйка, пятась, пустила их в хату.

Полы в хате были вымыты. По ним из угла в угол постелены тканые дорожки.

Не спуская глаз с чемодана мадам Розы, хозяйка показала на лавку около двери:

— Сидайте, в горнице ещё не высохло.

— Где у вас туалет? — спросила мадам Роза и, не дожидаясь ответа, стала снимать шляпу.

Хозяйка принесла воды. Пелагея Егоровна умыла дочку и прилегла.

— Что-то не вздохну, — сказала она. — Всё было ничего, а сейчас не вздохну.

Хозяйка хаты спохватилась:

— Ой, лышенько! К ночи воротится мой чоловік, ночевать у нас будет негде, сами видите, яка у нас хата!

Поглядывая на лавку, где прилегла Пелагея Егоровна, хозяйка стала греметь ухватами.

— У вас не гостиница, это понятно, но я могу заплатить, — сказала мадам Роза. Она раскрыла свой чемодан и перекинула через плечо канареечный капот.

Оценив капот и шляпку с вишнями, хозяйка хаты запела по-другому:

— Я же можу постелить вам в горнице, золотко!

— Мы останемся ночевать втроём.

— Як втроём? — переспросила хозяйка.

— А вы что, не бачите, что нас трое? — ответила мадам Роза. Сдвинув чёрные брови, она стала расшнуровывать высокие ботинки.

Пелагея Егоровна разволновалась:

— Мы тоже отблагодарим. Не даром переночуем.

Но мадам Роза сказала строго:

— Вам сегодня надо лежать и ни о чём не думать.

— Как же не думать в чужом доме, с девочкой? А мочи нет. И сколько ещё будем в дороге? Мы — пи-

терские, — рассказывала Пелагея Егоровна. — Муж на фронте, и сын с ним...

— Они военные? — спросила мадам Роза.

— Что вы? Токари, на заводе работали.

— Все хотят воевать, что за несчастье!..

Мадам Роза не разрешила Пелагее Егоровне встать. Она напоила её молоком, и Пелагея Егоровна задремала.

Фрося тоже прилегла вместе с матерью. Усталая, она заснула сразу. И вдруг сон прервался.

— Не можно спать! Не можно спать! — кто-то тряс её за плечо.

Фрося с трудом открыла глаза. Её тормошила мадам Роза. Рядом с мадам Розой стояла растрёпанная хозяйка хаты с коптящей лампой в руках.

— Ой, лышенько! — стонала она. — Ой, дёрнул меня нечистый вас пустить!..

— Перестаньте хлюпать! — сказала ей мадам Роза. — И поставьте на место огонь. Вы подожжёте собственный дом.

Вытянув руки, на лавке лежала Пелагея Егоровна. Глаза её были подняты к потолку, по которому метался круг от лампы, но она его уже не видела.

Фрося не плакала. Она стояла как каменная.

Мадам Роза закрыла Пелагее Егоровне лицо полотенцем.

— Ой, боже ж мой! — продолжала стонать хозяйка.

— Оставьте бога в покое! Идите и зовите людей, — распорядилась мадам Роза.

Было, наверное, уже раннее утро. Окна в хате посветлели. За окнами слышались голоса. Скоро хата Криночек заполнилась народом.

Соседи жалели хозяйку. Только старуха, которая не пустила Пелагею Егоровну к себе ночевать, поглядев на Фросю, перекрестилась и сказала:

— Сирота ты теперь, сирота!

— Как меня попутал нечистый пустить их? Кто знал, что она хвора? — причитала Параська Криночка и показывала на лавку, где лежала Пелагея Егоровна.

*

На другой день Пелагею Егоровну похоронили на сельском кладбище. И только когда возвращались с похорон, то хватились: исчезла мадам Роза.

— Ой, лышенько! — закричала Параська. — Что мне теперь робить с дитём? Она же его подкинула!

И Параська растопырила руки перед Фросей, которая вместе с другими взошла на крыльцо.

— Будьте свидетели, как меня обвели! Приедет из города мой Криночка, он же меня убьёт!

— Зачем убивать? — сказала старуха, которая пожалела Фросю. — Не было у вас детей, а теперь бог послал доню.

— Доню! Доню! — подхватили соседки и стали наперебой уговаривать: какое теперь будет Криночкам счастье...

Сбитая с толку Параська отворила наконец дверь и пустила в хату сироту.

*

Когда стало смеркаться, около хаты остановилась запряжённая двумя волами телега.

— Параська! — раздался громкий голос. — Параська!

Пнув дверь сапогом, в хате появился Криночка. К груди он прижимал граммофон:

— Ты побачь, что я привёз, Параська!

Стараясь не споткнуться, Криночка поставил граммофон на лавку.

— Ты побачь, какая диковина!

— Ой! — всплеснула руками Параська. — Что же это такое?

— Дывись! Музыкальная машина! Играет и поёт!

— Играет и поёт! — Параська дотронулась до граммофонной трубы.

— Не трожь, дура!

Разгрузив телегу, Криночка со всеми подробностями выслушал, что случилось в его отсутствие. Он не стал убивать жену, а даже развеселился.

— Пусть мне оторвут голову, это она! — Припадая на деревяшку вместо левой ноги, грузный Криночка очень ловко изобразил мадам Розу. — Распрекрасная мамзель в шляпе.

— Она, — подтвердила Параська.

Перед изумлённой Параськой Криночка поставил уже знакомый ей чемодан. Задыхаясь от смеха, он рассказал, как мадам Роза остановила его на дороге, и он, дурень, повернул волов и довёз её до самой станции.

— Може, он пустой? — усомнилась Параська, показывая на чемодан.

Чемодан оказался не пустой: кроме канареечного капота и штопаного белья, в чемодане лежали непонятные Криночкам вещи.

Мадам Роза везла в Одессу письменный малахитовый прибор. Зачем? Она сама не знала зачем. Купила почти даром. Не ехать же от сына домой с пустым чемоданом!

Взвесив на руке тяжёлое пресс-папье, Криночка велел Параське спрятать подальше эти цацки. Кто знал, для чего они, такие?

Прослышав, что из города вернулся Криночка, в хату один за другим входили соседи, чтобы выразить ему своё сочувствие.

— Сидайте! Сидайте! — гудел Криночка.

Параська, довольная тем, что её муж вернулся из города весёлый, выставила на стол бутыль.

— Кушайте! Кушайте! — угощала она. — Не обижайте нас.

— Нет, вы послушайте, какая произошла история! — рассказывал захмелевший Криночка. — Я еду, а на дороге мамзель. Откуда я мог знать, что у нас похороны?

Помянув покойницу, за весёлым застольем завели граммофон.

Из граммофонного раструба заверещал нечеловеческий голос:

Мой костёр в тумане светит...

А за печкой, уткнувшись в угол, горько плакала забытая всеми Фрося.

доня

Параська, это у нас чья? — спросил на другое утро Криночка, увидев на лавке у окна заплаканную Фросю.

Параська вытаращила на него глаза:

— Тю! Я же вчера всё тебе растолковала!

Параська в который раз принялась рассказывать, как она пустила в хату женщину с дитём. Женщина померла, а дитё — вот оно.

Фрося слушала, но не могла понять, что та женщина — её маманя, а дитё — это она. И что теперь она осталась одна в чужом селе, в хате у Криночек, у которых есть всё: и коровы, и воны, и всякая птица, только нет родных детей.

— Теперь у нас будет доня! — сказала Параська с досадой. Она даже плюнула в сердцах, вспоминая соседку, которая сказала, что им, Криночкам, бог послал такую радость.

Криночка смотрел на бледную девочку в латаном городском платье и, не сказав ей доброго слова, приказал жене:

— Вымой, одень, а то будут языки чесать, что живёт у нас нищенка!

Через несколько дней гордая Параська прошла по селу, держа за руку наряженную Фросю.

— Гляди-ка! В пуховом полушалке! — ахали соседки.

Фрося шла, опустив голову.

— Что ты в землю-то уставишься? — шипела Параська.

Заглянув в лавку и оглядев пустые полки, Параська купила засиженную мухами баночку помады.

— Невеста растёт. Ничего теперь не поделаешь — надо тратиться.

*

Фрося Тарасова зимует в богатой хате у Криночек. Сидит, ест с ними за одним столом.

— Ешь, ешь! — говорит ей Криночка. — Чего косо-ротишься?!

Праздничный обед долгий. Криночки хлебают борщ, лапшу, едят картошку со свиной. На столе драчёна, душистый взвар.

— Ешь! Таскай с мясом.

— Я не хочу, — отвечает Фрося, с трудом проглатывая кусок.

— Ишь ты: «Не хочу»! — передразнивает её Параська. — Подумаешь — царица! С матерью хлеба не видала, а тут — не хочу!

Фрося опускает голову, ложка у неё в руках дрожит.

— Мне от людей стыдно, — говорит Параська, — что ты такая тощая.

После обеда Криночки ложатся спать, а Фрося тихо, стараясь не шуметь, достаёт из печурки старый футляр для флейты. Собираясь в дорогу, она положила в него ленточки, открытки, голубые бусинки.

«Зачем? — останавливала её Пелагея Егоровна. — И так будет тяжело нести».

Фрося не послушалась.

На дне футляра лежит перо попугая. Из-за него они тогда с Тимошкой поссорились. Даже подрались. Фрося вздыхает, вспоминая тряпичную куклу — барыню Юлию.

Где он теперь, Тимошка?

АРТИСТ ТИММИ

Артист Тимми сидит в швейцарской у Петровича, и тот ему рассказывает, как на Новый год в цирк приезжал генерал-губернатор.

— Десять целковых золотом мне пожаловал,— повторяет Петрович.

Кроме Тимошки, в новогоднюю ночь у Петровича собеседников не было, и Петрович предавался воспоминаниям, великодушно подливая Тимошке крепкого, горячего цикория.

— Пей!

Тимошка пил и даже держал под языком кусочек сахара. Петрович выставил угощение: на столе стояла тарелка с тонкими ломтиками чёрного хлеба.

— Возьми! — предложил Петрович.

Но Тимошка хлеба не взял — есть ему не хотелось. Польди его кормил. Тимошка ел настоящий хлеб, даже с маслом. Польди не мог работать номер с голодным партнёром. А номер — первый класс! Мальчишка — клад, он будет работать лучше и лучше. У него для этого все данные: гибкий, ловкий. Другой бы не смог работать на такой высоте, на которой работает Тимми.

Польди с ним повезло. Ещё как повезло!

— Научил тебя акробат,— говорит Петрович.— Теперь он на тебе деньгу зашибёт... Ты его уважай! Тимоша ставит на стол блюдечко.

— Напился? — спрашивает Петрович.

— Напился. Спасибо.

— Ты бы мне за спасибо лучше песню спел, утешил бы меня. Как-никак нынче праздник! — И Петрович, сложив на животе руки, усаживается поудоб-

нее.— Я слышал, намерении у Александра Ивановича ты божественное пел.

— Я без гармошки не могу,— отвечает вежливо Тимоша. И встаёт из-за стола.

Если бы Петрович упал перед ним на колени, он всё равно не раскрыл бы рта. Не каждому споёшь песню.

Петрович закрывает сахарницу и, подняв тяжёлую крышку, прячет сахарницу в сундук. Он запирает сундук ключом и вешает ключ на шею на цепи. Ключей на цепи много: большие и маленькие.

Тимошка смотрит на самый большой. От цирковых дверей.

— Отпустите меня на часок,— говорит он Петровичу.

— Это куда?

Тимошка давно хотел сбежать к Репкину. Он не забыл и не мог забыть Репкина. «Он, наверное, про меня думает: «Дрянь парень. Поел, выспался и сбежал воровать...»

Уходя с арены, Тимошка даже глядел, не сидит ли Репкин в цирке, не смотрит ли представление... Но Репкин не приходил. Сам сходить к Репкину Тимошка не мог. Польди не отпускал его ни на минуту. Даже к клоуну Шуре Тимоша забегал от Польди тайком.

Сегодня, когда кончилось представление, Польди вдруг сказал:

— Ты будешь ночевать у Петровича.

Он сам привёл Тимми в швейцарскую и вручил Петровичу щедрый подарок — целый фунт сахара.

— С Новым годом, Петрович! Будьте здороф!..

— Я мигом — туда и обратно,— обещал Тимошка Петровичу и схитрил: — В сарае на заставе коробочка от деда осталась.

— А чего в коробочке?

— Принесу — поглядим...

Как на крыльях бежал Тимошка к царскому дворцу.

— Ты куда? — остановил его в дверях часовой.

— К Репкину, к матросу Репкину.

— Нету тут никакого Репкина.

— Как же нету? — растерялся Тимошка.

— А так и нету — зачем ему здесь быть? Здесь, парень, живых людей нет.

— Пусти, дяденька, я помню: сначала по лесенке, потом направо. Я сам у него ночевал, — упрасивал Тимошка.

— Знаешь что, — сказал часовой, — ты мне голову не морочь. Я охраняю имущество. Имущество ценное. А то сейчас как свистну да отправлю тебя куда следует — не убежишь.

Тимошка опешил:

— А я и не собираюсь убегать! Мне Репкин нужен из комиссии.

— Были тут всякие комиссии, это верно! — рассказывал Тимошке часовой. — Только теперь они отсюда переехали. А куда — не знаю. Тут только бывшее имущество государя императора. Понятно? Теперь оно, всё как есть, народное. Вместе с коронами.

Тимошка не слушал часового. Во дворце нет Репкина. А он так надеялся...

Где его теперь искать? Обратно Тимоша шёл не спеша.

— Скоро обернулся! — обрадовался Петрович. — А уж я пожалел, что тебя выпустил. Думал, надуешь ты меня. Как мне тогда перед Карлом Карловичем ответ держать? Ну, показывай, где коробочка?

— Нету коробочки.

— Хитришь?

— Ей-богу, нету! — Тимошке было не по себе, и он решил молчать. Пусть ругается.

— Тебя Польди в Европу, голодранца, везёт,— ворчал Петрович,— а я бы тебе на ноготь не доверил. У них там жизнь в Европе, обхождение, а ты как был шантрапа, так и остался.

В Европу, в Европу... Сначала Тимошка не понимал, куда это собирается Польди и почему он хочет оставить цирк? Тимошка даже обиделся на коменданта Захарова, который сказал, что в таких акробатах, как «Польди-два», он не нуждается. Пусть они катятся куда хотят!

Тимошка терпел от Польди затрешины. Были обиды и побольнее. Но когда Польди выходил на арену, он любовался им.

Польди работал красиво. Отпустив перекладину трапеций, он делал двойное сальто, потом, распрямившись в воздухе, точно рассчитав каждое движение, снова раскачивался и ждал Тимошку, который летел ему навстречу. «Ап!» — Тимошка крепко держится за сильные руки Польди.

— Браво, браво! Даёшь, Тимми! — кричат снизу.

У Тимошки сладко замирает сердце.

Спустившись из-под купола, он обегает арену и отвечает на комплимент. За ним, раскланиваясь, идёт Польди.

— Я уезжаю от ваших условий. Я не могу работать за паёк сухой вобла,— сердито говорит Польди Захарову.

— А я не задерживаю! — гремел в ответ Захаров.— Подумаешь, «король арены»! Да мы царя Романова спихнули! У нас свои артисты имеются!

Последнее время Польди реже обижал Тимошку. К Новому году сшил ему тёплый костюм.

— Ты есть артист, Тимми! Партнёр Карла Польди! — говорил он. — Ты должен забывать, что ходил с шарманка. Ты должен быть прилично одет. Но смотри: носить костюм надо аккуратно. Я платил за него деньги. Если будет пятно...

Примерив штаны и курточку, Тимошка побежал похвастаться к клоуну Шуре.

— Шура, ты глянь на меня, ты глянь! — просил он, поворачиваясь во все стороны.

— Скажите, какой франт! — удивился Александр Иванович.

— Польди и сапоги мне обещал!

Тимошка тогда не понял, почему Шура, глядя на него, не обрадовался.

Александр Иванович сидел перед зеркалом и продолжал снимать грим.

— Как работали? — спросил он.

— Хорошо! — Тимошка легко встал на руки.

— Тимми! — сказал Шура. — Ты будешь меня помнить?

— Как это? — удивился Тимошка.

— Ты будешь знаменитым артистом...— И Тимошка увидел в зеркале, как Александр Иванович, взявшись за парик, вдруг опустил руки.— Когда ты будешь знаменитым артистом, я буду очень, очень стар...

Александр Иванович встал и низко поклонился.

— Ты чего, Шура? — Тимошка отступил.

— Я приду,— Александр Иванович поклонился ещё ниже,— сниму шляпу, скажу: «Здравствуйте, Тимми! Вы меня помните?»

— Помню.

— Но ты можешь меня не узнать, дорогой!

— Что ты, Шура? Я тебя где хочешь узнаю.

Клоун Шура убрал заячью лапку, которой стирал румяна, снял пёстрый балахон и рыжий парик.

— Я тебя где хочешь узнаю!—повторил Тимошка.

И вдруг он понял: там, куда они уедут с Польди, не будет клоуна Шуры!

*

Артист Тимми лежит на сундуке, на котором ему постелил Петрович.

А Петрович, расчёсывая бороду, продолжает допытываться:

— Ты когда-нибудь видел, что дед прятал в коробочку? — И добавляет с сомнением: — Что у бродяги может быть?

Тимофей молчит, он и не думает отвечать Петровичу. У деда ничего, кроме шарманки, сломанной флейты и попугая, не было. А у этого, бородатого,— сам хвалился — есть золото.

— Врать грешно! — говорит Петрович, укладываясь в постель.— Господь, он карает грешников.

Тимошка укрывается с головой. Зажмурив глаза, он видит, как вертялые черти волокут Петровича за бороду.

Ворочаясь с боку на бок, Тимошка придумывает: что бы такое случилось, что помешало бы Польди уехать в Европу? Заболеть Польди не заболеет — здоровый, чёрт. В цирке на что холодно, а он ни разу не чихнул. Обтирается холодной водой и Тимошке велит:

— Вытирайся. Сильнее! Сильнее!

Тимошка, отчаявшись, представляет себе самое страшное. «Нет, нет!» — пугается он. Сорваться Польди не может. Пусть будет живой, только пусть уезжает один. Тимошка без него не пропадёт.

«Найти бы Репкина, — думает Тимошка. — Может, он за меня заступится? Скажу: не серчай, сам не знаю, как это случилось, что ушёл, а тебе не сказался».

Если бы Тимошка знал, что мимо цирка в это время по скрипучему снегу спешит Репкин. Весёлый и принаряженный...

**С НОВЫМ, ТЫСЯЧА
ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМНАДЦАТЫМ!**

— С наступающим вас, Анатолий Васильевич! — поздравил Репкин наркома.

— Я тоже поздравляю вас! Поздравляю и завидую!

— Да что вы, Анатолий Васильевич, что мне завидовать?

— Вы молоды. — Волнуясь, Луначарский снял пенсне и, близоруко глядя на Репкина, стоявшего перед ним, продолжал проникновенно: — Вы молоды и уви-

дите то, о чём мечтали, за что погибали лучшие умы человечества. Лучшие умы! — повторил Луначарский. Он выдвинул ящик своего стола и вынул маленький свёрточек. — Это сущий пустяк, но я прошу... В Новый год принято дарить подарки.

Репкин сконфузился.

— Берите, берите, — настаивал Луначарский. — Я прошу. (Его пенсне опять закачалось на шнурке.) Всё время слетает, вот беда! — сказал Анатолий Васильевич. — Вы любите танцевать?

— Приходилось, — сознался Репкин.

— Прекрасно! Вы заколете эту булавку в свой галстук. Будет у вас, будет красивый галстук. Не верите? А я знаю, что будет. И Новый год будете встречать с цветами, с шампанским! И будут балы! — Анатолий Васильевич помешал в стакане остывший чай, в котором не разошлась ещё серая таблетка сахара. — Вы пойдёте на бал...

Репкин улыбался.

— Придумаете тоже, Анатолий Васильевич!

— Пойдёте на бал... — Луначарский говорил уже серьёзно. — Вы вспомните холодный Петроград, зажигалки, мигалки. Прекрасный тысяча девятьсот семнадцатый год. И меня... Вспомните? — спросил Анатолий Васильевич.

Репкин принял подарок. Он пожелал народному комиссару счастья, здоровья и отправился в порт, где его ждали на крейсере дружки-товарищи.

*

Репкин бывает на крейсере редко.

— Как ты там управляешься, на суше? — спрашивает боцман, с которым Репкин ходил в кругосветку.

— Сам не знаю, — отвечает Репкин.

— Похудел, — говорят ребята, — забыл нас...

— Не забыл, а дел невпоровот! — оправдывается Репкин.— Тут сам себя скоро забудешь! — И Репкин рассказывает про свои обязанности на суше: — Я у народного комиссара теперь в помощниках. Для революции культура требуется. Анатолий Васильевич, народный комиссар по культуре, удивительный человек. Знает решительно всё.

— Так уж и всё? — сомневается боцман.

— Решительно,—подтверждает Репкин.—Про что его ни спроси: про книги, про Маркса, про музыку...

— Скажи пожалуйста! А зачем нужна революция музыка? — И боцман подмигивает.— Мне ребята рассказывали: ты насчёт музыки в порту речь произнёс.

— Произнёс,— отвечает Репкин.—Знаешь, кто такой Бородин?

— Бородин? — переспрашивает боцман.

— Бородин Александр Порфирьевич.

Боцман морщит лоб:

— Что-то запамятовал.

— «Запамятовал»! — смеётся Репкин.— Я вот тоже никакого понятия не имел. А Бородин был великий музыкант. Вот ты говоришь: зачем нужна музыка? Я живу на квартире у профессора Гнедина. Товарищу Гнедину семьдесят лет. Он намедни давал концерт. Ленин Владимир Ильич присутствовал. Слушал Бетховена. Бетховен-то когда жил? А тоже сочувствовал революции. А ты — для чего нужна музыка?

*

Сошлись стрелки часов. Вахтенный отбивает склянки.

С Новым годом! С новым счастьем!

Боцман, подняв кружку, чокается с Репкиным:

— Будь здоров, браток, давай защищай музыку!

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Время тяжёлое, но традиции соблюдались. В Петрограде встречали Новый год.

В новогоднюю ночь Алексею Лаврентьевичу Гнедину нездоровилось. Он не пошёл к друзьям, которые приглашали его.

В квартире Гнединых часто звонил телефон. Звонили друзья, передавали сердечные поздравления, спрашивались о здоровье. Из консерватории приезжали и тоже поздравили с Новым годом. Но после двенадцати в доме наступила тишина.

Алексей Лаврентьевич попросил чаю. И сияющая Евдокия Фроловна с подносом в руках вошла в его кабинет.

— С праздничком, барин! — сказала она. — С наступающим!

— Спасибо, Дуня!

На письменном столе Гнедина рядом с портретом Ольги Алексеевны лежала маленькая еловая ветка.

— Дуня, там в ящике нет ещё писем? — спросил Гнедин.

— Теперь если только утром принесут, — ответила Евдокия Фроловна.

По-своему, от чистого сердца, хотела она порадовать Алексея Лаврентьевича. Правдами и неправдами достала муки, испекла кренделёк. Кренделёк покрыт салфеткой, лежит на тарелке рядом со стаканом чаю, но вряд ли барин заметит сейчас её заботу. Евдокия Фроловна тихо прикрывает тяжёлую дверь. И только у себя на кухне даёт волю слезам.

Она ль не помнит, как лелеял Алексей Лаврентье-

вич свою единственную Олюшку! Овдовел он рано, растил её без матери.

— Бессердечная, бессердечная! — приговаривает тётя Дуня. — «Большевики — изверги!» А сама что сотворила? Нешто ему легко всё это переживать на старости? В Париж уехала! Где он, этот Париж, если оттуда письма не доходят?

*

Алексей Лаврентьевич берёт в руки бронзовую рамку. На портрете — Оленька. Ей шестнадцать лет. Она только что окончила гимназию. Внучка Леночка на мать не похожа. Оленька светлая, сероглазая, а внучка унаследовала от деда и косо́й разрез глаз, и тёмные непослушные волосы, которые не хотят держаться в тугих косичках.

— Ну чистый ты у нас ёжик! — говорит про Леночку Евдокия Фроловна.

Гнедин ставит портрет на место.

«Если бы Ольга увезла с собой Леночку? — Алексей Лаврентьевич смотрит на портрет и говорит, будто продолжая начатый разговор: — Тогда бы мы с тобой, Оля, поссорились навеегда».

Гнедин долго сидит, прикрыв рукой глаза. Потом встаёт и, стараясь ступать осторожно, идёт в Леночкину комнату.

Леночка спит, уткнувшись носом в подушку. На её кровати висят белые праздничные чулки. Из одного чулка выглядывает блестящая фольга, в которую обернут подарок от тёти Дуни — она связала Леночке варежки.

Алексей Лаврентьевич беспомощно оглядывается, шарит в жилетных карманах и опускает в пустой чулок свои часы вместе с брелоками и золотой цепью.

Уже совсем в поздний час Репкин пришёл на квартиру.

В кабинете у Гнедина горел свет. Желая поздравить его с Новым годом, Репкин постучал в дверь.

— Уснул теперь,— сказала тётя Дуня.

Но Гнедин не спал. Он слышал, как постучал Репкин, и не ответил. Никто, никто ему не нужен. И ни с кем он не смог бы сейчас поделиться тем, что его мучило. «Неужели ей там легче?» — думал он.

Гнедин перебирал фотографии. Вот ей год, пять лет, девять, как теперь внучке. Он перечитывает дневник дочери, где написано аккуратным почерком: «Я посвящаю свою жизнь искусству!»

Её трудно было усадить за рояль. Она будто бы увлеклась театром...

«Нет,— должен сознаться Гнедин.— Я не знал её души.— И он вспоминает, как она говорила ему зло, с раздражением: — «Вот увидишь, большевики приведут в консерваторию лошадей, как при Наполеоне».

А сколько было разговоров о матросе, который сейчас постучал к нему в дверь!

И невольно Гнедин начинает думать о другом. Он вспоминает, как матрос Репкин потихоньку от него читал клави́р оперы.

«Вы что, поёте?» — спросил Гнедин.

«Что вы? Я так читал. Только почему строчки неровные? Читать трудно,— сознался Репкин. И тут же поспешил добавить: — А так всё правильно. Превосходно написано! Тяжёлая у паяцев была жизнь, Алексей Лаврентьевич».

Гнедин снимает с полки клави́р. «Чудак, как же он разобрался? — удивляется Гнедин, листая тяжёлые страницы.— Надо предложить ему брать книги из шкафа». Гнедин слышит, как Репкин ходит за сте-

пой. Наверное, вернулся с по pogodней встречи. Гнедин снова садится за стол. Он хочет посмотреть, который час, и привычным движением опускает руку в жилетный карман, но там пусто.

Переждав, когда за стеной затихнет, Алексей Лаврентьевич ложится спать.

НЕ ТЕРЯТЬ НАДЕЖДЫ

Собираясь на работу, Репкин думал о том, что сегодня ему предстоит трудный день.

Леночка сказала ему:

— Посмотрите, что мне подарил дед!

Она осторожно вытащила из кармашка часы и приложила их к уху.

— Тише, сейчас они зазвенят!

И часы зазвенели.

— Вы бы, барышня, положили их на место,— посоветовал Репкин.— А то уроните, и они станут.

— Они теперь совсем мои! — сказала Леночка.— Я их буду сама заводить. И ещё знаете что? — Леночка опустила часы в кармашек.— Мы с дедом были в цирке. И знаете кто там был? Мальчик, который приходил с шарманкой! Теперь он акробат!

— Как — акробат? — Репкин перестал чистить сапоги.

— Настоящий акробат! Он ещё маленький, но совсем настоящий. Там есть ещё большой,— объясняла Леночка,— но мальчик лучше большого.

— А вы не ошибаетесь, барышня, насчёт шарманщика?

— Что вы — ошибаюсь!.. Я его сразу узнала! Леночка запрокинула голову, как Тимошка:

— Алле! Алле!

— Что это у вас здесь происходит? — спросил Алексей Лаврентьевич, входя в кухню. — С Новым годом! — поклонился он Репкину.

— Вас также! Вчера хотел поздравить, да пришёл поздно! — И Репкин протянул Гнедину руку.

— Он не верит, что ты подарил мне часы! — Леночка щёлкнула крышкой и, открыв часы, стала смотреть, как между тонкими пружинками вертятся крохотные колёсики: тик-так, тик-так!

— Я действительно тебе их подарил. — Гнедин замялся. — Но ты знаешь, голубчик, я должен у тебя их попросить. Я привык с ними заниматься. Я сейчас иду в консерваторию.

— Хорошо! — Леночка великодушно протянула деду его часы. — Только смотри не потеряй! А когда придёшь, я их возьму обратно.

*

Гнедин с Репкиным вышли из дому вместе.

Гнедин шёл, подняв воротник и опираясь на тяжёлую трость. Сбоку была видна только его заснеженная брововая шапка.

Репкин рассказывал по дороге газетные новости. Новости были тревожные.

— Позвольте! — вдруг остановил его Гнедин. — Почему вы так безапелляционны?

— Простите, — не понял Репкин.

— Могу пояснить. — Гнедин испытующе поглядел на своего собеседника. — Всё, о чём вы мне сейчас рассказываете, очень тревожно. Более того, ужасно. Война, голод, тиф! А вы так уверенно: «С этим справимся, это победим!»

Репкин даже улыбнулся.

— Как же без уверенности-то, Алексей Лаврентьевич? Без уверенности революцию затевать было нечего. Обязательно победим!

Алексей Лаврентьевич развёл руками. А Репкин продолжал наступать:

— Вот вы, Алексей Лаврентьевич, веру теряете!

— Я? — В голосе Гнедина послышалось недоумение.

— Не верите, а через пять лет...

— Что же будет через пять лет?—спросил Гнедин.

— Со всеми подробностями доложить не могу,— вздохнул Репкин.— Но будет всё так, как Ленин говорит! Если мы с вами доживём, то полюбуемся.

— Я уже не полюбуюсь. Вряд ли! — добавил, помолчав, Алексей Лаврентьевич.

А Репкин настаивал:

— Веру терять нельзя. Это всё равно что в бой идти, а оружие бросить.

Они дошли вдвоём до консерватории. А дальше Репкин зашагал один к себе на работу, в комиссию по делам просвещения.

По дороге он прикидывал: «На этих днях надо обязательно в цирк сходить. Может, с акробатом работает и не Тимошка. Леночка обознаться могла. Но сходить надо обязательно. Встречу — ругать не буду. Погляжу, чему он в цирке выучился. Скажу, чтобы на побывку приходил. А то пусть живёт со мной на квартире».

И Репкин представил себе, как вымытый Тимошка сидит в гнединской квартире в мягком плюшевом кресле.

ГДЕ ТИМОФЕЙ?

Впустом холодном цирке громко звучит весёлая музыка, и вдруг в неё врывается глухой львиный рык.

Клоун Шура вздрагивает. Он вытирает влажный лоб и, вздохнув, продолжает бинтовать собачьи лапы мягкой фланелькой.

— Потерпи, Фомушка,— приговаривает Шура.— Потерпи, родной.

Шура не замечает, как в гримёрную входят директор, комендант Захаров и с ними незнакомый матрос.

— Здравствуйте, Александр Иванович! — говорит матрос.

Клоун Шура приподнимает колпак:

— Простите, я не знаком...

— Да кто же вас не знает, Александр Иванович! — перебивает Захаров.— По всей армии разговор идёт: в цирке Рыжий здорово контру продёргивает!

Клоун низко кланяется.

В гримёрную доносится звук, похожий на охрипшую трубу.

— Это слон, у него воспаление лёгких,— говорит клоун Шура.

Репкину становится не по себе. Он оглядывает стены, покрытые инеем. У зеркала стакан с замёрзшей водой.

— А с провиантом у тебя как? — спрашивает Репкин Захарова.

— Тоже плохо,— отвечает Захаров.— Брюквы мороженой пудов сорок вырвал, а больше ничего.

— Простите, а как же лев? — говорит клоун Шура и смотрит на Репкина с тревогой. — Лев — хищник. Он не ест брюквы.

Репкин мрачнеет. Но отвечает сдержанно:

— Что поделаешь, придётся пристрелить.

Он кланяется Александру Ивановичу и идёт с директором и Захаровым по комнатам артистов, где настоящий мороз.

Про Тимошку Репкин не спрашивает. На афише мальчишка на него не похож. И кто знает, может, акробат с сыном работает. Не любят сейчас артисты расспросов. Самому надо бы повстречать. И вдруг на одном из переходов на лестнице появилась лёгкая детская фигурка...

«Никак он — Тимошка!» Репкин остановился будто для того, чтобы попросить у Захарова огоньку.

Захаров чиркнул зажигалкой, но огня не высек.

— Не горит — забыл бензину капнуть! — Пошарив в кармане, Захаров достал спички.

Кутаясь в пальтишко, мимо пробежала завитая, нарумяненная девочка.

— Вот ещё горе, — сказал Захаров. — Ни в одном театре дети не работают, а у нас...

— Много ребятишек? — спросил Репкин, забыв прикурить.

— Трое. Двое Арнольди на лошадях и один с акробатом, с Польди, работал. Вчера за границу укатил, — ответил Захаров.

— Кто укатил?

— Польди с мальчишкой. У Арнольди свои дети, а этот мальчишка ничейный. Но Польди на него бумагу выправил. Свою фамилию ему дал.

— Какую фамилию?

Репкин стоял перед ним туча тучей.

Захаров не понимал, почему этот флотский из ко-

миссии расспрашивает про акробата Тимошку с таким пристрастием.

— Дура ты, Захаров! — сказал Репкин. — Тебя бы на немецкую фамилию переделать. Я этого парня знаю, а ты его в капитализм отправил!..

— Так у него бумага... — струхнул Захаров.

— Бумага?!

Репкин так поглядел на коменданта, который всё ещё держал перед ним обгорелую спичку, что у того похолодело внутри.

Уже на улице Репкина догнал человек в долгополой шубе и глубоких ботиках. Вглядевшись, Репкин признал в нём клоуна Александра Ивановича, с которым только что познакомился.

— Я хотел бы, если вы разрешите, с вами побеседовать, — сказал Александр Иванович.

— Пожалуйста, — ответил Репкин. А сам подумал: «Опять, наверное, будет за льва заступаться».

И Репкин стал шарить в карманах, чтобы закурить и успокоиться. Табаку на курево не нашлось, да и спичек у него не было.

— Так о чём разговор? — Репкин замедлил шаг, и они с Александром Ивановичем пошли рядом.

— Дело у меня теперь, очевидно, безнадёжное, — начал Александр Иванович, но, взглянув на сумрачного Репкина, замолчал. — Может, вы не располагаете временем?

Александр Иванович уже хотел было откланяться и перейти на другую сторону, но Репкин вдруг остановился и сказал зло:

— У меня, извините, к вам тоже вопрос имеется. Вы, случайно, в цирке мальчишку не примечали, которого Польди увёз?

— Как это не примечал! — обиделся клоун Шура. — Я именно о нём хотел с вами поговорить.

Запахнув полу шубы, из-за которой торчало мох-

натое собачье ухо, Александр Иванович, волнуясь, стал рассказывать Репкину, как он ходил по разным департаментам и как его там никто не хотел слушать.

— Один господин так мне и ответил: «У вас нет основания для прошения». А для Польди тот же господин выправил бумагу. Всё, как полагается, по закону.

— Нет такого закона,— сказал Репкин, выслушав клоуна.

— Как это нет? — растерялся Александр Иванович.— Что же, по-вашему, и виноватых искать нечего?

Репкин не ответил. Что он мог ответить, когда ему было ясно: приди он в цирк на день раньше, не увёз бы акробат Тимошку. Он хотел было разъяснить клоуну, что департаментов теперь нет, а чиновники, которые ещё при царе служили, нарочно подрывают авторитет Советской власти.

— Я виноват, папаша,— сказал Репкин.—

Я! — и, козырнув, исчез в метели, которая плясала по всему Питеру.

— Как же так? Как же так? — повторял клоун Шура, шагая уже один в снежной мгле, и вдруг, оглядевшись, с удивлением увидел, что сбился с дороги, по которой ходил изо дня в день тридцать лет.

Незнакомая улица, чужие дома. Он остановился на перекрёстке, чтобы спросить встречного, как ему пройти до своего дома.

Уже совсем стемнело, когда, держась рукой за больное сердце, клоун Шура с трудом поднялся на обледеневшее крыльцо и позвонил в колокольчик.

— Что с вами, батюшка Александр Иванович? — спросила его хозяйка квартиры. Оберегая огонёк копилки, она проводила его до дверей комнаты.

*

Клоун Шура сидел в кресле. Перед ним на столе — голубой шарик. Шарик на счастье — тот самый, который он подарил Тимошке в день его дебюта.

«К чёрту ваш сувенир! — кричал тогда Польша. — Вы умрёте на арене с вашим сентимент... У вас старый сердце, Шура!»

Старое сердце, как оно сейчас стучит...

— Вот выпейте капельки. — Старушка поставила перед ним рюмку.

И Александр Иванович покорно выпил лекарство.

— Я подремлю. — Он закрыл глаза.

*

Накануне отъезда, когда Польша уже упаковал чемоданы, Тимошка на минутку забежал к Александру Ивановичу.

— Вот, Шура, возьми. — И Тимошка положил на

стол перед зеркалом голубой шарик. Прислушиваясь, не раздастся ли в коридоре голос Польди, Тимошка, торопясь, рассказал, как Польди вышвырнул в окно два других шарика.— А вот этот пусть будет у тебя.

Они обнялись.

Александр Иванович не помнит, что он говорил. Наверное, что-то ласковое и трогательное, потому что Тимошка его утешал и обещал, что когда заработает немного денег, то непременно приедет.

Коптилка чадит и чадит. Из дверки деревянных часов выпархивает кукушка: ку-ку! Ку-ку!

Уже утро. Скоро надо идти в цирк. Там никто не узнает, что у клоуна Шуры была бессонная ночь. Когда на манеже Рыжий — всем должно быть очень весело!

В ЕВРОПУ

Поезд идёт на запад. За окном вагона мелькают аккуратные домики под черепичными крышами. Всё дальше и дальше поезд от России, где нет ни порядка, ни хлеба...

— Революция, доннер веттер, этот революция! — ворчит Польди.

Он зол, он никогда не был так зол. Все его три чемодана из превосходной кожи покачиваются в багажной сетке. Но самый ценный багаж исчез. Буквально у него на глазах. Польди скрипит зубами, у него белеют глаза.

— Вам худо? — спрашивает его сидящий рядом пассажир.

— О нет! — И Польди закрывается газетой.

Сколько ему стоил этот уличный оборванец? Надо было крепко держать его за руку. До пересадки на пограничной станции Польди ещё надеялся, что негодяй едет в другом вагоне. Но теперь ясно, что он удрал.

«Сколько я истратил на него, чтобы он выглядел прилично, этот вор... Я есть глупый дурак!..»

*

На вокзале, когда началась посадка, Польди скомандовал:

— За мной, Тимми! Шнель! Шнель!

И вслед за носильщиком направился к вагону. Он шёл, оглядываясь, а Тимошка, работая локтями, старался от него не отставать.

— За мной! — повторял Польди, но Тимошку отёрли, и он уже с трудом пробирался за знакомым мохнатым пальто.

На подножку вагона, на которой стоял Польди, уже лезли другие.

— Пропустите мальшик! Это мой мальшик! — крикнул Польди.

Взбешённое лицо Польди мелькнуло в окне вагона и исчезло.

Началась давка.

Какая-то дама, ухватившись обеими руками за поручни, вопила:

— Мне дурно...

И матрос, который пытался следить за посадкой, махнул рукой:

— Озверела буржуазия. На буфере — да в Париж... Давай отправляй!

Без звонков, без свистков эшелон отошёл.

На платформе, кроме Тимошки, осталась пропасть народу. Послышались рыдания.

— Не волнуйтесь, граждане. Подадим другой состав, всех вывезем, — успокаивал пассажиров военный в кожаной куртке. — Республика не заинтересована вас задерживать. Приготовьте документы.

Нет у Тимошки никаких документов. И бежать некуда.

*

Рядом на путях стоял пустой состав. Тимошка, подтянувшись на руках, взобрался в тёмный, пахнувший карболкой вагон и затаился как мышь.

Он ещё не успел подумать, зачем он спрятался, как состав дёрнулся и, громяхая пустыми вагонами, стал набирать скорость. Быстрее, ещё быстрее. Навстречу ему, приседая, будто в танце, неслись приземистые ёлочки.

Подняв голову, Тимошка огляделся. Вдоль вагона тянулись сколоченные из шершавых досок нары, а на стене висел плакат.

Тимошка видел этот плакат во дворце у Репкина: на красноармейца с ружьём нападает трёхголовая гидра, из каждой пасти у неё торчит раздвоенное жало...

Встретившись с гидрой взглядом, Тимошка похолодел. Ему почудилось, что на него со злой усмешкой глядит Польди: «Вот ты где, негодяй!..»

Нашупав на полу камешек, Тимошка швырнул его гидре в глаз и, взобравшись на нары, отполз в угол, чтобы гидра его не видела...

Поезд пошёл вдруг под уклон. Тяжёлая дверь вагона со стуком захлопнулась. В наступившей темноте Тимошка почувствовал себя спокойнее. Устав от волнений, он задремал. А когда очнулся, то дверь вагона была опять раскрыта. В неё зябко дышал ветер, пахнувший талым снегом, а в потемневшем небе мигали далёкие холодные звёзды.

Тимошка оробел...

«Тимми! Тимми! Тимми!» — стучали колёса поезда.

«Ну-ка он совсем не остановится?» — со страхом подумал Тимошка.

Но поезд пошёл медленнее и остановился.

САНИТАРЫ

Тревожно гудел паровоз, громкие голоса перекликались в сумерках:

— Погрузку начинай!

— Не задерживай, не задерживай!

— Чья очередь?!

Тимошка уже хотел спустить с нар зачоченевшие ноги, как вдруг в дверях вагона показалась солдатская папаха. Кряхтя и чертыхаясь, солдат вдвинул в вагон большой ящик.

— Осторожно! Никуленко, осторожно! — повторял снизу настойчивый женский голос.

— Як здесь можно быть осторожно? — рявкнул солдат.

— Никуленко, дайте мне руку! — попросил тот же голос.

В вагоне вслед за ящиком появилась тоненькая девушка.

— Никуленко, а матрасы? — спросила она строго.

— Нема здесь матрасов, — ответил мрачно Никуленко.

— Как же без матрасов?

Никуленко не отзывался.

Девушка ощупью нашла нары и села почти рядом

с Тимошкой. Тимошка не шевелился. Он слышал, как она дышит, пытаясь отогреть дыханием озябшие руки. И вдруг в темноте в раздвинутых дверях вагона закачалось оранжевое пятно и всплыло в вагон. Это Никуленко принёс и поставил на пол фонарь.

— Вот вам «летучий мыш»»,— сказал он и снова исчез.

Присев на корточки, девушка прикрутила фитиль.

При свете фонаря Тимошка смог её разглядеть. В драповом узком пальтишке, в косыночке, в больших подшитых валенках девушка по-хозяйски прошлась по вагону. Подняв фонарь, она, наверное, хотела посветить на нары, но в это время в вагоне появился Никуленко. Гроыхнув пустым железным бачком, он снова прыгнул обратно в темень.

— Никуленко, а вода? — крикнула ему вслед девушка, повернув в бачке сухой кран.

Где-то вдали чертыхнулся Никуленко. Через некоторое время он появился с ведром, над которым поднимался пар.

— Кипяток! — обрадовалась девушка. Она протянула над паром распухшие руки.— Вы чудесный, товарищ Никуленко! Вы просто волшебник!

— Не надо на меня тявкать, Лидочка,— сказал Никуленко.— Когда на меня не тявкают, я могу достать всё!

— Я не тявкаю, я даю вам распоряжения!

Лидочка снова стала строгой, и Никуленко исчез.

Погрузка продолжалась.

— Торопись! Торопись! — выкрикивал кто-то на платформе.

Раздался гудок отдохнувшего паровоза, и, оттолкнувшись колёсами, поезд покатил дальше. И уже на ходу в вагон взобрался Никуленко.

Размахивая руками, он продолжал кого-то доругивать:

— Расстрелять мало саботажников! По списку значится одно, получай другое. Мало расстрелять — вешать надо!

Испуганный Тимошка шевельнулся.

— Ой! — вскрикнула Лидочка. — Товарищ Никуленко, там кто-то есть! — И она посветила на нары.

— А ну слазь! — рявкнул Никуленко.

— Кто там? — спросила Лидочка.

— Да гимназист! Теперь в каждом поезде гимназисты. И все тикают на фронт!

Никуленко, наверное, вышвырнул бы Тимошку из вагона, если бы поезд остановился. Но поезд шёл без остановок. Да и куда на ночь глядя вышвырнешь мальчишку, который, видно, не от добра забрался в пустой вагон?

— Откуда ты здесь? — допрашивал Никуленко Тимофея.

— Подождите, товарищ Никуленко. Он сейчас мне всё расскажет.

Лидочка села рядом с Тимошкой и спросила, поглядев на его новый костюм:

— Твоя мама, наверное, плачет. Тебе её жалко?

Тимошка смотрел на Лидочку, удивляясь: «Кто плачет?»

Выслушав сбивчивый Тимошкин рассказ, Лидочка растерялась.

А Никуленко молчал. Он поверил Тимошке. Гимназист так не соврёт. А этот, наверное, хлебнул горя.

— Пусть остаётся, — решила Лидочка. — Вы согласны, товарищ Никуленко? Только смотри, без спросу ничего здесь не трогай, — сказала она Тимошке.

Лидочка похлопотала за Тимошку. Он остался в вагоне на полных правах и даже был зачислен на довольствие.

Комиссар поезда, заглядывая в вагон, справлялся:

— Как Тимофей?

Лидочка не жаловалась. Обряженный в солдатскую телогрейку, Тимошка ей помогал. На одной из станций Никуленко раздобыл матрасы. Они вместе с Тимошкой набили их промёрзшей соломой.

— Старайся, гимназист! Старайся! — хвалил Тимошку Никуленко и поручал ему тереть кирпичом вёдра, вязать веники.

Через несколько дней, уже поздно вечером, когда в вагоне был наведён полный порядок, Тимошка, устроившись на нарах, задумался и запел. Сначала тихо, потом громче.

— Пой, пой, — сказала Лидочка.

Осмелев, Тимошка спел про «Чайку», про «Разбитое сердце» и новую песню, которую он выучил в санитарном поезде:

Смело мы в бой пойдём
За власть Советов...

— Слухай, Тимохвей, — сказал Никуленко. — Вот кончим воевать, поедешь со мной домой. Я тебе срежу из лозы свистульку, какой ни у кого нету...

И вдруг Никуленко запел. Запел мягко, ласково:

Карины очи, очи дивочи...

— У вас есть слух! — удивилась Лидочка.

— Який слух? — рявкнул Никуленко и насупился.

— Вы не обижайтесь, — сказала Лидочка. — У меня, к сожалению, слуха нет никакого абсолютно.

*

Санитарный поезд задерживали на узловых станциях, перегоняли с одного пути на другой.

— Нема порядка! — терзался Никуленко.

— Наш поезд — особого назначения. Мы едем к фронту, — объясняла Лидочка.

— «Едем»! Слепой коняга шибче шлёпает!

Никуленко клял саботажников. И, наверное, был прав.

Наконец, будто вырвавшись из невидимых теней, поезд пошёл без остановок.

ФРОНТ

Тром, выглянув в окошечко над нарами, Тимошка увидел, что поезд идёт по равнине, укрытой снегом, а из-за леса по дороге спешит обоз.

— Везут! — сказал за его спиной Никуленко. — Раненых везут.

— А где же фронт? — спросил Тимошка.

Никуленко не ответил. Зачерпнув ковшом ледяной воды, он стал умываться.

— Мойте, пожалуйста, руки с мылом, — сказала Лидочка и протянула Никуленко маленький липкий квадратик мыла.

Ворча, что мыло поганое, из собачьего жира, Никуленко нехотя выполнял Лидочкино указание.

— Мойте, мойте, — повторяла Лидочка. — Сегодня всё должно быть стерильным.

Лидочка надела поверх своего пальтишка белый халат, и Тимошка завязал ей сзади тесёмочки. В белом халате, в белой косынке Лидочка стала ещё более строгой.

— Никуленко! — сказала она. — В наш вагон должны поступить самые тяжёлые!

Поезд замедлил ход и, не дойдя до семафора, остановился.

Санитары с носилками поспешили к обозу, который серой лентой растянулся по дороге. Вместе с ними ушёл Никуленко.

— А ты, Тимоша,— сказала Лидочка,—ты будешь выполнять мои распоряжения.

*

Санитары внесли в вагон раненого. Голова у раненого была завязана холщовым полотенцем.

Пропитанное багровой кровью полотенце застыло жёсткой чалмой.

— Осторожно! — сказала Лидочка.

Никуленко с санитарами бережно подняли раненого с носилок и положили на нары.

По свежему матрасу из-под раненого поползли потревоженные вши. Лидочка не отступила: закусив губу, она стала стягивать с раненого стоптанный сапог; в вагоне запахло гноем.

— Выброси! — сказала Лидочка.

Подобрав с пола чёрные влажные портянки, Тимоша выбросил их на шпалы. Вернувшись в вагон, он смотрел, как Лидочка ловко бинтовала раненому ногу и, когда раненый застонал, нагнулась над ним и ласково стала уговаривать:

— Всё хорошо, товарищ, всё хорошо!

Лидочка вытерла раненому лицо тёплой водой, но раненый даже не открыл глаз.

Рядом с первым раненым санитары положили второго, потом третьего. Лидочка просила:

— Поддай бинты! Сходи за водой!

И Тимошка подчинялся ей беспрекословно.

Быстрого и ловкого мальчишку заметили и окликали из других вагонов:

— Давай сюда! Давай сюда! Тащи воды, хлопец!

Тимошка успевал помочь и соседям.

Никуленко ревниво выговаривал ему:

— Ты что, ошалел? Куда ты несёшь цибарку? Это наша цибарка, неси её до Лидочки.

На путях Тимошку встретил комиссар.

— Молодец, артист! — сказал он.

Держа в руках полные вёдра, Тимошка гордо прошёл мимо, балансируя по рельсу.

— Ты не балуй! — крикнул ему вслед комиссар. — Это тебе не цирк!

Санитарный поезд был уже почти заполнен, когда за станцией послышалась стрельба. Сначала вдалеке, потом всё ближе.

И вдруг над Тимошкой пронеслось что-то тёмное и, сверкнув пламенем, ухнуло.

— Ложись! Ложись! — услышал Тимошка.

Он не лёг — его отшвырнуло. Оглушённый взрывом, Тимошка лежал недвижимо. Когда он с тру-

дом поднял голову, то увидел, что рельс, по которому он только что шёл, торчит дыбом над обугленными шпалами. Тимошка хотел приподняться. Руки, ноги его не послушались, земля пошла вверх, и Тимошка прижался к ней всем телом.

Мимо пробежал санитар с окровавленными носилками.

— Подожди! — крикнул ему Тимошка. Но ему только показалось, что он кричит. Как это бывает во сне, Тимошка кричал, но оставался безгласным.

Раздался паровозный гудок, и поезд тронулся.

Колёса поезда крутились всё быстрее и быстрее, мелькали буксы, крюки, и вдруг там, где они только что были, стало пусто. Санитарный поезд ушёл. Станцию заняли белые.

*

— Живой! — удивился стрелочник, нагнувшись над чернявым мальчишкой. Оглядываясь по сторонам, он ощупал Тимошку с головы до ног и, убедившись, что ран на нём нет, оттащил его подальше от путей и побежал к своей будке.

Когда стемнело, к примеченному месту стрелочник пришёл со своей старухой.

— Понесём низом, — сказала старуха. — По тропке пойдём, тальником, а то, не дай бог, увидят.

Приподняв Тимошкину голову, стрелочницадохнула ему в лицо. Глаз Тимошка не открыл, только застонал еле слышно. Осторожно, боясь уронить свою ношу, старики спустились под крутой откос и скрылись в кустах густого тальника.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

- Вечерний выпуск, вечерний выпуск! — кричит мальчишка-газетчик. — Статья Ленина... «Социалистическое отечество в опасности».

Клоун Шура покупает газету.

— Враги под Петроградом! Враги под Киевом...

Рассчитываясь с газетчиком, клоун Шура роняет кошелёк.

— Не трудитесь, я подниму, — слышит он знакомый голос.

Перед ним Репкин. Они идут рядом, и Репкин спрашивает о его здоровье.

— Благодарю, не жалуюсь, — отвечает Александр Иванович.

— А я, если разрешите, к вам, — говорит Репкин.

— Вы ко мне?

Клоун Шура смотрит на Репкина растерянно.

— У меня к вам есть дело, Александр Иванович. Прошу, уделите внимание.

Недоумевая, зачем он мог понадобиться, клоун Шура показывает на свой дом:

— Живу рядом. Пожалуйста!

На звон колокольчика хозяйка открывает дверь. На пороге стоит Александр Иванович, а сзади вооружённый матрос.

— К нам гость, — успокаивает её Шура. И приглашает Репкина в комнату. — Фома не кусается, — по привычке шутит клоун.

— Если гость, то надобно чайку! — говорит хозяйка.

Старушка хозяйка заваривает морковный чай и,

перекрестившись, вносит в комнату на подносике чайник.

— Какое же у вас ко мне дело?—спрашивает Репкина Александр Иванович. Он пододвигает Репкину стакан в тяжёлом серебряном подстаканнике, на котором витиеватая надпись: «Артисту от благодарных зрителей».

— Понимаете, какое у меня предложение,— говорит Репкин, прихлёбывая чай.— Мы отправляем эшелоны на фронт. У бойцов винтовки. А главное, что должно у них быть,— революционное сознание.

— Безусловно,— подтверждает Александр Иванович.

— Так вот,— продолжает Репкин,— если будет на то ваше согласие и позволит ваше здоровье, мы хотели бы пригласить вас в агитбригаду.

— Я что-то не совсем вас понял,— сознаётся Александр Иванович.

— Постараюсь разъяснить. На помощь комиссарам Красной Армии мы мобилизуем артистов,— говорит Репкин.— Я сам смотрел в цирке, как вы, Александр Иванович, представляли Керенского и ещё, извиняюсь, всякую шваль. Замечательно представляли. Очень верно агитировали против врагов революции.

Репкин берёт в руки маленький голубой шарик. Он не знает, что этот шарик оставил на память клоуну Шуре Тимми. Репкин крутит этот шарик, как земной шар вокруг оси, и продолжает разъяснять:

— Со всех сторон на Советскую власть лезут враги: Антанта, белые армии и ещё всякая бандитская нечисть. Подумайте, Александр Иванович, очень прошу!

Репкин кладёт шарик на место, благодарит за чай.

После ухода Репкина клоун Шура долго сидит у стола. Уже совсем стемнело, но он не просит хозяйку зажечь лампу.

Утром Репкин положил на стол Анатолию Васильевичу свежие газеты.

— Спасибо! — Народный комиссар читал, пометая что-то карандашом.

— Анатолий Васильевич, я с вами поговорить хочу.

— Пожалуйста, пожалуйста,— сказал Луначарский и посмотрел на Репкина усталыми глазами.

— Мне, конечно, нежелательно вас огорчать...— Репкин стоял перед наркомом навтытяжку.— Я в полк зачислен, Анатолий Васильевич. Сами понимаете, какое на фронте положение.

Луначарский постукивал карандашом: «Так, так...»

— Я заместителя себе нашёл...

Репкин отворил дверь, и в комнату вошла девушка в гимназическом платье и в красном платочке.

— Вот... Таня...

Таня присела в реверансе, но, спохватившись, протянула Луначарскому руку:

— Здравствуйте!

— Вы умеете обращаться с пулемётом? — улыбаясь, спросил Анатолий Васильевич.

— Если это необходимо! — Щёки у Танечки становятся пунцовыми. Она не понимает, шутит народный комиссар или говорит серьёзно.

Выручает Репкин:

— Зря сомневаетесь, Анатолий Васильевич! Товарищ Танечка не то что я. Пишет грамотно, по-немецки, по-французски разговаривает.

— Вы какой класс окончили? — спрашивает Анатолий Васильевич.

И Танечка сознаётся, что в этом году перешла в восьмой.

Простились Репкин с Луначарским сердечно.

— Пишите, если будет возможность, и берегите себя! — попросил Луначарский.

Передав Танечке клеёнчатую тетрадь с записями заданий, Репкин побежал за вещами на квартиру к Гнединым.

Сборы у Репкина были недолгие: две пары белья, бритва, затрёпанный песенник. Гитару он подержал в руках и повесил опять на гвоздь. Может, дождётся его?..

Кроме Леночки, дома никого не было.

— Прощайте, барышня, — сказал Репкин. — Уезжаю на фронт. И дедушке скажите, что воевать поехал.

Репкин постоял на пороге гнединского кабинета. Задержав свой взгляд на чугунной печке, Репкин усмехнулся. Он вспомнил, как притащил печку и вывел железную трубу в форточку.

«Коптить город! Это варварство! — возмущался Гнедин. — Я позову дворника и сломаю это сооружение... Слышите, милостивый государь!» — горячился профессор.

Репкин продолжал стучать молотком.

«Вы на меня не сердчайте, Алексей Лаврентьевич! Сажу мы отмоем. А в такой стуже Бетховена играть нельзя!..»

— Да, жалко, что не простились! — вздохнул Репкин. — Я записочку оставляю Алексею Лаврентьевичу. Ну, барышня, мне пора!

— Репкин, а вас не убьют? — спросила Леночка.

— Не должно этого быть.

Репкин поцеловал Леночку и, сбежав с лестницы, уже во дворе оглянулся. Леночка стояла у окна.

— До свидания! До свидания! — кричала она.

Сняв бескозырку, Репкин помахал ей.

— Всего вам, барышня, хорошего. Дедушке кланяйтесь.

*

Через несколько дней Танечка доложила Анатолию Васильевичу:

— Вас дожидается уже давно один человек.

— Просите, просите, — сказал Луначарский.

— Только он... — Танечка замялась. — Он не один.

— Просите, — повторил Луначарский.

В комнату вошёл Александр Иванович. Он старательно вытер у порога свои глубокие боты и огляделся: куда бы повесить шубу?

— К сожалению, я не могу предложить вам раздеться: у нас холодновато, я сам кутаюсь. — И нарком поправил на плечах старенькое драповое пальто.

Александр Иванович, сконфузившись, сел в кресло и протянул Луначарскому свёрнутый трубочкой листок:

— Это моё прошение.

Луначарский начал читать, постукивая карандашом по столу.

Шуба на груди у Александра Ивановича приподнялась, и из-под полы высунулась лохматая собачья мордочка: «Где это мы? Кто это стучит?»

Анатолий Васильевич улыбнулся. Он даже протянул руку, чтобы погладить необычного посетителя, но Фома исчез. Его выдавало только ухо — белое с серым пятном.

— Извините, — сказал Александр Иванович. — Это мой партнёр.

Клоун Шура вытер лысину большим цветным платком и стал ждать, когда народный комиссар дочитает его прошение. Шура писал всю ночь, старался, чтобы прошение было убедительным и кратким.

— Вы знаете, что такое агитвагон? Вам будет трудно, Александр Иванович! — сказал Луначарский.

— Я решил не сразу. Не с бухты-баракты, — ответил ему твёрдо клоун Шура.

— Агитвагон — это работа почти во фронтовых условиях, — стал объяснять Луначарский, не скрывая, что добровольцев из актёрской братии мало.

— Поэтому я и прошу вас, — настаивал Александр Иванович. — И не сомневайтесь. Я знаю, что меня будут хорошо принимать. Я в цирке почти сорок лет. Я очень прошу!

И Луначарский понял, что он не сможет отказать этому просителю.

— Благодарю. И ты благодари, Фома!

Клоун Шура отвернул полу своей шубы, и Фома снова высунул свой блестящий нос.

— Желаю успеха, — сказал Анатолий Васильевич.

Он вызвал секретаря и попросил написать Александру Ивановичу бумагу, в которой было бы сказано, что он, артист республики, зачислен в команду агитвагона на правах бойца Красной Армии.

*

Мрачный Захаров выдал клоуну реквизит и даже запряг цирковую лошадь, чтобы довезти имущество до вокзала.

— И собаку берёшь? — спросил он.

— Беру, — ответил Александр Иванович.

— Один я должен страдать, — сказал Захаров.

Александр Иванович старался его утешить:

— Дорогой! У вас тяжёлое ранение, и здесь вы очень нужны.

— Ранение заживает, а кто из нас там нужнее, ещё неизвестно! — хмуро ответил Захаров.

РОЖОК И ГАРМОШКА

Стаял снег, отцвели одуванчики. В огороде за железнодорожной будкой в шершавых листьях лежали завязи тыкв.

Отоспавшись на печи, Тимошка грелся на солнышке, пил козье молоко и вырезал из свежей лозы дудки. Дудки тихо свистели, но заставить их петь Тимошка не мог. Отчаявшись, он с завистью поглядывал на медный рожок, с которым стрелочник уходил на дежурства. Вот бы поиграть...

— Какая это тебе музыка? Рожок, он строго для служебных сигналов! — сердился стрелочник и прятал рожок от Тимошки подальше.

Тимошка уходил за огород и там, лёжа в траве, подолгу смотрел на облака.

Облака плыли, громоздясь, как неприступные горы. Потом вдруг таяли в далёкой синеве, будто их совсем не было.

Тимошка пытался встать на руки. Руки дрожали. Тимошка валился на бок и плакал.

— Буду, буду кувыркаться. Не калекой же мне жить!

Передохнув, Тимошка начинал всё сначала.

— Алле! Крепче рука! Нога прямо!

Стрелочница смазывала ему ободранные коленки топлёным салом. Коленки заживали. Руки крепили, а тоска не проходила. Тимошка никак не мог привыкнуть к своей новой жизни.

Никто его не обижал. Его даже баловали.

— На-ка! — говорила стрелочница и совала ему то сушёную дулю, то печёное яйцо.

Нарушая тишину, мимо железнодорожной будки проходили поезда. В поездах ехали угрюмые, усталые немцы. Немцы везли хлеб, уголь, сало. Они везли это всё с Украины в свою Германию. Если бы они могли, они бы увезли всё, что было на украинской земле.

Когда поезд с немцами останавливался, солдаты выпрыгивали из вагонов и, оглядевшись, начинали деловито ловить неосторожных кур. Ощипав их, они жарили кур на костре, аккуратно приладив на рога-ликах железный шомпол.

Поезд уходил, стрелочник плевал ему вслед и шёл в овраг за своей козой.

Проходили и другие поезда. На крышах вагонов стояли пулемёты, а над паровозом развевался чёрный или трёхцветный флаг.

На открытых платформах таких поездов, подняв оглобли, стояли пролётки, а в них, развалясь, горла-нили песни пьяные вояки, одетые кто во что горазд: кто во френче, кто в полосатой тельняшке, кто в малиновых галифе. Из теплушек слышались брань, жен-ский визг.

Однажды, когда на станции стоял поезд с немца-ми, Тимошка услышал, что кто-то играет на гармошке. Подойдя поближе, Тимошка увидел немца. Распах-нув мундир, немец сидел на бревне и наигрывал песенку.

— Карашо? — спросил он.

— Играй ещё, — сказал Тимошка, когда немец за-молчал.

И чтобы немцу было понятно, Тимошка поднёс ру-ки к губам и занел, подражая гармошке.

— Гут! Гут! — улыбнулся немец и похлопал по бревну, на котором сидел.

Тимошка сел рядом. Немец посмотрел на его пыльные ноги и снова закивал головой, но уже другому.

— Са-по-ги? — спросил он.

— Нет сапог, — ответил Тимошка. — Я их не надел, тепло.

Немец был большой, и лицо у него было доброе. Он вынул из кармана фотграфическую карточку и, тыча в неё пальцем, стал повторять: «Шарлотта! Шарлотта!»

Слово «Шарлотта» Тимошке было знакомо. «Хорош, Шарлотта, виноград», — умел говорить попугай Ахилл.

На карточке, которую показывал немец, в кресле сидела белокурая женщина и держала на коленях ребёнка.

— Жена небось Шарлотта? — сказал Тимошка.

Глаза у немца стали грустными. Он спрятал карточку, застегнул мундир на все пуговицы и протянул Тимошке свою гармошку.

Тимошка подумал, что он даёт её поиграть.

— Не надо, зачем? Сам играй!

Но немец, положив гармошку на Тимошкину ладонь, по очереди загнул ему пальцы.

— Айн, цвай...— считал немец.

Тимошка ждал, что будет дальше.

— Дай. Я тебе её дай! — сказал немец и запел, как Тимошка, приложив руки к губам, будто держал гармошку.

Из вагонов стали кричать, и немец побежал, перепрыгивая через брёвна.

— Совсем отдал,— понял Тимошка.

Тимошка не рассказал стрелочнику про немца. Радуюсь гармошке, он выдумал, как он её нашёл.

— Иду, гляжу — валяется!

С этого дня стрелочник спокойно вешал рожок на гвоздик. А Тимошка не расставался со своим неожиданным подарком.

ГОСПОДА БЕЛЫЕ

Поезда с немцами проходили всё реже, зато белых поездов стало больше. Белые поезда шли один другому вдогонку. На стоянках из вагонов выскакивали злые солдаты и спешили к водокачке, чтобы напоить лошадей.

— Ну, быдло!

Лошадь испуганно косилась на поднятый кулак.

— Куда едете, служивые? — осторожно спрашивал стрелочник и угощал солдат самосадом.

Солдаты шутили мрачно. Сойдя с путей, ковыря-

ли сапогом ещё влажную землю и, вдохнув её тёплый запах, по-хозяйски досадовали:

— Пахать теперь поздно!

Из спальных вагонов выходило размять ноги командование. Степенные генералы гуляли по платформе, стараясь держаться подальше от подчинённых.

Ответственный за отправку офицер спешил на станцию и там, гремя оружием, требовал отправить поезд немедленно.

Когда такой поезд отходил, все вздыхали с облегчением: «Слава богу, проехали господа белые!»

Однажды белый поезд пришёл ночью.

Утром, когда он ушёл, все, кто жил у станции, побежали к водокачке. Там, рядом с кучей угля, у стены, лежал расстрелянный телеграфист, а на стене было нацарапано углем: «Смерть большевикам!»

Жена телеграфиста кричала в беспамятстве:

— Убили, убили... Алёшу моего убили...

Тимошка видел, как телеграфиста повернули лицом к небу и, прежде чем поднять с земли, закрыли ему голову платком, потому что голова у него была вся раздроблена.

Тимошка с тех пор боялся подходить к водокачке. Ему всё казалось, что он увидит расстрелянного, и бежал мимо водокачки опрометью, зажмурив глаза.

*

В селе, где у Криночек жила Фрося Тарасова, тоже ждали белых со дня на день.

— Теперь скоро! — радовался Криночка.

Если бы не деревянная нога, воевал бы Криночка заодно с белыми против красных. Недаром он получил Георгиевский крест за храбрость в бою, за царя, за отечество.

— Слыхали, что они, красные, придумали? —

рассказывал односельчанам Криночка. — Хлеб отбирают! А они его сеяли? Шкуру с них, проклятых, содрать бы заживо!

По ночам Криночки копали в огороде ямы, прятали зерно. Копали поглубже, чтобы не нашли красные, да и белым пусть на глаза не попадается.

На дорогах стало беспокойно, и храбрый Криночка давно не ездил в город, ничего не менял.

Тётка Параська потихоньку от него выкидывала тухлые яйца, скармливала поросятам прокисшую сметану.

— Пропадает добро, — вздыхала она.

Дни, как на грех, стояли уже жаркие. В огороде жухла огуречная ботва, капуста опускала вялые листья. В такую жару не натаскаешься в огород воды.

Уже под вечер, когда солнце, накалив за день землю, стало катиться за дальние бахчи, Фрося спустилась к реке. Разогнав ведром длинноногих водомёрок, она зачерпнула воды и стала подниматься по тропке.

Фрося осторожно несла ведро двумя руками, чтобы не расплескать. Параська то и дело ругалась:

— Опять, дурная, дорогу поливала? И в кого ты уродилась, такая нескладная?

Фрося поставила ведро между гряд.

Тётки Параси на огороде не было.

— Скорее! — закричал Фросе соседский парень, пробегая мимо плетня. — Айда! Скорее!

Мягкую тишину вечера вдруг нарушили выстрелы. Стреляли за оврагом, в степи. Потом выстрелы стали ближе, и по селу промчались всадники.

— Мундир-то наденешь? — спросила Параська мужа.

— Убери, убери! Дура! — гаркнул на неё Криночка.

Опередив белых, в село вошли красные.

„ДО КУМЫ!“

В степи пахнет полынью. Полынь растёт у самой дороги. По дороге растянулся обоз.

Ой, я еду до кумы!

До кумы!..—

поёт возница дед Опанас.

На телеге, свесив босые ноги, сидит девочка. Она плетёт из синей повилики жгутик. Это Фрося — она едет в обозе за красным войском. Уже далеко позади село, где стоит нарядная хата Криночек.

— Цоб-цобе! — покрикивает на вола дед Опанас.

Буланный вол шевелит ушами, но шагу не прибавляет. Рядом с телегой шагает матрос Репкин.

— Обоз? — говорит дед Опанас матросу. — Обоз есть основание армии. Оружие кто везёт? Мы. Провиант кто везёт? Мы.

— Вы, — соглашается матрос.

Расстегнув бушлат, Репкин вдыхает степные запахи.

— Хорошо, дочка? — спрашивает он.

— Хорошо! — отвечает Фрося. Она протягивает Репкину синий жгутик, и тот прилаживает его на бескозырку.

— Мерси большое!

Ой, я еду до кумы!

До кумы!..—

затягивает опять Опанас.

— Ехали бы прямо до Питера, — смеётся Фрося. — До какой кумы?

В тот вечер, когда в село вошли красные, Репкин появился в хате у Криночек.

— Ключи! Где ключи? — грозно спросил он у хозяина.

— Какие ключи? — Криночка непослушными пальцами расстегнул ворот, рванул нательный крест. — Нету у меня ключей. Обыскивай!

— И обыщем!

Искать долго не пришлось. Из-за печки вышла бледная девочка. В руках у неё был тяжёлый ключ от амбара.

— Змеюка! — кинулась к ней Параська. — Убью!..

— Дяденька! — сказала Фрося. — Дяденька, за ради бога! — Губы у неё тряслись. — Дяденька, я не здешняя! Я из Питера.

— Наша, питерская? — удивился Репкин. — Как же ты сюда попала?

А Фрося всё протягивала ему ключ, который Параська повесила ей на шею за пазуху.

— Дяденька, возьмите меня с собой!

Расспрашивать было некогда. Взяв Фросю за руку, Репкин сошёл с нею с крыльца.

Теперь у Репкина забота: как бы её переправить подальше от тех мест, где идёт война?

*

Когда Фрося рассказала Репкину, как она попала в село, и назвала свой питерский адрес, Репкин задумался.

— Там где-то шарманщики жили. Не слыхала?

— Это у нас,— сказала Фрося.— А вы про них откуда знаете?

И Репкину пришлось рассказать ей про Тимошку, как они встретились.

— Теперь небось в Америке. Всемирный артист! Покатил за границу! Пропадёт он там, паршивец, не за понюх табаку!

Фрося постеснялась спросить Репкина подробнее, куда покатил Тимошка. И почему он там пропадёт? А заступиться — заступилась:

— Сами говорите — не по своей воле поехал...

— Что правда, то правда,— согласился Репкин.

*

Репкин часто навещается в обоз — проведать свою питерскую.

— Ну как, дочка, дела?

Фрося не жалуется. Только спрашивает: «Далеко ли ещё до Питера?»

Вот и сегодня тоже спросила.

— Не знаю, дочка, как получится,— честно ответил Репкин.— Вот до станции доберёмся, там увидим.

— А до станции сколько?

— До станции недалече. Только бы гроза нас не застала.

В небе появилось облако. Потемнев, оно превратилось в тучу.

Обозники стали укрывать мешки на телегах.

Красный отряд выгреб хлеб из амбаров и ям не только у Криночек, но и у других богатеев. В ямах хлеб даже пророс. Ни себе, ни людям — гноили. Теперь обозники везли хлеб на станцию.

— Грозы не боишься? — спрашивает Репкин Фросю.

— Боюсь,— сознаётся она.— Только не очень.

Репкин устраивает на телеге шалашик, накрывает его брезентом. Заботливо поправляет в телеге сено.

— Сиди, дочка, здесь тебя никакой дождь не промочит! — И кричит сердито: — Поторапливайся! Шелась!

Обозники подтягивают подпруги, смазывают колёса дёгтем.

— До Выселок доберёмся, а там придётся заночевать,— ворчит Опанас.

Фросе видно из своего шалашика, как, придерживая на боку оружие, Репкин бежит по обочине и кого-то ругает:

— Заснул, чёрт мохнатый!

Тарахтя колёсами, спешит по дороге обоз, а чёрную тучу, которая закрыла всё небо, прочертила молния.

Обоз, не останавливаясь в Выселках, повернул к станции.

Вдалеке послышался паровозный гудок.

— Не отставай! Не отставай, товарищи! — слышит Фрося.

А по шалашику уже барабанит дождь.

БРОНЕПОЕЗД

Нет-нет да прорежет небо молния, прогремит гром.

— Ещё далеко гремит,— говорит стрелочник.

Он наклоняется над рельсом и, прикинув к нему, слушает: может, стучит за далёким поворотом поезд? Три дня не было ни одного.

Старик, как всегда на дежурстве, в полном своём вооружении: фонарь у него заправлен, за поясом флажки, за спиной медный рожок. Тридцать лет и в стужу и в жару он встречает поезда, которые подходят к их станции Хуторки. Раньше они ходили по расписанию. А теперь нет никакого порядка, перевернулся белый свет.

Гром стал греметь ближе, но дождь не пошёл. Туча прошла стороною, не уронив на землю ни одной капли.

А надо бы дождя!

Стрелочница растворила в сторожке окно. Вместе с прохладой в сторожку ворвался шум поезда. Без огней он промчался мимо, и было слышно, как, замедлив ход, он остановился на станции.

Вернулся стрелочник, и старики вместе с Тимошкой с опаской пошли к станции.

Будто литой, стоял у платформы невиданный поезд. На паровозе, закованном в броню, золотился на вечерней заре красный флаг, а из бойниц глядели тёмные дула орудий.

На платформе мерным шагом ходили часовые. Вот один из них повернулся. У Тимошки больно стукнуло сердце — Репкин! Не помня себя, Тимошка взле-

тел на платформу и с разбегу уткнулся в жёсткий бушлат.

— Ты чего, дорогой?

На Тимошку смотрел незнакомый матрос.

— Ты не Репкин?

Не понимая, как это он обозначился, Тимошка продолжал держать матроса за руку.

— Иди сюда! Иди сюда! — манила его издали стрелочница.

Подойдя поближе, она запричитала:

— Не в себе он, простите его, ваше благородие!

— Мать честная! — Матрос даже выругался. — Какой я благородие? Мы, мамаша, свои, питерские!

Матрос не похож на Репкина. Ростом повыше и лицом другой. У Репкина усов нет, а у этого усы. Он старше Репкина, даже седой.

— Не знаю я твоего Репкина, — сказал матрос. — Нас на Балтике не одна сотня, не одна тысяча. Твой Репкин с какого корабля?

— Не знаю... — растерялся Тимофеем. — Он во дворце работал.

Тимошка ещё надеялся: может, всё-таки здесь Репкин? Но среди матросов, которые прошли по платформе строем, Репкина не было.

Прежде чем поезд отошёл, на станции был митинг. На митинг пришли не только те, кто жил у станции, прибежали и деревенские.

Ораторы, взобравшись на крышу бронированного паровоза, говорили речи.

— Белые воюют за капитал! — громко произнёс оратор.

— А мы — за революцию! — закричал вдруг Тимошка.

— Тише ты! — зашикали на него.

А матрос, который говорил речь, его похвалил:

— Правильно, браток. Мы — за революцию! Предлагаю, товарищи, спеть «Интернационал»!

Взмахнув рукой, он запел первым.

Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов...—

подхватили моряки.

Сняв бескозырки, они стояли плечом к плечу в своих чёрных бушлатах, будто братья.

Деревенские подпевали морякам вразнобой.

Тимошка слов песни не знал, но мотив понял. Он пел «Интернационал» вместе со всеми!

Пусть незнакомый матрос не Репкин — Тимошка всё равно радовался. Какая неожиданная встреча!

„СУДЬБА ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ!“

Вслед за грозным бронепоездом один за другим проходили мимо станции Хуторки красные поезда.

Тимошку будто подменили. То, бывало, не выгонишь его из сторожки, а тут стал пропадать с утра до ночи.

— Может, тоже воевать собрался? — ворчала стрелочница.

Тимошка отмалчивался. Он уже пробовал пристроиться к красноармейцам, старался войти к ним в доверие, даже давал по старой памяти представления.

Судьба играет человеком!
Она изменит завсегда:

То ты в богатстве пребываешь,
То нет в кармане ни гроша...—

пел, приплясывая, Тимошка, подыгрывая себе на гармошке.

Довольные зрители хлопали в ладоши.

— Ну и парень! И кто тебя этому выучил? — спрашивали его.

Песни слушают, а с собой не берут!

— Мы на фронт! Там, брат, не кувыркаются.

Однажды, осмелев, Тимошка забрался в вагон и притаился. Может, не заметят? Но его заметили.

— Ты пойми, дурной! Кому ты там нужен? — убеждал Тимошку красноармеец, который его ссаживал.

А когда Тимошка хотел его разжалобить: «Я сирота!»—красноармеец так его шуганул, что Тимошка побежал, не оглядываясь.

— Подойдёшь ещё раз, уши оборву! — пригрозил ему вслед красноармеец.

«Не все сердитые — уеду»,— надеялся Тимошка.

— Сухарей-то в дорогу тебе сушить? — спрашивала стрелочница. Спрашивала будто шутя, а у самой беспокойно было на душе. Привыкла она к мальчишке.

— Балуешь ты его зря, ни к чему,— говорил ей стрелочник.— Вот увидишь, он у нас не задержится. Поправится, силёнок наберёт — и дёру! Надо понимать: жил парень в городе, циркач, что ему у нас?

Стрелочница не верила.

— Кто у тебя там в Питере? — спрашивала она Тимошку.— Какая родня?

— В цирке — клоун Александр Иванович, Репкин — матрос,— отвечал Тимошка.

— Ну вот и хорошо. Кончится война, мы тогда тебя проводим,— обещала стрелочница.

Про Фроську Тимофей молчал. Но именно о ней думал Тимошка, собираясь воевать. Вернётся он с войны, подойдёт к дому, где живут Тарасовы. Фроська увидит его первая. Побежит навстречу, обрадуется. Спросит:

«Откуда пришёл?»

А он снимет с плеча ружьё и стрельнёт вверх. Фроська не испугается, будет просить:

«Стрельни ещё разок!»

«Не полагается, — ответит Тимошка. — Патроны надо жалеть».

Во дворе соберутся соседи, из дома выйдут Василий Васильевич, Пелагея Егоровна. А он всем поклонится — и уйдёт.

Будет Фроська плакать или нет?

Будет. Тимошке хотелось, чтобы она о нём заплакала. Горько, навзрыд, как плакала жена над убитым телеграфистом.

Тоскуя, Тимошка прикладывает к губам гармошку.

— Поиграй, поиграй! — говорит стрелочник. — А то сидишь как сыч.

Смело мы в бой пойдём
За власть Советов! —

поёт Тимошка. Эту песню он тоже недавно выучил.

— Что ни песня, то про войну, — вздыхает стрелочница. — И когда она только кончится!

„ПРОЩАЙ, ПИТЕРСКАЯ!“

Ещё не светало.

Обоз подъехал к железнодорожному полотну.

Спрыгнув с телеги, Репкин отправился на станцию. Фрося спала и не слышала, как шла погрузка.

Красноармейцы таскали тяжёлые мешки с зерном, подбадривая друг друга:

— Давай, давай! На путях не спотыкайся!

— Ведь вот, товарищи, как нам повезло! — радовался Репкин. — На путях стоит наш! Питерский! И знакомого там встретил!

Разбудив Фросю, Репкин повёл её на платформу. Они остановились у единственного во всём поезде пассажирского вагона, на площадке которого стоял старичок в телогрееке и пёстрых штанах.

— Вот и мы, Александр Иванович, — сказал ему Репкин. — И вот мой пассажир.

— Я уже волнуюсь: ну-ка, тронемся... — Старичок протянул Фросе руку. — Здравствуй, маленькая!..

Фрося спросонок озябла. Прижимая к груди свой узелок, она смотрела на Репкина:

— А вы, дяденька?

— Я остаюсь, — сказал Репкин. Он присел перед Фросей на корточки. — Прощай, дочка.

На лбу у Репкина блестел пот, на щеке — дёготь. Он тоже таскал мешки.

— Передавай там привет, кланяйся! — Репкин потной рукой поправил Фросе косыночку.

— Дяденька... — Фрося хотела сказать «прощайте», но замолчала, чтобы не заплакать.

— Ничего, ничего, может, ещё свидимся! — сказал Репкин. Он поднял Фросю на руки и поставил её на площадку вагона.— Надеюсь на вас, Александр Иванович!

— Доставлю в полной сохранности. Вы себя берегите, а мы доедем,— отвечал Репкину старичок. Он ласково поглядел на Фросю. И вдруг взмахнул руками: — Ку-ка-ре-ку! Плакать-то зачем? Маленькая!

У Фроси по щекам дорожка от слёз.

Репкин стоял у вагона, держась за поручни. Они со старичком разговаривали, но Фрося не могла понять о чём. Только Репкин был весёлый и даже смеялся.

— Ну и молодчина вы, Александр Иванович! Не ожидал встретить.

— Когда же в Питер? — спросил его старичок.

— Вот этого сказать не могу!

Поезд тронулся. Репкин пошёл рядом с вагоном.

— Желаю здоровья, Александр Иванович! Прощай, питерская!

Поезд пошёл быстрее, и Репкин за ним уже не успевал. Старичок обнял Фросю, и они вместе махали Репкину.

Он стоял на платформе, сняв бескозырку.

Ночь Тимошка спал плохо. Просыпался, ворочался. Ему снился бронепоезд.

Распалённый от быстрого бега, бронепоезд остановился перед разобранным полотном и вдруг стал

ЭТО НЕ СОН

подниматься: выше, выше, потом полетел над землёй, как большая тяжёлая птица.

Тимошка летел на нём. Ему было не страшно. Он даже приговаривал: «Алле! Алле!» — и бронепоезд послушно обходил стороной облака, которые заслоняли ему путь.

*

На рассвете, проснувшись от петушиного крика, Тимошка с досадой понял, что никуда он не летит, а лежит на лавке под окном. Петух продолжал горланить, за окошком шёл мелкий, как через сито, дождик. Тесная сторожка в это утро показалась Тимошке ещё теснее.

«Чего мне здесь сидеть — сторожить козу?! Уйду на разъезд. Там, может, повезёт», — решил Тимошка.

— Вот и хорошо! — сказала стрелочница, увидев его одетого и обутого. — Не хотела я тебя в такую рань будить. А уж если встал, подсоби мне — сбегай за кипятком. Я постирать надумала.

Тимошка растерялся.

«Принесу в последний раз, пусть стирает», — подумал он и, подхватив вёдра, помчался на станцию.

Перепрыгнув через грязную лужу, Тимошка подбежал к будке, на которой было написано: «Кипяток».

Около крана с большим жестяным чайником стояла девочка.

— Ошпаришься, глупая! Отойди подальше! — закричал на девочку красноармеец и повернул кран, из которого вместе с паром вырывалась горячая вода.

Нацедив кипятку, девочка обернулась и подняла голову.

Тимошка обомлел: на него смотрела Фрося.

— Дай я понесу, — наконец выговорил Тимошка и взял из Фросиных рук чайник.

Длинь! Длинь! — стучалась о чайник крышка, привязанная за верёвочку.

— Ты... ты не расплескай, — сказала Фрося. Она плакала, не вытирая слёз.

Мимо них к кипяильнику бежали озабоченные, невыспавшиеся в теплушках пассажиры.

Кто-то их выругал:

— Встали тут, разинули рты!

А они смотрели друг на друга и ничего не слышали.

*

Питерский поезд стоял на первом пути. Вагон, в котором ехала Фрося, был необыкновенный: от крыши до колёс он был разрисован яркими красками. И чего только тут не нарисовано: пузатый буржуй, поп, серп и молот, солнце с лучами, похожими на закрученные пружины, расколотая корона, летящий вверх тормашками царь, рабочий, рвущий цепи, и земной шар, обвитый кулачком.

Вслед за Фросей Ти-

мошка поднялся по ступенькам. Внутри расписного вагона было сумрачно и тихо.

— Не бойся, ставь сюда,— сказала Фрося.

И Тимошка поставил чайник с кипятком на перевёрнутый вверх дном ящик.

— Это ты, Фрося? — раздался голос до того знакомый, что Тимошка зажмурился.

Занавеска рядом с ящиком колыхнулась. На лавке сидел Александр Иванович.

Тимошка даже отступил — так это было неожиданно. Боясь, что клоун Шура исчезнет, Тимошка стоял не шевелясь. Но Александр Иванович не исчез. Шаркая по полу, он нашёл свои глубокие ботинки.

— Тимми! Боже мой! — сказал он, поднимаясь.

Тимошка уже был не в силах всего этого перенести. Он встал на руки и пошёл колесом...

— Тимми! Тимми! — повторял Александр Иванович.

Клоун Шура! Вот он!.. В телогрейке с прожжённым рукавом, в шапке-ушанке стоит рядом. И Фроська — тоже наяву — машет на него руками, кричит:

— Перестань, с ума сошёл!.. Перестань кувираться! Слышишь?..

— Слышу! Слышу! — орёт Тимошка и опять встаёт вверх ногами.

*

Разве можно сразу рассказать, что с каждым произошло? Они сидят втроем вокруг ящика, который служит им столом.

— Потом, всё потом,— говорит клоун Шура.— А сейчас мы устроим чай.

Нет, это не сон. Тимошка обжигается, хлебнув из жестяной кружки.

— Ага! — смеётся Фроська.— Припёк язык!

— Я немного прихварываю, Тимми,— говорит Александр Иванович.

Он обвязывает шею давно не стиранным шарфом.

— Но это пройдёт, это должно обязательно пройти, а то как же работать номер? — Клоун Шура заваривает себе полоскание.— Сейчас полечимся.

— Какой номер? — не понимает Тимошка.

В хмуре небе из-за туч выбирается солнце. В вагоне тоже светлеет.

Тимошка разглядывает знакомые ему вещи: рыжий парик, пёстрый балахон, колпак с бубенчиками. Даже зеркало, большое овальное зеркало висит на стене против окна.

Тимошка видит, как в зеркале мелькает пустая железнодорожная платформа, потом семафор, насыпь, на насыпи будка, перед будкой стрелочница с жёлтым флажком в руке.

Тара-там-там! — подпрыгивает на ящике пустой чайник.

Поезд спешит, набирает вёрсты, а Тимошка не заметил, как он тронулся.

Тимошка замолкает, прильнув к окну.

— Ну, рассказывай, Тимми, рассказывай,—просит Александр Иванович.

— Вёдра-то я бросил,— говорит Тимошка.— Кто ей теперь принесёт воды?

А за окном уже поля с неубранными подсолнухами, хаты. Над хатами — лёгкие облака, которые плывут вперегонки с поездом.

АГИТВАГОН

На большой станции перед пёстрым вагоном — толпа народу. Поближе не протиснешься. На раздвинутых дверях занавес. Но вот занавес раскрывается.

— Товарищи! — говорит пожилая женщина в очках. На ней кожаная куртка, а на голове красноармейский шлем. — Товарищи красноармейцы!

— Мамаша, винтовочку где обронили? — выкрикивает кто-то в задних рядах.

Женщина поднимает руку и начинает речь. Женщина говорит горячо, убеждённо. Её слушают со вниманием. После неё выступает чтец. Громко читает он непонятные стихи.

— Чего это он? — спрашивает один боец другого.

— Потом разберёмся! Слухай!

Но вот на сцене появился клоун.

— Граждане публика! — Клоун делает антраша. Громкий хохот не даёт ему говорить. — Граждане!

Клоун Шура творит чудеса.

На сцене — пузатый мировой капитал. Ему не страшно, что вокруг столько штыков: что, мол, мне Красная Армия? Она меня штыком не проткнёт. И вдруг у всех на глазах мировой капитал съёживается, исчезает его толстое брюхо.

— Лопнул, лопнул!!! — вопит публика.

Вместо капитала на сцене генерал: мундир английский, погон российский... Генерал скачет на коне. Непокойный у него конь. Бравый генерал едва удерживается в седле. И вдруг...

— Полундра! Бей его!

Нет ни коня, ни генерала.

Зрители опять видят весёлого клоуна.

— Даёшь, Рыжий! Даёшь!.. Здорово!

— Граждане публика... Прошу внимания! — говорит клоун.

Глухо гудит барабан.

Это Фрося. Что есть силы ударяет она по натянутой коже: бум, бум!

Рядом с клоуном появляется худой чернявый мальчишка. Звучит всем знакомый мотив: «Эх, яблочко, да куда катишься?!» Весёлый клоун играет на гармошке, а мальчишка пускается в пляс.

— Жарь! Жарь! — кричат зрители, притопывая ногами и хлопая в ладоши.

— Граждане! — говорит клоун, когда пляска окончена.— Товарищи!..

Уже никто не смеётся.

Старый клоун держит за руки мальчика и девочку:

— Товарищи! Вы едете на фронт воевать за рабоче-крестьянскую власть. Сейчас дети споют вам боевую песню.

Клоун растягивает маленькую гармошку.

Смело мы в бой пойдём
За власть Советов! —

запевают мальчик и девочка.

И, как один, умрём
В борьбе за это! —

подхватывают красноармейцы.

Бойцы сняли шапки. А к агитвагону проталкивается оратор.

— Для чего нам дано оружие? — спрашивает он, потрясая винтовкой. Шинель на нём покорибилась, на ногах стоптанные сапоги. Видно, повоевал сол-

дат.— Для чего? — спрашивает он уже грозно, взобравшись на сцену.

— Чего-оо-оо! — прокатывается по толпе.

— Для того, чтобы громить тех, кто хочет нас распять, задушить. Не выйдет! — Оратор переходит на крик.— Не выйдет!.. Не сядут нам опять на шею генералы-бароны!..

Уже стемнело. А ораторы, сменяя друг друга, всё ещё произносят пламенные речи.

— К коням! К коням! — раздаётся в темноте.

Бойцы пропускают к вагону командира. Придерживая шашку, он легко взбирается на помост.

— Где Швычко? — спрашивает командир.

— Швычко! Швычко! — перекликаются бойцы.

— Конь его не чищен! — повышает голос командир.

Командир ждёт ответа.

— Он до хаты побежал,— откликается чей-то робкий голос.

— До хаты? Ну, я ему!..

И все понимают, что будет Швычке, если он явится.

— Позор! — гремит командир.— Позор для всей нашей рабоче-крестьянской армии.

— Ну и всыплет он ему! — говорит Тимошка.— Коня надо чистить, а потом поить.

— Ты-то почём знаешь? — спрашивает Фрося.

— Знаю...

*

Чем ближе поезд к Питеру, тем больше и больше озабочен Тимошка. Фрося, та радуется:

— Скоро дома буду.

«А что там дома? Может, нет никого и окна заколочены...» — думает Тимошка.

Уже какой вечер они говорят, а ещё не всё переговорено. Когда Фрося рассказала про Репкина, Тимошка переспросил:

— Так и сказал про меня — всемирный артист?

— Так и сказал, — подтвердила Фрося. И тут же утешила: — Он жалел тебя, не ругал.

Наговорившись, Фрося и Тимошка засыпают.

— Тише, пожалуйста, — предупреждает Александр Иванович кондуктора, который входит в вагон.

— Как вы тут, Александр Иванович? — спрашивает кондуктор шёпотом, присаживаясь на лавку. — Сегодня радостные новости! — Кондуктор развёртывает газету и читает по складам: — «Владимир Ильич Ленин приступил к своим обязанностям...» — Сдвинув на лоб очки, он потрясает газетой: — Покушались на жизнь Ленина!

— А не рано ли он начал работать? Ранение было тяжёлое, — говорит клоун Шура.

— Может, и рано, — соглашается кондуктор. — Но когда Ленин на посту, нам легче.

*

В Петрограде агитвагон встречали комендант цирка Захаров и секретарь Луначарского — Танечка.

— Мы с Александром Ивановичем можем дойти пешие, а вот как с имуществом быть? — волновался Захаров. — Имущество казённое!

— Что-нибудь придумаем, — отвечает Танечка. — Мне важно встретить Александра Ивановича. Анатолий Васильевич очень просил встретить. Вы знаете, что писали в газетах об Александре Ивановиче?

Поезд остановился на товарной, и Александр Иванович появился на платформе неожиданно.

Захаров, приготовивший приветственную речь, увидев Тимошку, онемел.

— Вот вам артист Тимми! — сказал торжественно клоун Шура. — А это Фрося! — Он пожал Захарову руку, поклонился Танечке.

РОДНОЙ ДОМ

Фрося и Тимофей пришли на Нарвскую.

Тимошка распахнул калитку. Окна в доме Тарасовых были чисто вымыты, и одно окно даже раскрыто.

— Я сама постучу, я сама... — сказала Фрося и смело взошла на крыльцо.

— Тебе кого? — спросила Фросю худенькая незнакомая женщина. В руках она держала веник.

— Товарищ, — сказала Фрося, — сегодня прибыл наш агитвагон, и я...

Женщина смотрела не на неё, а на Тимошку. Она сразу его узнала. Это был тот самый мальчишка, который помогал ей в санитарном поезде и которого она уже никогда не ожидала встретить живым.

«Тимошку вашего убило!» — крикнул кто-то, когда санитарный поезд отошёл от станции.

Вслед поезду продолжали стрелять. Машинист, рискуя на стрелках, спешил вырваться на свободный путь, чтобы спасти раненых. И Тимошка остался на рельсах.

— Откуда ты? — прошептала Лидочка, не веря Тимошкиному воскресению.

— С кем это ты, Лида?

На крыльцо вышел Гриша — худой, поседевший. Опираясь на костыли, он не мог протянуть Фросе руки. А она видела только его глаза, в которых стояли слёзы.

— А папаня? Папаня где? — спрашивала Фрося.

У Гриши тряслась голова, и он никак не мог выговорить: «Здравствуй!»

Войдя в дом, Лидочка стала хозяйничать.

— Ну что же это такое!

Лидочка никак не могла попасть иголкой в крошечное отверстие, чтобы прочистить примус.

— Дай-ка я! — сказал Тимошка.

Он помог Лидочке поставить на стол щербатые чашки и, развязав узелок, вынул два солдатских пайка: свой и Фросин.

За столом говорила только Лидочка:

— Когда мы с Гришей вернулись, пыли было вот столько... Невозможно было войти.

Тимошка оглядывался: везде чисто.

Та же печка, за которой сидел попугай Ахилл. Стол, по которому гуляла тряпичная барыня Юлия...

Тимошка посмотрел в окно.

— А где же сарай?

— Сожгли, — сказала Лидочка. — Разобрали на дрова. Погоди! — Лидочка подошла к комоду, выдвинула ящик и подала Тимошке бубен. — Твой? Бери!

Это был старый бубен, с которым Тимошка, когда ещё был жив дед, ходил по дворам и пел песни.

— Бери! — повторила Лидочка.

Она не сказала: «Бери и уходи», но Тимошка понял, что Лидочка не попросит его остаться в доме, где по-прежнему на счету каждый кусок.

И Гриша, отвернувшись, молчит.

— Я пойду, — сказал Тимошка, когда Лидочка собрала со стола чашки с остывшим чаем. — Пойду навещу Александра Ивановича.

Фрося тоже встала. Она вышла с Тимошкой на крыльцо.

— Гриша-то женился, — сказала Фрося.

Тимошка молчал.

— Гриша-то, видал, без ноги? — продолжала Фрося, кутаясь в платок. На крыльце было ветрено. —

А папая не вернулся, воюет ещё.— Фрося вздохнула и стала заплетать на платке бахромку.

Тимошке было её жалко. Теперь в доме Тарасовых, где по-прежнему чисто и вымыто, Фрося уже не будет самая любимая. И Тимошка ей пообещал:

— Я приду!

Он спрыгнул с крыльца. Фрося проводила его до калитки и вернулась в родной дом.

*

Через несколько дней Лидочка ушла на дежурство в госпиталь. Гриши тоже не было дома. Фрося сидела у окна, чинила своё старое платье.

В дверь постучала соседка:

— Одна сидишь?

Подперев рукой щёку, соседка остановилась у порога.

— Сирота ты теперь,— запричитала она, оглядываясь.— Как теперь будешь жить?

— Ничего, прокормимся,— ответила Фрося и замолчала.

— Гришкина жена, будет она тебя жалеть, как же!..— Соседка села на табурет и сморкнулась в фартук.— Пелагея Егоровна, покойница, встала бы, поглядела!..

— Что она вам сделала? — спросила Фрося.

— Кто?

— Гришкина жена хорошая! Вы не смее! — кричала Фрося.— Она его выносила, раненного!

— Скажи пожалуйста, да мне на вас всех тьфу!..— Плюнув, соседка хлопнула дверью и уже на крыльце высказала свою досаду: — Все вы, Тарасовы, настоящие, гордые, креста на вас нету. Большевики проклятые!

СТАРОЕ СЕРДЦЕ

— Где же ты пропадал? — выговаривала сухонькая старушка, открывая дверь. — Плох, очень плох наш Александр Иванович.

Александр Иванович лежал на высоких подушках. Увидав Тимошу, он молча кивнул.

Тимоша подошёл к постели. Александр Иванович был бледен, глаза у него запали.

— Ты не уходи, — прошептал он, с трудом переводя дыхание.

Закрыв глаза, клоун Шура нащупал своей холодной рукой Тимошкину руку и не отпускал её до тех пор, пока нестерпимая боль продолжала сжимать его сердце.

Но вот он вздохнул глубоко, всей грудью, и, не открывая глаз, произнёс внятно:

— Алле! Теперь можно опять на манеж! — И даже попытался улыбнуться.

Тимошка уткнулся лицом в его тяжёлую влажную ладонь.

— Что ты, Тимми? Тимми! — утешал его слабым голосом клоун Шура.

*

Клоун Шура хворал долго. Тимошка помогал его выхаживать.

— Что бы я без тебя делала? — говорила Аграфена Васильевна, хозяйка квартиры.

Тимошка приносил воду, стоял в очередях за хлебом. А когда рядом ломали дом, даже приволок бревно.

— Еле-еле дотащил. Теперь надолго с топкой,— сказал он, отряхиваясь от трухи.— Сухое бревно, дом старый.

— Тащи ты его на кухню, пожалуйста,— попросил Александр Иванович.

— Замечательное бревно! — похвалила Тимошку хозяйка.

И они стали его пилить. Пила их не слушалась. Тимошка дёргал пилу к себе, а старушка выпускала её из рук.

Пришлось позвать дворника, и он расколол бревно на мелкие чурки один.

*

Вечерами Тимошка топил печку, и, если Александру Ивановичу становилось полегче, Тимошка играл ему на гармошке или слушал его рассказы — разные случаи из его долгой жизни.

— Тимми! Я тебе не надоел? — спрашивал его Шура.

Тимошка обижался. Зачем спрашивает?

Навещать Александра Ивановича приходил из цирка Захаров.

Он являлся непременно с гостинцем. То пшена принесёт, то картошки мороженой. Один раз притащил жёлтого тощего петуха.

— Можно сварить куриный бульон,— сказал Захаров.— Бульон для Александра Ивановича — самая лучшая пища!

Аграфена Васильевна по этому случаю надела нарядный фартук и, опустив петуха в кастрюлю, поставила варить. Петух варился очень долго. Аграфена Васильевна даже заплакала.

— Разве это бульон? Вода и вода.

Только месяца через два Александр Иванович стал поправляться. Комендант Захаров надеялся, что скоро клоун Шура появится в цирке.

— Без вас программа не та. Кричат: «Рыжего!» А Рыжего нет.

Но доктор, который лечил Шуру, отвечал с сомнением: «Не знаю. Подождём. Увидим!»

— Ты начнёшь работать, а я? Возьми меня в номер,— просил Тимошка.— Фомы теперь у тебя нет. (На стене рядом с фотографией лохматого артиста висел его серебряный ошейник.) Ты не думай: я чего хочешь буду исполнять,— обещал Тимошка. Встав в позу, он объявил: — Клоун Шура и Тимофей. Здорова получится! Возьми!..

— Я написал письмо, Тимми. Оно очень важное,— сказал Александр Иванович.— Будь другом, сходи на почтамт и отправь. Только не оброни дорогой.

Тимошка выполнил поручение. Он опустил на почтамте письмо в ящик, на котором было написано: «Заказная корреспонденция».

В письме на имя Анатолия Васильевича Луначарского клоун Шура писал о Тимошке:

«Уважаемый Анатолий Васильевич! Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой. Я прошу помочь определить в учение способного к музыке мальчика. Он работал в цирке с акробатом Польди, который уехал за границу. Сейчас Тимоша — так зовут моего подопечного — живёт у меня. А я хвораю. Мало ли что может случиться? Надежда на старое сердце — неверная».

Ответ не заставил себя ждать.

Раскрасневшаяся на первом морозе Танечка вынула из муфты письмо и вручила его Александру Ивановичу:

— Из Москвы, от Анатолия Васильевича!

«Уважаемый Александр Иванович! Получил ваше письмо и спешу ответить,— писал Луначарский.— Ваша просьба очень кстати. Представьте себе, я уже знаю об этом мальчике. Мне рассказывал о нём товарищ Репкин (он сейчас на фронте). Непременно окажу всяческое содействие и похлопочу. Всегда счастлив, когда встречаешь талант... Сегодня же напишу письмо в консерваторию...»

— Скажите,— спросил Танечку Александр Иванович,— вот Анатолий Васильевич пишет, что с подобной же просьбой к нему обращался Репкин. Есть от него, от Репкина, какие-либо известия?

— Давно уже ничего нет,— ответила Танечка.

— Я положительно в него влюблён, в этого Репкина,— признался Александр Иванович.— А надо вам сказать, когда мы первый раз с ним встретились, мы друг другу не понравились.

— Не верю, не верю! — запротестовала Танечка.— Если бы вы только слыхали, что рассказывал про вас Репкин Анатолию Васильевичу!..

За дверью слышались шаги, и, запорошённые снежком, появились Фрося с Тимошкой. Увидев Танечку, Фрося застеснялась.

— Здесь все свои,— сказал ласково Александр Иванович.— Входи, здоровайся.

Фрося переступила порог с поклоном. В руках у неё был узелочек с чистыми рубашками. Сама стирала и гладила.

— Лидочка с Гришей вам тоже кланяются,— сказала она и покосилась на Танечкину муфту.

Вот диковина! Муфта беленькая, а на ней нашиты чёрные хвостики.

— Это горностай,— сказала Танечка, уловив Фросин взгляд. И пояснила: — Горностай — зверёк очень маленький, водится в Восточной Сибири.

— Хвост-то у него один? — Фрося уже не скрывала улыбки и по-озорному, как бывало прежде, звонко рассмеялась.

— У царя шуба из этого зверя — я на картине видел,— подхватил Тимошка.

— Не шуба, а мантия,— поправила его Танечка.

— Всё одно — царский мех,— не унимался Тимофей.

Александр Иванович, желая прекратить спор, хлопнул в ладоши и, подняв над головой конверт, произнёс:

— Что в этом конверте? Кто угадает?

Фрося с Тимошкой переглянулись.

— В этом конверте... в этом конверте — тайна,— сказал клоун Шура.

У Фроськи заблестели глаза.

— Сначала мы попьём чаю, а потом...

— Может, сперва про тайну? — попросил Тимошка.

— Нет,— сказал Шура.— Какая же это тайна, если её можно открыть сразу?

„НЕ МОЖЕТ ЭТОГО БЫТЬ!“

квартиру Гнединых постучались: звонок не работал.

Леночки и Евдокии Фроловны дома не было. Алексей Лаврентьевич пошёл открывать сам.

Перед ним стоял незнакомый матрос.

— Вы будете Гнедин Алексей Лаврентьевич? — спросил он.

— Я самый,— ответил Гнедин.— Чем могу служить?

— Я с фронта,— сказал матрос.— Репкин просил зайти.— Он протянул Гнедину самодельный конверт-уголок, на котором чернильным карандашом был написан гнединский адрес.

Гнедин попросил вошедшего сесть, но матрос продолжал стоять.

— Как он там? — спросил Гнедин. Ему было приятно, что Репкин прислал весть с фронта. И он ждал, когда матрос передаст ему письмо.

— Он просил...— матрос откашлялся,— просил передать, что премного был благодарен за ваше к нему сердечное отношение и ещё...— Матрос замолчал и молча снял бескозырку.

Гнедин понял, что нет больше на свете славного Репкина.

— Где погиб? — спросил он, прервав молчание.

— На Дону. Был ранен смертельно... Разрешите идти?

И тут Гнедин увидел, что у матроса заколот булавкой правый пустой рукав и держит он бескозырку в левой руке.

Гнедин предложил матросу остаться, отдохнуть, но тот поблагодарил и ушёл.

*

Вечером в кабинете Гнедина топилась чугунная печка. За дверцей трещали полешки. Подперев щеку, на низенькой скамеечке сидела Леночка. Рядом, в кресле, будто дремал Гнедин...

Репкин в их доме жил недолго. Вселился по ордеру.

— Матроса вселили к профессору! — возмущались соседи.— Большевики ни с кем не считаются...

Гнедин открыл глаза. На стене висела гитара...

Как-то, придя домой, Гнедин услышал, что Репкин, перебирая гитарные струны, напевает мотив «Марсельезы».

Голос у Репкина был мягкий и приятный.

— Недурственно, недурственно! — похвалил Гнедин.

Увидав профессора, Репкин стал оправдываться:

— Не знал, что вы дома, Алексей Лаврентьевич. А у нас сегодня про «Марсельезу» с народным комиссаром разговор был.

— Да что вы извиняетесь! — рассердился Гнедин. — Пойте, пожалуйста.

В этот вечер Репкин спел Гнедину весь свой репертуар. Алексею Лаврентьевичу особенно понравилась «Лучинушка». В ней слышалась сердечная тоска по далёкой родной деревушке, засыпанной снегом.

— Я всё на морях да океанах, а в деревню свою, к мамаше, так и не выбрался!

Репкин ударил по струнам и хотел спеть Гнедину песню, услышанную на острове Таити, но Алексей Лаврентьевич попросил повторить «Лучинушку».

*

Бока у «буржуйки» стали багровыми.

— Дед! — сказала Леночка, протянув руки к жаркому пламени. — Ты знаешь, кого я сегодня встретила? Помнишь мальчика — акробата в цирке, который убежал от Репкина? Не веришь? Честное слово!

— Где же ты его встретила? — Алексей Лаврентьевич заставил внуку рассказать о встрече подробнее.

— Шёл с каким-то старичком, — рассказывала Леночка. — У старичка на пальто вот такие пугови-

цы...— И Леночка показала руками, какие пуговицы были у старичка на пальто.— Ты подумай, а Репкин его искал... Говорил, что его увезли за границу. А он расхаживает себе как ни в чём не бывало!

*

Спустя несколько дней Евдокия Фроловна поджидала вечером барина. Уже стемнело, а Алексея Лаврентьевича всё не было.

— Долго ли до греха,— ворчала преданная Дуняша.— Намедни, говорят, на Невском господина ограбили. Часы отняли, кошелёк, шубу сняли и напугали до смерти...

Услыхав на лестнице шаги, Дуняша поспешила открыть.

На пороге стоял старичок в пальто с большими пуговицами.

— Нету никого! — сказала Дуняша и накинула на дверь цепочку.

— Мне только письмо передать. Я беспокоить не буду,— объяснял старичок.— Да вы не бойтесь, я артист. А письмо от Луначарского Анатолия Васильевича.

После долгих переговоров Дуняша, наконец, впустила клоуна Шуру в прихожую.

— Вы уж не обижайтесь, батюшка. Теперь и порядочного человека сочтёшь за жулика.

Пока Александр Иванович, отогреваясь, сидел на кухне и ждал Гнедина, Дуняша рассказывала ему про трудное житьё в профессорском доме.

— Алексею Лаврентьевичу разве до хозяйства? — жаловалась она.— Всё мне приходится. Это раньше, когда у нас матрос жил, нам куда легче было. Он и ко мне, и к барину такой был уважительный. Бывало, и дров наколет, и пайком поделится. Большевики-то,

они тоже крещёные, а мы с Репкиным из одной волости были. Он ещё молодой был, ему бы жить и жить, а нá вот — убили!

Причитая и утирая слёзы, Дуняша продолжала жалеть убитого Репкина.

Александр Иванович с трудом поднялся и сказал, что пойдёт домой, а Алексею Лаврентьевичу оставит письмо.

— Посидели бы ещё. Может, теперь скоро барин воротится,— просила Дуняша.

Но Александр Иванович, преодолевая боль в сердце, пошёл к себе на Васильевский остров.

*

Взойдя на крыльцо, Александр Иванович долго искал колокольчик.

Наконец позвонил.

— Пришёл! Пришёл! — обрадовался Тимоша. — Что ты долго ходил? Озяб? — И Тимоша стал помогать Шуре снимать ботинки. — Что с тобою, Шура? — спросил Тимоша, поглядев в глаза Александру Ивановичу. — Тебя там обидели?

— Откуда ты взял? Кто меня может обидеть? С какой стати! — отвечал Александр Иванович.

— Ты скажи, если кто обидел, я никого не боюсь!

— Заступишься? — спросил Александр Иванович.

— А как же? Кто же за тебя заступится?

Перед клоуном Шурой стоял теперь не запуганный маленький циркач, который тайком от Польди прибежал к нему в гримёрную. Тимоша и впрямь за него заступится.

Как же можно от него что-нибудь скрыть? И Александр Иванович рассказал ему правду.

Ветер гудел в холодной трубе. Комнату выстудило, а они, забыв растопить «буржуйку», весь вечер говорили про Репкина. Вспоминали, каким он был.

— Я под Новый год к нему из цирка во дворец бежал. Только его там уже не было,— рассказывал Тимоша.— Простил бы он меня, как ты думаешь?

— Он за тебя очень тревожился,— ответил Александр Иванович.

— Тревожился?

Тимошка представил себе Репкина, как они идут с ним по набережной: Репкин впереди, а он, Тимошка, перепрыгивая через ледяные лужи, старается от него не отстать. Тимошка робеет. Кто знает, куда его ведёт матрос? Может, шмыгнуть в подворотню? А матрос идёт себе вперевалочку да поторапливает:

«Шагу! Шагу, Тимофей! Ать-два! Лево! — И, обернувшись, говорит: — Теперь, воробей, скоро дойдём, не сдавайся».

Тимошке от доброй шутки становится теплее. Он уже бесстрашно топает по широкой дворцовой лестнице рядом с Репкиным. Ать-два! Ать-два!

— Тимми! — окликает его в темноте Александр Иванович.

Очнувшись, Тимоша поднимает голову. Нашупав под рукой коробку со спичками, он зажигает коптилку. Огонёк коптилки чадит, мигает. Тимоша подправляет его проволочкой. Огонёк начинает трещать, гаснуть. Потом, набрав силы, горит крохотным, но ровным пламенем.

— Не может этого быть, чтобы убили Репкина! Не может этого быть! — повторяет Тимошка.

А ветер гудит: «Убили... Убили...»

„МАРСЕЛЬЕЗА“

В тот день, когда Гнедин просил Александра Ивановича с Тимошей пожаловать к нему, все волновались.

Накануне Фрося чистила и штопала Тимошкину курточку. Давно уже истрепался костюм, который купил Тимошке акробат Польди, чтобы ехать в Европу. Да и подрост Тимошка. Куртка ему мала.

— Повернись,— просит его Александр Иванович. Тимошка поворачивается вправо, влево.

— Может, вверх ногами встать? — говорит он.

— Замолчи! — сердится Фроська. — Ещё надо маленько отпустить,— и снова принимается за работу.

«Вот завтра,— думает Фрося,— решат: годится Тимошка в музыку или нет. Может, выпадет ему счастье?»

Фросе хочется, чтобы в такой день Тимошка был принаряженный.

— Шов-то видать,— досадует она. — Разгладить бы, да утюг развести — угля нет.

Фрося распыливает куртку на руках и ещё раз её оглядывает.

— Хорошо, хорошо, Фросенька! — успокаивает её Александр Иванович. — Уверяю тебя, вполне прилично.

Фрося всё же решает переставить пуговицы...

— Немного пошире будет, как по-вашему?

— Может быть,— соглашается Александр Иванович. Его самого беспокоит совсем другое. — Профессор решил послушать тебя сам, прежде чем опреде-

лить в училище,— говорит он Тимошке.— Я всё думаю: что ты споёшь?

Тимошка усмехается:

— «Маруся отравилась» могу спеть—она жалостливая. Жила — и нету.

Тимошке неохота идти к профессору:

— Буржуй! Чему он выучит?

Тимошка не верит, что Гнедину доверял матрос Репкин. На квартире жил. Что ж такого? Жил и жил.

— Профессор небось боялся, что рояль отберут, вот и пустил жить большевика.

— Что ты городишь? Что ты городишь?! — Александр Иванович берётся за голову.— Пойми! В какое положение ты меня ставишь? Алексей Лаврентьевич — уважаемый человек, замечательный музыкант. Профессор! А ты? Невежа!.. Мальчишка!

— Ладно, пойдём! — соглашается Тимошка.

— Все вместе пойдём,— говорит Фрося.— Тоже погляжу, где матрос жил.

*

День наступил морозный, солнечный. Деревья стояли будто в снежном кружеве.

Александр Иванович с Фросей и Тимошкой шли по дорожке Летнего сада.

— Будет тебя профессор о чём-либо спрашивать, отвечай ему вежливо,— наставлял Тимошку Александр Иванович.— Не оконфузь меня, старика.

Александр Иванович волнуется и тяжело дышит.

— Вы бы потише шли да на ветру не говорили,— советует Фрося и заботливо поправляет ему шарф.— А то опять захвораете.

— Спасибо, Фросенька,— благодарит её Александр Иванович и вдруг спохватывается: — Тимми! А ты не забыл носовой платок?

— Вот он,— отвечает Тимошка. Никогда в жизни у него не было носового платка, а вот лежит в кармане, батистовый.

— Ты не сомни его,— говорит Фрося.— Он глаженный.

Фрося глядит на Тимошку и не может понять: притих Тимошка, чтобы не огорчать Александра Ивановича, или ему боязно — ну-ка, не примет его профессор в музыку?

*

Они переходят площадь и подходят к дому.

За оградой перед домом клёны. Их тёмные стволы горят на солнце бронзой, а ветви опущены инеем.

Тимошка лепит тугой снежок. Бац! И снежок разбивается о чугунную ограду снежной пылью.

— Не озоруй! — останавливает Тимошку Фрося.

Тимошка не озорует. Он хочет с собой совладать. Он узнал площадь, которую они перешли. Узнаёт дом. Вот здесь, за этой оградой, Тимошка в первый раз повстречал Репкина.

Тимошка плясал и пел под шарманку.

«Зовут-то тебя как?» — спросил его тогда Репкин и угостил голодного попугая Ахилла чёрным сахаром пополам с табаком.

*

— Жду, жду! — встретил их профессор Гнедин.

Он пригласил Александра Ивановича с Тимошкой в свой кабинет, а Фросей завладела его внучка Лёночка.

Лёночка с любопытством разглядывает незнакомую девочку в полосатых чулках, в полусапожках на пуговичках. В волосах у девочки круглая гребёнка, и волосы над гребёнкой торчат веером.

— Ты всегда так причёсываешься? — спрашивает Леночка.

— Отрезала косу. Мыть было тяжело — мыла-то нет,— отвечает Фрося.

— Хочешь, пойдём в детскую? — предлагает сбитая с толку Леночка.— Поиграем!

— А где койка матроса? — спрашивает Фрося. Леночка понимает не сразу — какая койка?

— Матрос где у вас спал?

Фрося оглядывает комнату.

— Вот здесь, в гостиной,— отвечает Леночка.

И они садятся рядышком на диван, на котором спал Репкин. Леночка смотрит на Фросины руки. Руки у Фроси красные, в трещинках.

— Надо руки мазать глицерином,— говорит Леночка и удивляется: — Ты сама стираешь?

Фросе чудно: ну чего плетёт!

А за дверью кабинета слышны голоса. «Как бы Тимошка не сказал чего обидного профессору»,— волнуется Фрося.

Леночка продолжает болтать. Оказывается, она тоже знает Тимошку.

— Мы были в цирке на ёлке, я его сразу узнала. А раньше он приходил к нам во двор с шарманкой. У него был попугай какаду.

— Был,— говорит Фрося тихо и смотрит на тяжёлую дверь, за которой решается Тимошкина судьба.

— Тимми — твой брат? — спрашивает Леночка. Ей хочется, чтобы Фрося сказала «да».

— Нет,— отвечает Фрося,— не брат.

Леночка теребит на платье оборочку: как трудно разговаривать с этой девочкой!

— Хочешь поглядеть? — Леночка спрыгивает с дивана и, подбежав к двери, заглядывает в замочную скважину.— Ничего не вижу,— говорит она шёпотом.

Разговор за дверью стих. Потом стукнула крышка рояля, и голос, похожий на Тимошкин, стал робко повторять незнакомые Фросе звуки.

— Батюшки, что это он? — удивилась Фрося.

— Это сольфеджио, — засмеялась Леночка. — Я не люблю сольфеджио! — И Леночка, будто передразнивая Тимошу, запела: — До-фа-ре! До-фа! Хочешь поглядеть?

— Сама гляди, — ответила Фрося.

Она всё ждала, что дверь распахнётся и седой профессор вышвырнет Тимошку за порог.

И вдруг Тимошка запел.

— «Марсельеза»! «Марсельеза»! — захлопала в ладоши Леночка и даже запрыгала. — Я тоже знаю «Марсельезу», только по-французски.

Фрося её не слушала. Не помня себя от радости, она оттолкнула Леночку и заглянула в замочную скважину.

Но увидеть ничего не увидела.

А Тимошка продолжал петь всё громче и увереннее.

— Хорошую выбрал песню! — хвалила его Фрося. — Молодец!

Тимошка замолчал, но музыка продолжала играть.

— Неужто и Тимошка так выучится? Господи! — Фрося слушала затаив дыхание.

Но вот музыка смолкла, и дверь действительно распахнулась.

— Кто это здесь шушукается? — спросил Алексей Лаврентьевич.

— Это мы! — засмеялась Леночка. Она взяла оробевшую Фросю за руку и шагнула в кабинет. — Это мы шушукались. Мы всё, всё слышали, — заявила она весело. — А «Марсельезу» надо петь по-французски! «Allons enfants de la patrie!..»

И Леночка, повторяя непонятные Фросе слова, запрыгала по мягкому ковру.

Фрося остановилась у порога.

— Всё хорошо! Всё хорошо, Фросенька! — кивал ей Александр Иванович.

Всё хорошо! А Тимошка почему не радуется? Стоит у открытого рояля, никого не замечая.

В кабинет торжественно вошла Евдокия Фроловна. В руках у неё начищенный серебряный поднос, салфетка, как и прежде, накрахмаленная. Только вместо сахара серые таблеточки сахарина и колющие сухари вместо печенья. Да и чай не настоящий. Где его возьмёшь, настоящий?

— Прошу, — сказал Алексей Лаврентьевич. — Прошу к столу.

Фрося выпила свою чашку и перевернула её кверху донышком. Леночка тоже опрокинула свою чашку и торжествующе поглядела на всех.

— Напились, — сказала она так же, как Фрося.

— А что же ты не пьёшь? — спросил Гнедин Тимошу, который молча сидел за столом и к чаю даже не притронулся. — Может быть, он лентяй? — шутя обратился Гнедин к Александру Ивановичу.

— Что вы! — Клоун Шура, волнуясь, стал рассказывать профессору, как Тимми слушал оркестр. — Польди его за это наказывал, а он всё-таки не пропускал репетиций. А теперь, теперь он будет стараться!

— Увидим, увидим! — Гнедин поглядел на Тимошку с доброй улыбкой. — Тебе придётся очень много работать. Очень много.

— Сыграй, профессор, — попросил, осмелев, Тимошка.

*

В кабинете Гнедина звучит музыка. Слушает её Тимошка. И видится ему своё: они во дворце с Репкиным глядят на плакат, на котором нарисована белая гидра. Гидра шипит, раскрывает все пасти, взвизгивает на сильном хвосте. А Репкин с размаху рубит ей головы.

Звучат победные трубы в музыке. На быстрых конях мчатся Репкин с Тимошкой.

«Не отставай, браток!» — кричит Репкин, размахивая острой шашкой...

— Благодарю, Тимми! Поклонись, — шепчет в наступившей тишине клоун Шура.

А Тимошка стоит, не кланяется. Для него ещё гремит гром, не смолкла музыка.

— Я играл Бетховена, — говорит Гнедин.

*

Александр Иванович, Фрося и Тимоша возвращались от Гнедина уже поздно. Пора бы в городе гореть фонарям, но фонари не горят. Даже в царском дворце нет света.

— Я ночевал здесь,— сказал Тимошка, взглянув на чёрные дворцовые окна.— Мог бы и жить остаться.

«Пускай хвастает,— смолчала Фрося,— не жалко».

— С вечера за хлебом становятся,— вздохнула она, когда они поравнялись с очередью около булочной.

Ветер стучал над входом в булочную жестяным кренделем. Мимо промчался тёмный трамвай, груженный дровами. Далеко гудел заводской гудок.

— Наша,— громко сказал Тимошка.

— Ты о чём, Тимми? — переспросил его Александр Иванович.

— Песня «Марсельеза» — наша,— ответил Тимошка. И прокатился по ледяной дорожке.

— Сторонись! — закричала Фрося и тоже покати-лась вслед за Тимошкой.

Навстречу им шагал вооружённый патруль. Впе-реди за командира у патрульных — матрос. Бушлат застёгнут на все пуговицы. На голове лихая беско-зырочка.

Ать-два, левой!

Ать-два, левой!

Всё ли спокойно в Питере?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Шарманщики	3	Елка	103
Соль с кипятком	9	Царевна Фроська	109
В городе война	12	Поезд дальше не идёт	113
Особняк во дворе	15	У Криночек	117
Тимошка деду не внук... .	18	Доня	123
Красивые люди	22	Артист Тимми	125
Башмаки с подмётками	27	С Новым, тысяча девятьсот восемнадцатым!	131
Страшное утро	30	Новогодняя ночь	134
«Каприз судьбы»	33	Не терять надежды	137
Первые уроки	37	Где Тимофей?	140
Рабочий полк	40	В Европу!	145
«Кто желает вытащить сча- стье?!»	45	Санитары	148
Матрос Репкин	49	Фронт	152
В царском дворце	55	Добровольцы	156
За Ахиллом	60	Рожок и гармошка	162
Уже вечер	62	Господа белые	165
Волшебство	65	«До кумы!»	168
Принц голландский	71	Бронепоезд	172
«Алле! Алле!»	73	«Судьба играет человеком!»	174
«Желаете с пулемётом?»	76	«Прощай, питерская!»	177
Сила убеждения	78	Это не сон	178
Кот в сапогах	82	Агитвагон	183
Гнедин	86	Родной дом	187
«Я его знаю»	88	Старое сердце	190
Дебют	90	«Не может этого быть!»	194
Музыка	96	«Марсельеза»	200
Клоун Шура	100		

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О Ш К О Л Ь Н О Г О В О З Р А С Т А

Карпенко Галина Владимировна

ТИМОШКИНА МАРСЕЛЬЕЗА

Ответственный редактор Л. И. Доукаша. Художественный редактор А. Е. Цветков. Технический редактор Т. Д. Юрханова. Корректоры В. В. Борисова и В. К. Мирингоф. Сдано в набор 31/V 1974 г. Подписано к печати 15/XI 1974 г. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 9,01. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2841. Цена 47 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суусевский вал, 49.